

Валерий Шаханов

ОСНОВОПОЛОЖНИК

18+

Валерий Борисович Шаханов

Основоположник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54075565

SelfPub; 2020

Аннотация

Он видел Жириновского, умел показать "болт" и "Писающего мальчика" столь блистательно, что публика потом ещё долго оставалась потрясённой. Да что там публика?! Она, как известно, дура. Нет сомнений, что даже сам Энди Уорхол переворачивался в гробу от сценических образов Иосифа Маркина. Основоположник... Да-да! Да! Другим словом его назвать было бы нельзя. Таких, как он, по пальцам пересчитать.

Содержание

Глава первая

ВОЛНЕНИЯ И «ВОЛНИТЕЛЬНОСТЬ»

I

В бестолковщине митинга не сыскать существа безобидней городского сумасшедшего. Любой записной бунтарь охотно вам это подтвердит. И уж тем более ни один из них не станет шарахаться в толпе от одетого не по погоде чудака, костерящего на всю Ивановскую какого-то там Чубайса или даже самого товарища Златопердского.

Люди сведущие знают, что бояться нужно неприметного гражданина, склонного к добровольному посещению массовых волнений. Именно этот тип более опасен для городских ротозеев, влившихся в густой митинговый кисель по глупости или из желания поправить финансовое положение. Ведь даже самый именитый последователь Зигмунда Фрейда – со всеми парадигмами, накопившимися за долгую усидчивость в его ученом мозгу, – не скажет: какой из потайных тумблерков щёлкнет в голове блеклого скромника, с восторгом обнаружившего, что в нескончаемых поисках правды и справедливости он не одинок. В череп такому не заглянешь, не определишь – способен тщедушный тихоня пустить в ход припасённую на крайний случай заточку или затаится до следую-

щего раза?

За городского же сумасшедшего поручиться можно. Он открыт, он незащищен и ярок, как лампочка накаливания в ночи.

Хмурым декабрьским днём один из таких появился на подступах к мятежной площади. Случилось это в час, когда ближайшие улицы уже начало заполнять людское половодье, грозившее утопить временно отведённую под бунт территорию. Приземистый человек шел на хрипящие звуки «раз... раз... раз...», несшиеся из огромных черных ящиков, выложенных, как кубики, друг на друге, рядом с пышно убранной во всё белое, словно к свадьбе, сценой. Тайные силы влекли его в центр назревавших событий, торопили туда, где заговорщицки шептались сосредоточенные люди, избравшие протест уставной обязанностью.

Шёл товарищ смело и в движении более напоминал экзотического жреца, нежели штатного смутьяна. Он то начинал семенить, то вдруг резко останавливался, чтобы, слегка потоптавшись на месте, развернуться и продолжить путь, идя уже боком или даже спиной вперёд. Набегавший ветер изредка возмущал седую шевелюру коротышки, чем довершал в нём образ шамана, исполнявшего свои мудрёные пляски.

Демонстранта можно было принять за пьяного, но индивид был трезв, как томик Маркса. Мужчина вообще не пил, и именно это похвальное свойство позволяло ему казаться достоверным в самозабвенном обличении предателей наро-

да. Натуральности образу добавляла деталь, не заметить которую было невозможно: странный человек не выговаривал половину алфавита. Видимо, поэтому вырывавшиеся из него гейзером фразы имели некую магическую мелодику, остановиться и вслушаться в которую хотели многие, проходившие мимо, зеваки. Даже ругательные слова, такие, как «кретины», «мрази», он изрекал мягко, округло: «кьетины», «мыази». Там, где ему хотелось заклеить кого-то, назвать, например, «фашистом», по ветру летело: «хашисты». Чего уж говорить о классическом определении всех тех, кто хоть однажды менял соратников по борьбе?

– Пойитические пыаститутки... – выкрикивал оратор и следом в адрес изменников неслись проклятия вперемешку с требованием отдать власть в руки прогрессивных сил.

Перед каждой новой фразой мужчина останавливался, скидывал голову и в глазах его, как у прищипленного конька-горбунка, вспыхивала решимость. Необстрелянное митинговое пополнение слушало дерзкие речи, восторженно принимало их и зычно подбадривало картавого оратора:

– Во даёт!

– Наш человек!

– Долой!

Однако интерес к говоруну вскоре пропадал. Кого-то не устраивало, что правду-матку режет персонаж весьма сомнительный, не стоящий внимания; а кто-то собственным нутром успевал прочувствовать, как в опасной близи раскручи-

вається, словно воронка на воде, самостоятельная, непонятная и судорожная стихия, способная, при роковом стечении обстоятельств, вобрать в себя их легковёрные души и утащить в бездну губельного водоворота.

Некрасивая девушка в симпатичной шапочке и зябкой куртёнке восхищенно следила за шаманскими танцами, внимала каждому слову мистического персонажа. Сама она держала в руке карикатурный портрет главного узурпатора, чей лик, стараниями неизвестного художника, был втиснут в округлость дорожного знака «Остановка запрещена».

– Совершенно замечательно. Bravo! Посмотри, посмотри, – толкала она в бок своим острым локотком долговязого спутника. – Каким замечательно смелым нужно быть.

– Это Семён. Не пропускает ни один митинг. Его среди нас Лениным кличут. Всех костерит, обзывает политическими проститутками. Малость придурковатый, но беззлобный, – низко склонившись над соратницей, пояснил юноша.

Ему было приятно проявить осведомлённость. Довольный собой, молодой человек пружинисто выпрямился и с хрустом в плече выбросил вверх сжатую в кулак руку.

– Даёшь демократию! – раздался в толпе его ломкий голос.

Призыв взлетел над россыпью голов-горошин и тут же запутался в многоцветных стягах знаменосцев, прибывших накануне на заказных автобусах.

Девушка наградила долговязого восторженным взглядом.

Ей и самой до слёз хотелось, чтобы скорей наступила замечательная пора. Она вскинула свою тоненькую ручонку, но, так и не придумав, что лучше всего крикнуть в поддержку законного требования, опустила кулачек и восхищённо прошептала:

– О-бал-деть.

«Народу-то сколько. И всё подваливают, подваливают хорьки», – бурчали правоохранители из оцепления и хмуро поглаживали новые резиновые дубинки, выданные накануне по случаю праздника свободного волеизъявления. Лоснящиеся каски полицейских очерчивали периметр площади, а на подступах к ней обозначали коридоры, по которым, как горячая кровь по венам, растекались всё прибывавшие и прибывавшие люди, насыщая собой митинговую плоть.

– Дорогу лирикам! – раздалось где-то внутри толпы и сразу же захлебнулось в негодующем рыке непримиримых баритонов:

– Пида-расы не пройдут! Пида-расы не пройдут!

Под ногами крикунов сухо щелкнули петарды, брошенные чьей-то провокаторской рукой. От запрещённых звуков громко заверещал ребёнок.

– Ма-а-ма! Ма-а-ма! – не переставало откуда-то звать дитё свою революционно настроенную мать.

Но и этот пронзительный голос, едва успев заявить о себе, сразу становился достоянием толпы, не признающей личности и с одинаковым равнодушием переваривающей в своей

ненасытной утробе детей, женщин, представителей силовых структур.

На городской площади, совсем ещё недавно мирно спавшей, формировался особый живой организм. Он беспрестанно колобродил, ежеминутно менялся в объёме и опасно пульсировал. В какой-то момент от него начал исходить тот специфический гул, при котором осторожный человек начинает чувствовать безотчетную панику. Так случается, когда до слуха доносится не безобидное жужжанье деловито собирающих нектар пчел, а будоражащий и грозный аккорд, воспроизводимый их собратьями, сбитыми в неукротимый рой.

II

Иосиф Богданович Маркин, не молодой уже артист оригинального жанра, бестолково и шумно носился по своему загородному дому. Он с грохотом открывал многочисленные шкафы, комоды, рылся в полках затхлых чуланов, где за долгие годы переменчивого творческого вдохновения скопилось его главное богатство – концертные костюмы и реквизит. Маэстро готовился к самому большому в своей жизни выходу и был возбуждён как никогда.

Следом за ним, в таком же крайнем возбуждении, бежала по этажам его гражданская жена, последняя любовь и почти что муза – Лизонька. Она сопровождала Иосифа молча, и только упрямые складки в углах пухлых (подарок бла-

госклонной природы) губ говорили о тяжелом моменте, переживаемом ею. Уже несколько дней она, как могла, боролась с блажью артиста, вздумавшего пополнить собой ряды приверженцев демократии. Всё могло показаться не таким уж и страшным, если бы Маркин накануне не объявил, что намерен предстать перед соратниками в костюме, символизирующем «раскрепощённый дух». Спорное решение грозило обернуться катастрофой. Тончайшей женской интуицией Лизонька почувствовала, что в народе не воспримут ни ажурные колготки с блёстками, ни трепетное боа, которые её любимый собирался использовать в качестве дополнения к мятежному образу.

Против лёгкого скандала спутница жизни ничего не имела, но полный крах не входил в её планы. Поэтому, улучая момент, она с ловкостью орлицы цепляла безукоризненным маникюром облюбованное мужем сценическое шмотьё и с негодованием уносила добычу на старые места. Назад возвращались сомнительные панталоны, экзотические головные уборы, пёстрые пиджаки и цветастые жилеты.

Изредка из галантерейной мишуры Маркин извлекал предметы, назначение которых могло показаться загадкой не только для целомудренных девиц. Попадавшие под руку штучки Иосиф любовно обзывал «артифаками» и, как истинный артист, моментально приступал к импровизации, применяя безделушки мимо их прямой пользы. Забавлялся ими он не долго – крепкий профессионал умел вовремя

остановиться и сосредоточиться на главном.

– Не смейся людей, Ёжик. Если ты у нас теперь революционер, то учти: они в таком не ходят, – иронично заметила Лиза, увидев, как задумчиво смотрит Иосиф на красный со стразами костюм, где у брюк имелись кокетливые прорехи, позволявшие ягодицам свободно взирать на мир.

Артист пробовал объяснить творческий замысел, но его доводы разбивались о женскую логику, заставлявшую почти сразу усомниться в правильности того, что всего лишь минуту назад казалось гениальным. В конце концов, смешить людей он, точно, не собирался; но и оставлять за Лизонькой последнее слово было не в его характере.

– Я komponую. Не мешай! Лёся, скажи хоть ты ей что-нибудь, – взвыл в конце концов Маркин и призвал вмешаться в спор собственного продюсера, Алексея Грота, который уже несколько часов наблюдал за происходившим в доме тарарамом. – Она не понимает. Она не хочет понять, что наступает мой звёздный час. Меня, может, впервые в жизни увидят миллионы людей. Это наш последний и решительный... шанс, Лёся. Я не могу предстать перед народом вахлаком. Или ты с нею заодно?

Лёся, который до сего момента никак не вмешивался в происходившее, в ответ промямлил что-то несуразное и неуверенно пожал плечами. За долгие годы общения он научился ладить с Иосифом и лишний раз не лез на рожон, особенно в тех случаях, когда его чудаковатый друг находился

в творческом поиске.

Понятны были ему и опасения Лизоньки. Она тревожилась за карьеру мужа. Почти до обморока её пугала идея Иосифа примкнуть к революционному авангарду. Бедная Лиза, к своему несчастью, слышала о кровавом воскресенье. Назидательный пример, почерпнутый из школьного курса истории, всплыл в её избирательной памяти сразу же, как только стало известно, куда собирается пойти на выходные Иосиф.

– Отвинтят вам бóшки. Ей богу, отвинтят, – причитала Лизонька.

Было жутко представить, что её Маркин, известный в высоких кругах артист, исполнитель оригинальных номеров, добровольно идёт подставлять собственную голову под промозглый зимний ветер и дубинки тех, кто во все времена гонял интеллигенцию и передовой пролетариат по переулкам и подворотням бунтующих городов.

Лизонька на собственной кожице знала: каково это – попасть под горячую руку, служа естественным объектом внимания. С первым своим серьёзным ухажером – ударником в рок-группе – ей не раз приходилось переживать болезненные моменты. И хотя внезапно возникавшие меж ними потасовки были мимолётными и неизменно тонули в безумной страсти двух влюблённых сердец, втайне девушка мечтала об иной доле. Но тогда... тогда они были слишком юными и пылкими.

С Маркиным у Лизоньки всё складывалось по-иному. Она терпеливо сносила его выходки, закрывала глаза на безобидные чудачества, но никогда не позволяла зарождаться процессам, способным лишить благ, доставшихся ей ценой, о которой предпочитала не вспоминать.

Услышав от Иосифа слово «справедливость», она ойкнула и тут же призвала Грота, чтобы совместно навалиться на кормильца и отговорить его от опасной затеи.

– Лёсик, срочно приезжай. Я просто в шоке. Маркин решил идти в политику. Ты представляешь: сказал, что нужен протестному движению. Они ему уже и должность придумали в своём правительстве. Будет, говорит, реформировать нашу многострадальную культуру. Лёшенька, приезжай завтра пораньше... Прошу... Я не могу... мне уже... – и она захлюпала носом, чем сразу добилась согласия Грота быть в их доме уже с самого утра.

III

Талант Иосифа Маркина ценился в среде таможенных брокеров, работников дальних отделов внутренних дел, в закрытых женских клубах и элитных коттеджных посёлках. Но только дружба с реверсивной партией, которую с первого дня её основания возглавлял Гарик Леонтьевич Уссацкий, подогревало в артисте надежду, что однажды и его творчество вырвется из замызганных красных уголков, богато мебелиро-

ванных особняков, яхт, немногочисленных VIP-залов, обретёт, наконец, широкого зрителя.

На дворе уже был глубокий вечер, когда в «Артистическое агентство Маркина» позвонили из секретариата головной штаб-квартиры объединённого политсовета партии реверсивного движения и предложили маэстро встречу. Странным звонок никому не показался. Иосиф находился на короткой ноге с партийным костяком и мог побеспокоить личной просьбой любого из боссов. Общаться запросто с людьми из разных политических эшелонов Маркину позволяла его эмоциональная свобода и статус «изюминки» на самых разных сборных концертах. Способность артиста радовать партийный актив лёгким жанром неизменно пользовалась спросом под занавес очередных съездов, по случаю знаменательных дат, событий и юбилеев.

Маркину нравились неформальные отношения с реверсивной партией, руководство которой к тому же не скупилось на искусство. Даже после того, как любимец публики отдавал (по тайной договорённости) Митрофану Брунету, главному партийному идеологу, две трети своего гонорара, на руках у Иосифа оставалась сумма, позволявшая ещё долго спокойно дожидаться очередного слёта активистов.

Утром следующего дня маэстро уже сидел в приёмной председателя и развлекал шутками всеобщую любимицу партии, секретаршу Уссацкого, Оксану. Пухленькая, отзывчивая на любые просьбы девушка была рада артисту. Она во

все глаза тарасицалась на него, временами прыскала от смеха, и, чтобы веселье на рабочем месте казалось не очень бросающимся в глаза, прикрывала лицо сводным отчетом о работе региональных партийных ячеек. Время от времени Оксана кокетливо повторяла:

– Ну вас, Иосиф Богданович...

На шум, в приёмную заглянул Митрофан Брунет.

– Опять бардак развели. Веселитесь? – неодобрительно заметил главный идеолог.

– Да нет, товарищ Брунет, – оправдывалась девушка, – товарищ Маркин рассказывает о случаях на концертах. Люди, оказывается, такие странные бывают... я валяюсь, – и она опять, поперхнувшись смехом, прикрыла лицо спасительным отчетом.

– Вот-вот. Я и говорю – веселитесь. Как дети, честное слово!

– Извините, Митрофан Дадашевич. Вырвалось. Я тут вам материалы распечатала.

– Вы бы лучше, Иосиф, рассказали нашим коллегам что в мире происходит, – с плохо скрываемой укоризной заметил Брунет и не стал брать из рук Оксаны предназначенные ему бумаги. – За партийными делами они у нас света белого не видят. Карелию за границу считают, а про Адыгею-то я уже вообще, как говорится, молчу: не слышали-с. Катастрофически отстаём от реалий жизни. Беда. До слёз беда.

– Что ж рассказать-то? – на секунду задумался Иосиф. –

Ну вот, например, по основным новостям передали: житель африканской саванны поперхнулся косточкой редкого плода и умер, не приходя в сознание. Но самое интересное, говорят, что растение это – культовое и занесено в какие-то там анналы. Мужик хотел подправить свою – я извиняюсь, Оксаночка, – потенцию, но вместо этого и сам погиб, и, как оказалось, варварски истребил растение. Сейчас в стране ждут волнений племён, что поклоняются духу плода. Забыл, как называется этот фрукт, но у меня записано.

– Жуть. Сволочь какая, – воскликнула в испуге Оксана и с тревогой посмотрела на Брунета.

– У них там, в африках, порядка никогда не было, – подхватил тему идеолог. – Сегодня только наша партия способна защитить и флору, и фауну одновременно, системно ответить на любой вызов. Мы как раз сейчас, товарищ Маркин, разворачиваем необходимую работу в регионах...

– Кстати, – перебил Иосиф, – в тех же новостях: в одном регионе дом престарелых сгорел со всем содержимым. Дотла. И утонули в бане паломники. Подключилась чрезвычайная служба. Жизнь без конца проверяет нас на прочность. Не даёт, зараза, расслабиться.

– А как вы думаете, Митрофан Дадашевич, волнения африканские могут до нас докатиться? – полным тревоги голосом спросила партийная любимица. Она всё ещё продолжала осмысливать первую новость; во взгляде её застыла тревога.

Брунет готов был успокоить сердобольную секретаршу, но

вмешался шеф. Уссацкий по громкой связи приглашал Маркина зайти.

– Ни пуха, ни пера, Иосиф Богданович. У Гарика Леонтьевича сегодня хорошее настроение, – напутствовала артиста всё замечавшая Оксана.

Маркин вошёл в просторный кабинет лидера партии с широкой улыбкой. Зная, что доставит Уссацкому удовольствие, встал в третью позицию, вскинул правую руку и громко, вкладывая в слова максимум патетики, переиначил под собственную выгоду слабенькое, по своей поэтической силе, но весьма пикантное двестише:

Если женщина в постели хороша и горяча,
В этом личная заслуга Гарика Леонтича.

– Вы, как всегда, в своём репертуаре, товарищ Маркин, – без лишнего смущения отреагировал партийный основатель. – К сожалению, не могу поддержать ваш фривольный настрой. Слишком важный вопрос нам предстоит обсудить. А времени катастрофически мало. Поэтому приступлю сразу к делу. Есть мнение, Иосиф, рекомендовать вас...

Договаривать Уссацкий не стал. Вместо этого он хитро прищурился и застыл в выжидательной позе. Прошла минута, вторая... Время утекало, а в глазах Маркина не появилось и тени любопытства. Он продолжал слащаво улыбаться и молчал.

Пауза затягивалась. Понимая, что артист и не думает теряться в догадках, хозяин кабинета повторил заход. Во второй раз фраза прозвучала медленней и с нотками обиды:

– Я говорю: есть мнение рекомендовать вас. Вам, Иосиф Богданович, не интересно куда?

– Мне интересно всё, что связано с вашей партией, Гарик Леонтьевич, – ответил артист и почему-то потупил взор.

– Нашей, нашей с вами до мозга костей партии, дорогой мой, – поправил лидер, ослабился и стал походить на того Гарика Леонтьевича, которого маэстро десятки раз наблюдал со сцены во время своих выступлений.

– Хотим вас видеть «лицом» нашей боевой организации, Иосиф. Правда, в силу специфики жанра, который вы представляете, трудно говорить именно о лице... – Уссацкий снова хитро прищурился, но, чтобы в очередной раз не попасть в просак, почти не делая паузы, продолжил:

– ...но именно ваш феномен, безусловно, выделяет вас на фоне традиционного искусства, которое вступило в противоречие с нашей повседневной жизнью. Мы – партия, которая не боится нового и решительно поддерживает новаторство во всех его проявлениях. Идеолог и теоретик нашей партии товарищ Брунет сравнивает ваше искусство с творчеством американца Ворхала. Да-да! Не меньше! Тот отражал в своих произведениях культовые предметы. Вы пошли значительно дальше, взяли на себя смелость противостоять махровому ханжеству. Хотите вы или нет, товарищ Маркин, но вы

для нас теперь со всех концов фигура знаковая.

Гарик Леонтьевич на секунду замолчал, окинул Иосифа тёплым взглядом отца нации и ласково спросил:

– Так что, батенька, решаете? Даёте согласие?

– И ваш банк можно будет рекламировать? – обрадовался Иосиф. – Я уже вижу, как всё можно повернуть. Сижу я этак в белом кожаном кресле, много света, цветов...

– Данный контент потом обсудим, Иосиф Богданович, – болезненно сморщился и поспешил уйти от разговора Усацкий. Он не любил упоминания своего банка вслух.

– Нет, потряска! Я уже всё, всё придумал! – не унимался артист. – А я говорю на наезжающую камеру: «Честный банк – для хороших людей». Затем меня показывают крупным планом. Я улыбаюсь и добавляю: «Положи на счет». Положи. А? Солидно? И в моём духе. Понятно. Да?

– Так вы даёте своё принципиальное согласие? – почти потеряв терпение, воскликнул тайный банкир.

– Почту за честь.

И Маркин всем телом потянулся через огромный рабочий стол, чтобы с чувством пожать партайгеноссе руку.

IV

Машина отреагировала на разблокировку дверей двумя звонкими механическими поцелуями. Перед тем, как сесть в автомобиль, Иосиф взглянул на хмурое, казавшееся со-

всем-совсем низким небо, и с настроением вдохнул.

– Всё-таки, хороший у нас здесь воздух! А? В раю живём, ей богу, – похвастался он перед Гротом, блаженно зажмурился и в очередной раз отпустил в свой адрес молчаливый комплимент.

Маэстро не переставал благодарить себя за то, что когда-то огородил в хвойном лесу участок земли с небольшим, подпитываемым родниками, озерцом. Грех было не прибрать к рукам этот сказочный уголок, который, как считал Иосиф, вряд ли бы долго ждал своего хозяина. Вскоре, действительно, рядом стали появляться другие новостройки, но звание первопроходца, человека дерзкого, пренебрегшего условностями, уже навсегда было закреплено за Иосифом Маркиным.

– Подумай ещё раз, Иосиф. На кой черт тебе всё это надо? – не обращал внимания на лирический настрой друга Лёсик. – Не боишься? В трубу полетят корпоративы. Без бабосов останемся. Чем расходы будешь покрывать?

Не отставала и Лизонька. Она увязалась за мужчинами; стояла возле машины в одном халатике и, как солдатка, причитала:

– Не ходил бы ты к ним. Ну что за радость переться на эту жуткую забастовку? Да и костюм этот твой... ладно бы ещё летом... Ёжик...

– Всё, помчали! Нас ждут великие дела, – прогромыхал Иосиф, поцеловал Лизоньку, наглухо застегнул пуховик и за-

ставил Лёсика сесть за руль.

На место они прибыли, когда большая людская волна уже накрыла площадь. Возле сцены не находили себе места организаторы, среди которых достоверней других суетился Митрофан Брунет. Друзья видели, как в какой-то момент он схватился за голову, а затем с кулаками бросился на увальня, понуро смотревшего себе под ноги.

– Где списки выступающих?! Я тебя спрашиваю! Где списки? – доносилось до включенных на сцене микрофонов.

Брунет хватал «ублюдка» за грудки и изо всех сил старался вытрясти из него душу и, если повезёт, недостающие списки. Верзила стоял незыблемо, как памятник великому русскому художнику Репину.

Со стороны казалось, что жертвой является сам идеолог. Голова Митрофана Дадашевича моталась, тело ходило ходунном; и это существенно мешало правильно оценить суть происходящего.

Приблизившись к схватке, Грот принял возню за разминку двух замёрзших на студёном воздухе активистов, захопал в ладоши и громко подбодрил Брунета:

– Держись, Митрофан! Свободное искусство за тебя!

Идеолог повернул голову, удивлённо посмотрел на продюсера и мигом отстал от верзилы, продолжавшего стоять в покаянной позе.

– Вы все хотите меня сегодня угробить, – в бессилии захныкал Митрофан. – Где, где Маркин? Он знает, что ему

скоро выступать?

– Привёз я ваше «лицо». При полном параде стоит около шефа, – успокоил продюсер и кивком показал в сторону стоявшей неподалёку группы людей.

Фигура Гарика Леонтьевича Уссацкого возвышалась над окружавшим его кагалом. Выглядел партайгеноссе торжественным и сосредоточенно-строгим, как капитан дальнего плавания, позирующий для документального фильма. Подходы к лидеру реверсивной партии со всех сторон отсекали корреспонденты. Они пихались локтями, отжимали рядом стоящих, чтобы занять место поближе. Когда Уссацкий заговорил, журналисты, с той же быстротой, с какой на официальных фуршетах проворные руки тянутся к последнему бутерброду, сунули ему под нос микрофоны.

Вождь вскинул голову, поднял руку и решительным жестом указал в сторону, где, словно черничное желе, колыхалась, ждущая зажигательных речей, толпа.

– They say we want a revolution. We all want to change the world,¹ – возвестил главный реверсист, делая вид, что не подозревает, что один-в-один повторил зачин из известной битловской песни.

– Yay! – с восторгом воскликнули сразу несколько иностранных корреспондентов, понимая, что для своей аудитории эту часть выступления можно будет давать без перевода.

Остальной текст своего послания оратор доводил до ми-

---

¹ Говорят, мы хотим революцию. Мы хотим изменить мир. (англ.)

ровой общественности без заметных аналогий:

– Our movement will grow and grow. It shows that there are already several hot points, which are formed, which either needs to continue the discussion with power, or it is necessary to take razvilochnoe decision.²

Уссацкий ещё несколько раз упомянул грозно прозвучавшее в его исполнении «развилочноэ десыжен», что не могло пройти мимо ушей тех, кто сознательно следовал линии официальных СМИ. Представительница частного канала, симпатизировавшего властям, потребовала экстренных разъяснений. Ей показалось, что руководитель реверсивной партии призывает народ взяться за вилы.

– Не бойтесь, что вас могут привлечь за экстремизм?

– Мы за конструктивный диалог со всеми, – парировал Уссацкий, – и требуем, чтобы с нами считались. В наших рядах миллионы.

На этих словах Гарик Леонтьевич заметил Маркина, который стоял невдалеке, в окружении радостных поклонников и размахивал желтым шарфом. Лидер плакатно улыбнулся и с воодушевлением подытожил:

– С нами цвет нации!

V

---

² Наше движение будет расти и увеличиваться. Оно показывает, что есть уже несколько горячих точек, которые сформировались, по которым либо надо продолжить дискуссию, либо надо принять какое-то развилочное решение. (англ.)

Со стороны казалось, что на украшенном шарами подиуме творится полная неразбериха. Два десятка человек путались друг у друга под ногами. Они собирались вместе то в одном углу, то в другом; выстраивались в ряд, разбивались на пары; и беспрестанно перешептывались. Создавалось впечатление, что на сцене доигрывается спектакль, режиссёр которого сбежал задолго до генеральной репетиции, бросив на произвол судьбы наспех сколоченную труппу. Неразбериха сопровождалась аккомпанементом спонтанно производящих фон динамиков и доносившимися из них же призывами «умереть», «возродиться», «покончить».

Митрофан Брунет продолжал метаться перед сценой. В деятельном волнении, он – атеист, и, в комсомольском прошлом, разоблачитель церковных бредней – впервые в своей жизни обратился за помощью к Всевышнему и втихаря молился, чтобы революционная ситуация вывела, наконец, его партию в авангард пробуждающегося народа.

Казалось, что Господь внял мольбам Митрофана Дадашевича. Когда Уссацкий взял в руки микрофон, тот только пискнул в крепкой руке главного реверсиста.

– Братья! Сестрички дорогие! – пронеслось над площадью. – Каждый день мы натываемся на ситуации, которые вопиют. Власть перестала видеть нас, не желает слышать!

Голос Уссацкого звучал твёрдо, а первые фразы напористого и острого на язык трибуна породили на площади одоб-

рительный гул. Брунет уже начал успокаиваться насчет перспектив бескомпромиссной борьбы, как вдруг до его слуха донеслись слова, принципиально менявшие вектор избранного партией поступательного движения.

– Мы будем вынуждены принять развилочные решения, – громом среди ясного неба прозвучало из мощных динамиков.

От удивления Брунет раскрыл рот и растерянно оглянулся по сторонам. Он точно знал, и мог зуб дать – да что там зуб! – голову отдать на отсечение, что слов таких в тексте не было. Три дня Митрофан лично вылизывал выступление, шлифовал каждую фразу. Бесконечно согласовывались подходы, концепция, тональность митинговой речи. О принятии именно «развилочных» решений условились до поры до времени не заикаться. Эффектная заготовка должна была стать неприятной неожиданностью для власти, секретным оружием оппозиционеров против бездарно правящей властной верхушки. И вот теперь вся конспирация в одну секунду пошла псу под хвост. Налицо были оппортунизм и предательство.

Идеологический стержень партии хрустнул: у Брунета что-то окончательно надломилось внутри. Он вмиг ощутил себя брошенкой, у которой перспектива обещанной свадьбы вдребезги разбилась о нежелательную беременность.

Как частенько и происходит с несостоявшимися невестами, у Митрофана вначале родилась мысль уйти в религию,

но, никогда не спавший внутри него стойкий и изворотливый политик предостерег от опрометчивого шага, призвал не сдаваться и продолжить борьбу в рядах партии державников-почвенников Геннадия Погорельца.

Оскорблённый идеолог сорвал с шеи желтый шарфик, единственное, что его теперь связывало с прежними товарищами, швырнул маркую тряпицу на сырой асфальт и двинулся в толпу: навстречу новым соратникам.

Завидев Митрофана, люди радостно возбуждались. Те, кто был посмелей, спрашивали у него про спецвойска, якобы переброшенные для усиления с плато Устюрт; кое-кто интересовался датой окончательного разгрома мира насилия, биржевыми ценами на энергоресурсы и ещё чем-то, что на тот момент казалось им важным, животрепещущим, требующим немедленного прояснения. Не на всё теперь у Брунета находились ответы.

Несправедливый и болезненный удар достался дипломированному политологу и от сумасшедшего Семёна, неожиданно вынырнувшего из плотных шеренг. Дурачок держал в руках подобранный где-то желтый аксессуар, размахивал им и надрывно выкрикивал:

– Пойитические пыаститутки... Давай азвивочные ишения!

Брунет сгорбился и решительным движением запахнул лицо воротником старомодного кашемирового пальто. Обида гнала его туда, где можно было затеряться среди рядовых

членов общества. Он уже готовился слиться с толпой, когда за спиной раздался зычный и давно знакомый голос Погорельца:

– Что, Митрофан, конспирируешься? В народ-то вышел охотку потешить или заданий такой получил?

– А-а, Геннадий! Господь мне тебя послал, – обрадовался Брунет, не заметив, что за последние полчаса уже в третий раз все поминает Творца. – Тебя, тебя ищу, дорогой мой. На тебя уповаю. Есть важные вопросы. Обсудить надо.

– Что за спешка? Потом обговорим. Эвоно! Ты посмотри-ка, ваш чудик нарисовался.

Митрофан Дадашевич всем телом повернулся в сторону, куда пальцем показал Погорелец. На сцене к микрофонам подходил Маркин. На ходу он что-то выкрикивал, стараясь сбросить с себя пуховик. Под зимним утеплителем скрывалось обнаженное тело артиста с накинутыми на плечи широченными, как у цирковых клоунов, подтяжками. Помочи держали непомерно большие брюки, у которых на месте традиционной ширинки неожиданно начал надуваться продолговатый, похожий на кабачок, воздушный шар.

– Прикольно, – послышалось рядом.

– Не прикольно, а круто! – горячо возразил другой юный голос. – Жжет, чувак, конкретно! Я тебе говорил про него. Ну, помнишь? Иосиф Маркин! Его реверсисты сейчас всюду пихают. Ты чего! Считается живой легендой, нашим Энди Уорхолом.

– А Ворхыл кто такой? – прозвучал простодушный вопрос.

– Деревня. Ты ещё скажи, что и про «Пусси рэзт» ничего не слышал. Энди Уорхол это...

– Такой же засранец, как и ты, – заорал Брунет.

Ему стало нестерпимо обидно за своё же неосторожное сравнение, которое когда-то вырвалось у него по пьянке, и разгуливало теперь само по себе без указания на первоисточник.

– Да если вы хотите знать, то этот Маркин ваш любимый – совсем не Маркин. Нейзильбер его настоящая фамилия, – соврал идеолог, – Нейзильбер!

Митрофан захохотал отрывисто и зло, словно из последних сил нёс он эту тайну, а теперь, освободившись от неё, чувствовал не облегчение, а ещё большую тяжесть, но уже по причине того, что не сделал признания раньше.

Поклёп на кумира заставил юношу взбунтоваться:

– Вы фашист и клеветник. Маркин глубокий и символический. Он, реально, наш Энди Уорхол, – дрожащим от волнения голосом прокричал мальчишка. – Его поймёт только тот, кто сам не кривит душой. А вы, вы – злобный карлик, лузер...

На этих словах Брунет с кулаками бросился на мальчика, но Погорелец быстрым движением схватил идеолога за пальто и притянул к себе.

– Ну что ты на ребёнка прыгаешь, заполошный? Они же – дети, – попробовал пристыдить почвенник тяжело дышав-

шего в его объятиях Митрофана. – Горяч ты, Дадашевич, ей богу. Аки ялдан у необъезженного коня. Ты, лучше, посмотри, что там ваш чудило вытворяет.

На сцене Маркин продолжал куражиться, и ни в какую не хотел уступать место следующему оппозиционеру.

– Эге-ге-гей! – кричал он в толпу. – Нас не заморозить! Нас не сломить! Мы голые, мы свободные! Подлая власть только делает вид, что мы ей интересны. Что она может видеть этими зенками? – прокричал разгоряченный артист, развернулся спиной к толпе и резко нагнулся: через прорехи в брюках на людей взглянули две холёные ягодицы с нарисованными на них глазами.

Общество заволновалось, нарастал гул и неодобрительный свист. Но артист ничего не хотел замечать. Он явно затягивал выступление: перебарщивал с импровизацией, выписывал такие коленца, которых Митрофан не видывал от него даже на закрытых концертах. На пойманном кураже солист дважды в прыжке вскинул в сторону ноги, что было явно лишним и простительным разве что для конкурса на каком-нибудь Евровидении.

Перед третьим прыжком Иосиф большими пальцами оттянул эластичные шлейки подтяжек в надежде при приземлении щёлкнуть ими по обнажённому торсу. Однако уже на взлёте он случайно задел ногой ближайшую треногу из-за чего намеченный полёт пошёл по неправильной траектории. Падающая стойка повалила следующую, та ещё одну, рассы-

пая по деревянному настилу гирлянды из микрофонов. Площадь огласилась громовыми хрипами и треском.

На позорный провал ставленника партии Митрофан никак не рассчитывал. Он хотел, чтобы Иосиф в революционном порыве вскинул руки, бросил вверх блестящие конфетти и произнёс основополагающий тезис реверсистов: «На службе у народа». Только такое могло запомниться людям навсегда.

– Символичная, ударная концовка, – уверял идеолог товарищей и исполнителя трюка накануне митинга, – прозрачный и недвусмысленный сигнал к широким политическим выступлениям.

Шикарная задумка не состоялась. Маркин, этот самолюблённый петух, сделал всё по-своему, довершив собственным провалом скоропалительное перерождение Брунета в злейшего врага реверсивной партии.

Среди возникшего переполоха в разных концах площади поочерёдно раздались глухие, похожие на выстрелы, хлопки. Последним бухнул жёлтый шарик, чудесным образом возникший между ног артиста в самом начале выступления. Звук лопнувшего «кабачка», усиленный разбросанными по полу микрофонами, показался оглушительным. Но и о нём сразу забыли, как только со сцены послышались истошные крики.

– Врача! Врача! Убили! – кричали сразу несколько голов.

За мгновение до катастрофы Брунет видел, как тело артиста странно изогнулось и рухнуло на подмости.

«Убили!» эхом пронеслось над площадью.

«Есть, есть Бог на свете», – засело в голове у Митрофана, пораженного происходящим.

Глава вторая

«ТРУТНЫЕ» ГОДЫ

I

Если в обычных городах люди мечтают о сказочном богатстве тайно, то каждый житель городка, откуда был родом Иосиф Маркин, грезил о нем открыто и вслух. А о чем еще можно искренне мечтать среди вечно зелёного великолепия: между морем и дивными горами, где на узкой полоске обустроенной суши становишься невольным свидетелем нескончаемого праздника? Город этот искушал каждого, кто презирал лопату и не прочь был плюхнуться в него, как в томно раскачивающийся гамак, чтобы пополнить собой армию мечтателей о выигрышном лотерейном билете, фантастическом кладе или богатом наследстве, оставленном всеми забытым дядюшкой, своевременно почившем в глухом кокаиновом раю.

Юный Иосиф покидал родные места без сожаления. Он

знал, что рано или поздно вернётся сюда и станет для земляков идиолом, кумиром, объектом зависти, человеком, сумевшим обуздать судьбу, подстроить её под себя.

– Дурак ты, Лёха! Зря не едешь со мной, – говорил он перед расставанием однокласснику и закадычному другу Лёшке Гроту. – Пойми, сейчас в центр нужно валить. Там возможностей море. Люди с талантом всплывают на раз. А талант, братишка, это серьёзный капитал. Главное – встрять куда надо, а там уж... Ты посмотри, балда, – свобода. Все, кому не лень, голосом Брежнева заговорили. Горбача пародируют. А у меня-то круче ихнего получается, – и в подтверждение собственных слов воспроизвёл интонации перечисленных генсеков:

– Уважаемый товарищ Герек, уважаемая Маргарет Тэтчер... А? Нужно углубить процесс, достичь всеобщего консенсуса. Ну, клёво ведь? Хазанов с Винокуром отдыхают. Вдвоём с тобой мы бы там шороху навели.

– Ага! А если политику пришьют, да упекут в козлодёрку? – с вызовом поинтересовался Лёшка.

– Лёся, зубов бояться – в рот не глядеть.

– Причем тут это. Я тебе говорю, что запросто можно загреметь. Батя всё время повторяет: «Контора не дремлет». Загребут за милую душу, не посмотрят, что ты – охеренный прожектор перестройки.

– Ну, и хорошо! Можешь гнить здесь. Только потом не просись взад. Хрен возьму.

Иосиф всю свою куцую жизнь связывал себя только со сценой – в свете прожекторов и яркой славы. Он желал этого страстно с тех самых пор, когда впервые начал появляться на публике в костюмах зайца, пирата или колобка, блистая в школьных постановках. К концу десятилетки иной стези для него не прочили даже те, кто только вскользь слышали об уникальных актёрских способностях Ёсика.

– Учти, Маркин, – говорил ему Исаак Лазаревич, старый учитель французского языка, хлебнувший от своего ученика по самый «аксантизю», – тройку я тебе авансом поставил, чтобы не подумали, что ты – дебил. Мне крайне больно бросать тень на твой талант. Может, ещё народным клоуном станешь.

Была, была в Иосифе настырность, двигавшая в нужном направлении, была и безумная вера в свое предназначение. Да и время на дворе наступило чудо какое благодатное. Перестройка. Люди бесстрашно кинулись в частный бизнес, в объятья экстрасенсорики и потусторонних сил; стали открыто верить в бога, НЛО, курс американского доллара; принялись массово шутить на сцене; с применением армейского вооружения истреблять себе подобных; выезжать из страны навсегда не только благодаря гастролям и туристическим поездкам.

Редкие люди при этом понимали, что всё важное и настоящее уходит от них навсегда, и растерянно наблюдали за наступающей новой жизнью, которая пугала. Иосифу было та-

ких не жалко.

II

– Молодой человек, поддержите музыкантов.

Улыбчивый пройдоха, с серым испитым лицом, протягивал в сторону Иосифа засаленную бейсболку, заглядывал ему в глаза и не столько клянчил, сколько куражился над нежелающим раскошелиться прохожим:

– Поддержите, и будет вам счастье. Вам что, счастья не надо?

– По пятницам не подаю, – на ходу буркнул Иосиф.

Собирателю пожертвований ответ не понравился. Лицо его побагровело, на скулах заиграли желваки; и если бы он не вспомнил, что служит в настоящий момент культуре, а не просит в подворотне огонька у ночного прохожего, то вполне возможно, что Иосифу пришлось бы отбиваться или даже спасаться бегством. Впрочем, парень всё же нашёл способ выплеснуть злость:

– Да пошёл ты, козлина. Жлоб, нах.

Маркин захотел крикнуть в ответ тоже что-то обидное, обернулся, но раскрытый зев бейсболки плыл уже в обратную сторону, где под лукавую молитву «Поддержите музыкантов» жалостливые граждане бросали в «каассу» уличного певца карманную мелочь. Сам исполнитель стоял поодаль, в обнимку с гитарой и жалостливо воспевал противоречивые

чувства созревшего для любви мальчишки.

Лучше мне-е уйти, но без грустных нежных глаз твоих
Мне не будет в жизни доброго пути-и.

«Дураки люди, – заговорило в Иосифе хроническое безденежье, – Любую хрень им можно втюхать. Ни играть этот фуфел толком не умеет, ни голоса у него нет. Сколько же эти чмошники за день здесь лопатят?»

Диплом артиста не приносил молодому организму здорового питания. Большая сцена не хотела принимать выпускника театрального училища, а кино лишь изредка предлагало участие в массовках. Успешная роль Гамлета, сыгранная в дипломном спектакле, уже не грела самолюбие воспитанника прославленного заведения. Он становился злым и раздражительным. Людей, которые знали о скрытом в нём таланте, Иосиф вскоре возненавидел и обходил стороной. В большинстве своём это были друзья его первой спутницы жизни Снежаны. Возлюбленная ушла от Маркина через полгода, сказав напоследок, что ненавидит его гениальное дарование сильнее, чем гречку, которой он её без конца пичкал.

Чистая душой девушка, мечтавшая сиять в лучах славы собственной знаменитости, ежедневно водила в дом неизвестных людей, конному и пешему рассказывала какой «жутко талантливый у неё Марконя» и всякий раз требовала от него показать гостям заветный красный диплом.

– Ну, дай, дай им посмотреть, – умоляла любимого артиста Снежанка, трясая, словно в немом фильме, сплетёнными у подбородка руками.

Любовная гармония подвергалась изощрённой пытке однообразием. Слезные восторги, разговоры о театре, драматургии, тосты за выдающиеся роли «реального Смоктуновского» становились для Иосифа невыносимыми. Постепенно он становился нелюдимым, мрачным и всё чаще отказывался выполнять Снежанкины капризы.

Ночами его стал посещать навязчивый сон, в котором рогатый ректор вручал ему под видом диплома тяжёлый булыжник и ласково приговаривал:

– Дурачок. Ты думал, что всех обманул? Не-ет. Диплом с отличием нужно заслужить кровью. Тресни им Снежанку по голове. Даю тебе честное-благородное слово, что он станет красным, как ты и обещал маме.

Во сне Иосиф очень боялся, что всем может стать известно, какой на самом деле цвет его диплома, хватал протянутую чертом каменюку и бежал выполнять условие нечистого.

Уход подружки к модному, многообещающему артисту Виталию Серову умиротворил Иосифа. В его взгляде перестала читаться растерянность, так не шедшая молодому таланту; а вскоре он с облегчением заметил, что куда-то улетучились и навязчивые ночные кошмары. Совершенно по-новому открылось перед ним состояние одиночества, превратившееся в синоним свободы и упоительной независимости. Возобно-

вились почти забытые походы по городским забегаловкам, сопровождавшиеся, как и раньше, мимолётными любовными встречами и рискованными приключениями.

Маркин упивался снизошедшей на него волей, и, возможно, именно потому, что сам находился в этом завидном состоянии, с удивлением для себя открыл: целая армия участников художественной самодеятельности с гитарами, дудками, со скрипками и без них высыпала на мостовые с единственной целью – немного заработать.

У Иосифа никогда не возникало желания разбрасывать рубли в расставленные на асфальте картонные коробки, футляры, шляпы. Он не поощрял халтуры и страдал от неё физически, почти так же, как некоторых корёжит от визга жестянки о стеклянную гладь. Но сущей трагедией для него была гибель любимой и, казалось, незыблемой системы Станиславского, вчистую проигрывавшей трём простеньким аккордам.

«А, может, теперь только так и надо? Зачем бегать по утренникам и детским праздникам, мучиться, перевоплощаться из волка в деда Мороза, в болотную кочку? Бери чужое и примеряй на себя. Кто осудит? – растерянно размышлял молодой талант. – Самому, что ли, пойти в народ... анекдоты травить?»

Маркин только на секунду представил себя с обветренным лицом в окружении гогочущей толпы и ему сделалось нехорошо. «Тьфу!» Сердце на долю секунды сжалось, зако-

лотилось невпопад где-то под самыми гландами, а появившаяся в груди тягучая, ноющая боль мешала глубоко вдохнуть. Иосиф испугался, как если бы его собственная тень вдруг отделилась и принялась душить своего хозяина. Пришлось прибавить шаг в надежде поскорей приткнуться куда-нибудь и тихо пересидеть напасть.

«Плохо всё это. Не дай бог концы отдать», – с тревогой прислушивался к взбунтовавшемуся организму Иосиф. Он попытался на ходу проверить пульс, но, не нащупав его, ещё больше запаниковал.

Идти пришлось долго, пока на бульваре не нашлась пустая скамейка. Грудь уже попустило, но мысли тревожные продолжали лезть в голову испуганного артиста:

«Чепуха полнейшая... Хотя, какая там чепуха? Люди вон уж и на паперть полезли. Где ещё в наши дни на жизнь зарабатываешь?».

Вспомнилось, что и про тюрьму, и про суму сказано не зря. Старая поговорка переставала быть фигурой речи, элементом книжной мудрости. Она приобрела звучание реального и зловещего предупреждения, почти предначертания, которое закрепляло в сознании, что существовать отныне придётся с учетом этих двух безусловных жизненных перспектив.

Мимо скамейки, где в собственных раздумьях плутал Иосиф, несколько раз прошёлся рыжеволосый субъект. Прищуренными колючими глазками он оценивающе вглядывал-

ся в согбенную фигуру Маркина и хитро усмеялся. Для подрабатывающего «бутербродом» бродяги, рыжий был слишком хорошо одет. Можно было только догадываться, какое несчастье произошло в жизни вполне приличного человека, что он, позабыв стыд, согласился напялить на себя примитивную сбрую и среди белого дня бродить по многолюдным улицам.

«Куплю ваучеры», – прочитал Иосиф на свисавших с плеч мужчины планшетах.

Под двумя хорошо читаемыми словами было написано ещё что-то, но мелкий, неразборчивый, шрифт и суетливость ходока не позволяли взгляду зацепиться за остальной текст.

Через какое-то время следом за рыжим с таким же неожиданным предложением прошли ещё несколько одетых с иголочки очкариков, деловито беседовавших между собой о процентных ставках.

«Идиоты, блин. «Ваучеры» какие-то долбанные скупают. Совсем людям делать нехрен», – подумал Иосиф и перестал обращать внимание на странных людей.

Мысли вновь упёрлись в болезненную для него тему – быстрого и, по возможности, регулярного заработка.

Ш

Лёшка Грот куковал на лестничной клетке перед дверью съёмной квартиры школьного друга. Он с нетерпением вдав-

ливал кнопку звонка, попеременно колотил то ногой, то кулаками во входную дверь, но та не открывалась. От бессонной ночи, проведённой в поезде, голова Лёхи раскалывалась и не желала рассматривать другие варианты для пристанища. Хотелось вползти в квартиру, плюхнуться в ближайший угол и на время забыть о своей поклаже. В отчаянии он что есть мочи саданул лежащую у ног сумку, в которую, при желании, можно было упаковать футбольную команду детского сада. Удар пришёлся по белым буквам слова «Sport», оставив на «о» черную запятую. Лёшка нагнулся, чтобы устранить вспыльчивость, и в это самое время за его спиной послышался женский голос:

– Там, там он, – уверяла старушка-соседка, выглянувшая на шум. – Дрыхнет ещё, наверное, без задних ног. Жутко пьяный вчера пришёл.

Нетерпеливый гость воспрянул духом и с новой силой продолжил осаду. Периодически он проверял результаты штурмов: опирался раскинутыми руками о дверь, приставлял к ней ухо и старался уловить хоть какой-нибудь маломальский шорох в замкнутом по другую сторону пространстве.

Во время очередной проверки ему послышалось, что в квартире кто-то натужно закашлял. Как северный олень бьёт копытом, почуяв под снегом вкусный ягель, так и Алексей нетерпеливо заколотил по двери.

– Кто? – прохрипел, наконец, за запорами незнакомый го-

лос.

– Простите. У меня здесь друг живёт, – быстро и громко прокричал Грот в замочную скважину. Он боялся, что человек за дверью уйдёт, опять оставив его одного ждать неизвестно чего на неудобной, заплёванной шелухой лестничной клетке.

В ответ замок несколько раз щелкнул и дверь открылась. На пороге Лёшка увидел своего старого и абсолютно голого товарища.

– Лёся, козлячья рожа, ты, – криво улыбался Маркин.

Взгляд его скользил мимо, что вполне могло означать, что в эту минуту обнаженный квартиросъёмщик видит не менее двух силуэтов своего лучшего друга.

– Задолбался уже стучать, – пробурчал Лёха и первым делом втащил в прихожую сумку.

– Золотые слитки возишь? – равнодушно пошутил Иосиф, заметив, с каким трудом Лёшка оторвал от пола огромный баул.

– Типа того.

Алексей тащил на своём горбу крупные деньжищи – почти четверть миллиона. Общую сумму он сбивал дома в «котлеты» из того набора купюр, что чаще всего попадали в тощие кошельки советских трудящихся. Пачки «рублей», «трояков», «пятёрок», «червонцев», «четвертных» аккуратно стягивались ненадёжными резинками, нарезанными кольцами из закупленных в аптеке детских сосок. Солидная

денежная масса гнула к земле не хуже двухпудовой гири. На улице щуплый Грот каждые пятьдесят метров останавливался и менял руку.

Тихо прозвучавшая из уст Алексея сумма подействовала на Иосифа магически: похмельный синдром чудным образом отступил и пропустил вперёд, непонятно откуда возникший, страх. Голый квартирант в голос икнул и поплёлся в комнату за штанами. Вернувшись на кухню, он достал из холодильника бутылку пива и, задрав, как телок, голову, надолго присосался к ней. Когда шок немного прошёл, и лишний воздух – в виде громкой отрыжки – покинул желудок Иосифа, он так же тихо, как перед тем и Алексей, произнёс:

– Ну, ты и дурак, Лёха. С такими башлями таскаться по поездам. Это ж в два счета без башки можно остаться.

– Стрёмно, конечно. Зато назад поеду налегке: пачка «зелени», и все дела.

– Так, может, у тебя там, – с надеждой кивнул в сторону сумки Иосиф, – и бухнуть есть?

– Бухнём, братан. Дела сделаю – и бухнём.

Вечером Грот принёс еды из ресторана, ящик баночного пива, три бутылки «Распутина». Ему хотелось сделать другу что-то приятное, видя, как тот мается в четырёх стенах и перестаёт быть похожим на прежнего Маркина – жизнерадостного, надменного, всегда уверенного в своей исключительности.

– Хорошо, что я с тобой тогда не поехал, – после перво-

го «Распутина» заговорил Лёшка, когда друзья уже успели перемыть косточки всем, кто в прежней жизни был им хоть немного интересен.

– А я вот не жалею, – с вызовом ответил Иосиф. – Не моё это: таскать от турок шоколад, а потом мотаться по всему Союзу с тонной бабок, менять их на «гринь». Раз, ну – два ...но целыми днями только и думать: где бы чего купить за дёшево, а потом найти лоха, чтобы втюхать ему всю эту тупту за дорого. Скучно, Лёся. Меня, если хочешь знать, в «Обшланг» приглашают. Они от пародий моих торчат. Я просто сам не хочу к ним идти.

– Да ладно! Они клёвые.

– Позорники они, Лёся, вот что я тебе скажу. А ты так и остался жлобом, хоть теперь и при бабках. Ладно, наливай.

Подперев щёку кулаком, Иосиф в задумчивости наблюдал как друг открывает бутылку. Радости от предвкушения, что он сейчас снова накатит, уже не было. Она куда-то ушла. Иосифа потянуло на разговоры, на откровения, которыми он давно уже ни с кем не мог поделиться.

– Ты пойми: настоящее искусство растворяется в дерьме, уходит, если уже не ушло. Не могу я в балаганах участвовать: «лёвчик-вовчик». Тошно. А другого ничего пока не найду. Везде одно и то же: «Звиняйте, нам нужно что-то пооригинальней... мы вам позвоним... сейчас не готовы...» Представляешь, к самому Фоменко в труппу мог пробиться, но облом случился. Дупель-пусто. Пролетаю я, Гротик, как фа-

нера...

У Маркина навернулись на глаза слезы. Он встал и подошёл к кухонному окну.

– Слышь, Лёха, ты можешь отстегнуть мне долларов триста? Я верну, гадом буду.

IV

В отечественном искусстве творилось что-то неладное. И это «неладное» Иосиф Маркин в полной мере ощущал на собственной шкуре. Творчество переставало кормить мастеров, наделённых, как и он, божьей искрой.

– Ты Гамлета своего засунь в задницу, – советовал Иосифу бывший однокашник по институту Антон. – Решай свой вопрос «быть или не быть». А про Пьера Безухова забудь. С голоду подохнешь... Тебе это надо?

Антон работал на киностудии и считал, что судьба отнеслась к нему благосклонно. В годы учебы он слегка завидовал Иосифу и его популярности. У того всё получалось само собой, в нём души не чаяли педагоги, давали пробоваться на главные роли.

Теперь, в новой жизни, Антон не отказывал себе в удовольствии наставлять Иосифа, учить уму разуму. Так он отыгрывался за свои прошлые поражения, считая, что жизнь сама расставила всё по своим местам.

– Короче, садись и слушай сюда: у нас начался новый про-

ект. Бабки даёт один англичанин из бывших наших. Клёвый мужик, весёлый. Ему нужен помощник, знакомый, как он говорит, с системой Станиславского и Немировича-Данченко. Ты как?

– Что я как? – удивился повороту разговора Иосиф.

– Только вот не надо придуриваться! Ты всё понял. Пойдёшь в помощники?

– Я актёр, Антоний, а никакой не помощник. Мне роли, понимаешь, роли нужно играть, выходить на сцену. А ты мне всякие гадости предлагаешь. Иди к черту. Не смогу я.

Антон поднял бровь и с наигранной жалостью посмотрел на несчастное лицо Маркина.

– Знаешь, кого ты мне сейчас напомнил? – и, не дожидаясь ответа, продолжил:

– У нас в армии лашпек был один, врубись, – из Кошкupyра. Здоровый такой. Звали, как сейчас помню, Ганджа Якубов. Хитрый, сволочь, был. По-русски то понимал, то – ни в зуб ногой. Так вот он с такой же несчастной рожей, как у тебя сейчас, жаловался нашему старлею: «Вай, пилят, трутно». Сейчас всем «трутно». Империализм наступает. Так что сдавайся и начинай играть роль помощника. Ты же – актёр?

– Да я и не отказываюсь. Подумать надо.

– Вот там и подумаешь.

Иосиф закусил губу – вроде всё ещё сомневается – и затем, как путник перед дальней дорогой, решительно хлопнул себя по коленям и встал.

– Ладно. Если бы не нужны были бабки, хрен бы я согласился. Только я вот что-то не пойму: с чего это вдруг наш англичанин решил раскошелиться? Лишние башли завелись?

– Классный вопрос. Пять баллов. Завтра не забудь спросить его об этом. А пока – на вот, держи. Я здесь написал как с этим хреном связаться, – и Антон сунул в руку Маркина листок, вырванный из перекидного настольного календаря.

Иосиф около часа после условленного времени сидел в приёмной, дверь которой была украшена золотой табличкой:

Сэр Го (Sir Goe), *генеральный продюсер*

Секретарша изредка поглядывала на скромного симпатичного посетителя, виновато улыбалась и повторяла:

– Потерпите ещё немного. Он уже скоро будет.

Невысокий человек без шеи, с черными волосами, собранными сзади в небольшой хвостик, влетел в узкую приёмную, обдав Иосифа приятным терпким парфюмом. Следом за ним, утопая в ароматах шефа, появился охранник и встал спиной к двери, за которой коротышка исчез.

Телохранитель тяжелым взглядом посмотрел на Маркина и буркнул:

– Заходи.

Сэр Го стоял перед зеркалом и нервными движениями пытался сорвать резинку, запутавшуюся в его смолистых во-

лосах. Длины рук «англичанину» не хватало, и он облегчал процесс тем, что старательно сопел и показывал зеркалу кончик языка. Наконец, хвостик распался. Продюсер встряхнул головой, разметав пружины-кудряшки по плечам тёмно-синего клубного пиджака.

– Почему они не выются у порядочных людей? – явно на что-то намекая, задался вопросом не совсем иностранный продюсер, подмигнув Иосифу и расхохотался. Смех его оказался натужным, начинался и заканчивался внезапно, будто кто-то невидимый стоял у сэра Го за спиной и жестко управлял им, включая и выключая короткими приказами: «Смейся!», «Молчи!»

Маркин был поражен увиденным. Когда-то давно, почти так же его тронул вид цветущей вишни на исходе осени. Природная ненормальность пробудила в нём жалость к нежным розовым цветкам, обреченным на гибель под напором грядущих холодов. Таким же ненужным, достойным сожаления, Иосифу показался и смех короткорукого мужчины, глаза которого смотрели на собеседника подозрительно и не давали повода для ответного искреннего веселья.

Бизнесмен глянул на отражавшуюся в зеркале кривую ухмылку Маркина, двумя резкими взмахами одежной щетки сбил с пиджака перхоть и продолжил в той же шутливой манере:

– Как говорил наш замечательный сатирик Аркадий Райкин: «Юмор – друг человека».

Слово «юмор» сэра Го произнёс на английский манер: «хьюмо», чем дал понять, что, кроме всего прочего, между ним и мнущимся у двери экспертом по Станиславскому существуют еще и языковые отличия.

Генеральный продюсер опять рассмеялся, вскинул руки и небрежно указал на стены, где в два ряда расположились убранные в рамки дипломы и благодарности. Вопросительным кивком головы он заставил Иосифа отдать должное наградам.

Тому ничего другого не оставалось, как промямлить: «Солидно» и, оттопырив губу, несколько раз кивнуть головой. Решив, что и этого может показаться потенциальному работодателю мало, претендент на место помощника выставил перед собой большой палец и, улыбнувшись широкой голливудской улыбкой, воскликнул:

– Супер!

– Фирма веников не вяжет, фирма делает гробы, туды его в качель, – снова пошутил сэра Го и указал на одну из висевших на стене рамок.

– Читай, мальчишка!

Причудливо сплетённые буквы не дали Маркину сходу осилить задачу. Кучерявая вязь уже на первом слове заставила запнуться:

– Че... человек, у которого отсутствует чувство юмора, подобен па-а-ампушке без чеснока, – без выражения прочитал Иосиф.

– Великая фраза! Вот за что я обожаю Чехова, так это за его лаконизм. Гениальный человек, большой писатель. «Подобен пампушке без чеснока». Каково! «Без чеснока». Кто бы ещё мог так сказать?

Через неделю Иосиф Маркин уже знал, в какой источник регулярно нырял его шеф, чтобы сыпать бесконечными шутками и анекдотами.

– Коля, врубай шарманку, – садясь в машину, командовал он шофёру, и весь путь от дома до работы слушал магнитофонные записи отечественных юмористов.

Чуть ли ни каждый день сэр Го находил что-то свеженькое, откапывал имена новых комиков, которых на просторах страны становилось всё больше и спрятаться от которых было делом почти немыслимым. Они заполнили собой подмости, экраны телевизоров и радиоэфир. Каждый из этих жизнерадостных людей считал своим долгом записывать сольные концерты на магнитофонные кассеты и миллионными тиражами пускать их в продажу.

От посвящённого в тему шефа Иосиф впервые узнал о классиках жанра – любимце кооператоров Мишеле Невздорном и о Грише Жуковицких, веселившем узкую прослойку интеллектуалов и продвинутую часть пролетариата.

Новинки незамедлительно проверялись на водителе Николае и охраннике. Сэр Го не всегда мог правильно сориентироваться в дебрях отечественного юмора. Бог не наделил его этим завидным даром, поэтому реакция двух про-

стодушных людей, скаливших зубы по любому поводу, была ему крайне интересна и важна. Порой у продюсера уходило несколько дней на то, чтобы запомнить смешные фразы и выяснить: в каком именно месте нужно безудержно хохотать, а где достаточно было простой ухмылки.

– Ну, что? Дадим стране угля? – спрашивал он Иосифа прежде, чем отправиться на запланированные деловые встречи, во время которых на головы потенциальных деловых партнёров сыпался град из заранее заготовленных шуток и анекдотов.

После творческих вылазок ни у кого из бывших земляков сэра Го не поворачивался язык назвать новоявленного англосакса «пампушкой без чеснока». Вот в чем действительно безошибочно разбирался бизнесмен, и что неизменно наполняло его глаза жизненной силой и смыслом, так это томно покачивающиеся бёдра знойных фигур, выхваченные взглядом в толпе или среди офисного контингента партнёров по переговорам. В таких ситуациях последовательный любитель женщин радостно поворачивался к помощнику и возбуждённо шептал:

– Видел, видел какие буфера?

В ответ Иосиф, по уже многократно отработанному сценарию, сально улыбался и произносил первую часть излюбленной шутки начальника:

– Всех не перетрахаеть...

– ... но к этому нужно стремиться, – с расстановкой до-

бавлял остаток фразы сэр Го, и они дружно хохотали, создавая у окружающих иллюзию крепкого, слаженного тандема.

V

Сэр Го взлетел на воздух вместе со своим автомобилем субботним утром, в большой церковный праздник: на следующий же день после того, как на счета фирмы «капнули» деньги с загадочных Каймановых островов. Проект, о котором Иосифу поведал Антон, советуя «подмогнуть» весёлому мужику, заглох, а вскоре и вовсе захлопнулся. Новые хозяева скромно помянули безвременно покинувшего этот жестокий и несовершенный мир космополита, купили себе в центре города квартиры, а на остатки денег открыли сеть элитных магазинов «Вторая рука».

В услугах последователя учения Станиславского никто из топ-менеджеров компании больше не нуждался. Шесть пустых конвертов, в которых знаток знаменитой системы регулярно получал зарплату, ещё лежали в прикроватной тумбочке. Выбросить их у Иосифа не хватало духа. Страх, что своя же рука уничтожит призрачную нить к вожаденному достатку, заставлял хранить пустые реликвии. Именные конверты с надписью в виде посвящения «Маркину», сделанные рукой главного бухгалтера фирмы Клотильды Зарасилло, оставались единственным, что согревало душу при воспоминаниях об участии в дорогом, но так и не состоявшемся

проекте.

Новая жизнь отставного помощника разнообразилась, в основном, участием в розыскных мероприятиях, неопределённостью и тревогой. Следователи дёргали Иосифа перекрёстными допросами и звонками. Они бесконечно уточняли какие-то детали, сопоставляли факты, в надежде, что в процессе личной беседы – будь то в кабинете, или на месте самого преступления – удастся расколоть мутного актёришку, увидеть в его растерянном взгляде запоздалое раскаяние.

– Пиши, как закладывал бомбу. Это же ты, ты?! Больше некому, сука! Признавайся, тебе зачтётся, – по-доброму советовали сыщики, и в слепящем свете лампы подсовывали под руку Иосифу чистые листы бумаги.

В моменты задушевных бесед они не упускали случая сообщить, что всегда лучше самому признаться в злодействе и отсидеть положенный срок, чем, как Родион Раскольников, мучиться и постепенно сходить с ума, до смерти пугая родных и близких.

Маркин, как мог, отнекивался, но после каждой такой встречи воля его ослабевала. Он был уже почти близок к тому, чтобы наклепать на себя.

– Дурак ты, дурак! – кричал Лёшка Грот, когда узнал, что друга сдерживало только то, что он не был знаком с подрывным делом настолько, что даже Станиславский, прочитав его признание, в восторге бы воскликнул: «Верю!»

– Идиота кусок, – никак не мог успокоиться Грот.

Лёшка негодовал и возбуждался, когда рядом с ним возникал разговор о милицейских буднях. Руки его начинали трястись, лицо покрывалось красными пятнами и мрачнело.

Друг-одноклассник жил в квартире Иосифа почти месяц. Появился он в городе, как всегда, внезапно, но уже без привычного груза и вкусных гостинцев. Коммерсант заметал следы. Он бросил все дела в обласканной солнцем ривьере, где его прибыльный шоколадный бизнес внезапно лопнул, неосторожно нарвавшись на угловатого и всегда выглядевшего усталым капитана милиции Петрова.

– Ты знаешь этого уroda. Он тогда у нас участковым был, – наводил товарища на воспоминания Грот. – Помнишь, его ещё один раз на рынке отметелили? Тырил мясо у колхозников.

Маркин старался вспомнить роковой для правоохранителя случай, но у него не получалось.

– А то, что Светкин отец его отмудохал, когда узнал, что Петров по пьянке к ней клеился, тоже не помнишь? Мы тогда в восьмом классе учились. Ну, Светка! Из десятого «б». Смеху было! – гнул своё и всё больше распалялся Лёха. – Ты же торчал от неё. Ладно, проехали. Теперь, прикинь, этот гумозный мент на Светке женился и стал у нас главным по борьбе с экономическими преступлениями. Сдохнуть можно!

Лёшке хотелось, чтобы друг ясно представил проклятого «мусора» и возненавидел так же люто, как ненавидел его сам.

Иосиф много раз слышал историю про то, как капитан Петров вместе с двумя своими «орлами» отнёс у Алексея всю партию шоколада, и под автоматами заставил перевезти груз во двор отделения милиции. Через неделю выяснилось, что из-за опасности заражения сотрудников продуктами разложения, товар, как скоропортящийся, был вывезен с территории отделения и ликвидирован. По ошибке, вместе с грузом свезли и уничтожили протокол изъятия, «таможню» и другие документы, за которыми все семь дней ходил к Петрову бизнесмен Грот.

– Бандюгам я двадцать процентов отстёгивал, а эта сука всё забрала. Теперь я у братков на «счетчике», а ментяра ходит и лыбится. Сволочи они, Ёся. Драпать надо. Не дадут они тебе спокойно жить.

Маркин растерянно смотрел на друга, и никак не мог взять в толк – к чему он ведёт, и какое отношение всё это имеет к его непростой ситуации.

«Кой черт я послушал этого Антона? – скулил Иосиф. – Бегал бы сейчас спокойно на утренники; и никакой тебе изжоги. Искал бы свою тему. Дурак! Дурак! Дурак! Какой же я болван!».

Ругал он себя нещадно, но как только вспоминалось о содержимом конвертов, нервы Иосифа не выдерживали, и он со слезами подходил к окну. Боязнь навсегда остаться без средств к существованию делала его излишне сентиментальным.

Лёшка успокаивал друга, говорил, что всё проходит, что когда-нибудь и это пройдёт. Грот был мудрым, умел слушать и сострадать. Он не причинял лишних мучений ни ненужными расспросами, ни запоздалыми советами.

Глава третья

ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ, НО ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ

I

Вопрос: «Ты – самый умный?» заставляет многих людей пугаться и решительно отрицать такую возможность. Слишком горячие головы готовы даже кидаться в драку, чтобы доказать обидчику ошибочность подобных предположений. Обыкновенному человеку не хочется ни быть, ни слыть умным. Ценность его в другом! В своих голубых, серых, карих глазах рядовой гражданин во всей полноте отражает жизнь, которую сам же и называет не иначе, как «сложной штукой».

Встанет один такой сероглазый утром, посмотрит в дождливое небо и, с досадой протягивая слова, скажет: «Да-а, погодка нынче подкачала». Другой, глядя в ту же хмурую хлябь, пробубнит, неизвестно на кого обижаясь: «Не надо было вчера бежать за третьей бутылкой». И оба будут правы. Правы потому, что истиной для них будет служить не картинка, стоявшая перед глазами, а то, что они при виде её

чувствовали.

Это гении не полагаются на эмоции, стараются детально во всём разобраться, разложить явления по полочкам, чтобы дойти до сути. Втемяшат эти умники себе в голову какую-нибудь идею и ходят с ней, будто их огрели из-за угла пыльным мешком. Ходят год, два, десять лет, пока вдруг не ошарашат окружающих своей «эврикой», на которую сбегутся, чтобы вместе порадоваться, не больше двух десятков таких же широколобых гомосапиенсов.

Обыкновенные же люди не позволяют себе подобной расточительности. Их, как говорится, если и беспокоит «гондурас», то только исключительно по причине собственноручного его третирования. Что же касается андронных коллапсов, круговорота воды в природе, вращения планет, всё это для большинства – ничто, пшик, по сравнению с проблемой как прожить ещё неделю до полочки.

Редко кто из сероглазых способен по-настоящему удивить. А уж если удивляют, то потом сами же и не могут толком объяснить: зачем хотели разбить бутылку из-под шампанского именно о свою голову, и почему решили остановить прихватившую их диарею не таблетками из аптеки, а строительной пеной. Ясное дело, что подобные подвиги в копилку достижений человечества не положишь, но некоторая польза от героических глупостей всё же есть: огромная масса потребителей информации, узнавая подобные факты из новостных программ, вполне законно гордится собственной

житейской мудростью.

После истории с сэром Го, Иосиф решил больше не ввязываться ни в какие коммерческие предприятия. Его натуре была чужда тупая, сопряженная с риском, погоня за деньгами. Он мечтал о богатстве, но наживать его Маркину хотелось с блеском, красиво. Пусть даже приходилось бы ему делать это в поте лица своего, но, чтобы пот проступал не от бесконечной беготни от лихих людей, опасностей и страхов, а становился результатом сладостного изнеможения, приносимого любимым занятием. Иосифу Маркину всё это могла дать только сцена, куда он отныне поклялся прорываться любым путём.

Он возобновил походы в театры, поднимал старые связи. Его уже куда в меньшей степени пугала мысль, что очередное восхождение он может начать через ненавистный «Обшланг». Сцена требовала жертв, и Маркин готов был пойти на любую из них, чтобы нащупать брешь на подступах к рампе.

– Сходи, поговори с Невздорным, – просил он Лёшку навести мосты с модным и влиятельным обшланговским юмористом. – Мне он сразу откажет, а тебя, может, и послушает. Скажи, что люблю его творчество, мечтаю читать его рассказы, туда-сюда. Ты же бизнесмен, можешь лапшу на уши вешать.

Грот пытался отнекиваться, но сдавался, как только Иосиф грозил «выписать» его с незаконно занимаемой жил-

площади.

Постепенно беглый предприниматель втянулся в артистическую кухню. С помощью долгих уговоров ему иногда удавалось склонить кое-кого посмотреть и самого Маркина и то, на что он был способен. Но довольно часто Лёшка возвращался ни с чем.

– Ёся, нужно мульку свою придумать. Сейчас все шарахнулись искать новьё, креатива какого-то требуют. Это чего такое?

Маркин скривил рот и уставился в пол.

– Я тут перетёр с одним продюсером, – продолжил Лёшка, – так вот он говорит, что классно хиляют те, кто переодевается в баб, как раньше, помнишь, были... эти... Вероника Маврикиевна с... как её...

– Авдотьей Никитичной, – раздраженно крикнул Иосиф. – Но это же последняя стадия маразма, тупик! Как ты не понимаешь!? Из этого дерьма потом никогда не выберешься. Я не собираюсь себя хоронить под юбками и кокошниками. Это мерзость.

– А кто сказал хоронить? Я о другом... Встрячь надо куда-нибудь, хоть чуть-чуть, на полшишечки. Засветиться, закрепить успех, а уж потом харчами перебирать. А ты всё мудришь чего-то, ломаешься, как принцесса. Учти, просидишь так до японской пасхи... Всё расхватают! Искать нужно свою нишу, не ждать. Сейчас всё меньше возможностей удивлять. Да что там удивлять! Речь уже идёт о том, что на сцене нужно

шокировать. А это можно делать, между прочим, и без таланта. Я тебя не призываю показывать зрителям голую задницу, но если ты, действительно, считаешь себя артистом, то твори, а не лей слёзы на кухне из-за того, что тебя – такого гения – не понимают.

Грот произносил слова жестко, с издёвкой, желая вывести друга из себя. Но тот сидел и молчал, как будто обидные речи совсем его не касались.

Лёшка видел это и продолжал нажимать:

– Пойми: пародисты уже всех достали. Кому сейчас нужны эти долбаные горбачевы-ельцины? В театр тебе не пробиться. Забудь! Там – голяк, нищета. Не ходит народ по театрам. Вот на подлянку люди клюнут. Вспомни, как Боря дирижировал по пьяне оркестром, как обоссал колесо у самолёта. Все плевались, а смотрели, когда показывали в новостях. В этом направлении нужно развиваться. Клёво же! Цепляет, согласишься. Ну, что ты молчишь?

Иосиф поднял голову и с видом человека, решившего провалиться в бездну, медленно, с ожесточением процедил:

– Да, всё правильно. Ну его, этот театр. Податься в оригинальный жанр, да так, чтобы все ахнули. Креатива, говоришь, хотят? Будет им креатив.

– Это другое дело, братишка. Здравый взгляд на жизнь. Главное – не сидеть, не ждать. Перед носом всё разберут, ничего не оставят эти шакалы. Прощёлкаем шанс. Даже Достоевский нам в своё время говорил: «В нашей странной Рос-

сии можно делать всё, что угодно». А уж в наше-то время и подавно.

– Он говорил, что «Красота спасёт мир».

– Какая нахрен красота? Хотя, знаешь, в спортзал тебе нужно походить, торс подкачать. Сексуальности в тебе ни на грош, а это теперь первое дело для артиста. Перевоплощаться будем, братишка. Будем?

Слово «перевоплощаться» зажгло Иосифа, глаза его сверкнули, и с этого времени в них всё ярче стал разгораться мерцающий дерзкий огонёк.

II

Любая благородная идея продолжает оставаться таковой ровно до того момента, пока она не подкреплена деньгами.

Под натиском неумоимого Грота первыми к ногам Иосифа пали кооперативные рестораны. Маркин поочерёдно выступал на двух площадках. На одной он развлекал народ в образе расфуфыренной принцессы челночного бизнеса, на другой «наезжал» на посетителей заведения под видом недо-тёпы-братка.

Смена амплуа и режима работы заставили Иосифа забросить утренники в школах и детсадах. Ему, прирождённому артисту, было жалко терять звонкую аудиторию, которая бодрила душу задорной реакцией на лицедейство и заставляла сердце трепетать, как у испытуемого перед проверкой

на детекторе лжи. В окружении детворы, в чистой атмосфере неподдельного веселья, вдохновляющего гвалта он забывал о гнетущих его страхах, возвращалась утерянная способность радоваться малому.

В своих непостижимых, полных загадок снах Иосиф частенько переносился в удивительный дворец. Он знал, что это было единственное место, где можно избавиться от огромного, похожего на подгорелую хлебную корку, пятна, возникавшего на его лице аккурат к празднику седьмого ноября. Под сводами сияющих ярчайшим светом залов, под взглядами восторженных, удивлённых и удивительных детских глаз, не замечавших на нём столь явного уродства, пятно начинало бледнеть, а затем и вовсе исчезало.

Иосиф радовался исцелению, плакал, и тогда на стрекозых крыльях к нему подлетала директор сказочного дворца – маленькая златовласая девочка. Она парила над его головой и, льстиво улыбаясь, голосом незабвенной Снежанки трижды повторяла:

– С лёгким паром, Иосиф Богданович.

Утром подушка артиста, ещё не проспавшегося после очередного ночного загула, была мокрой от слёз.

В один из дней в ресторане «У Кеши», где Маркин с успехом воплощал образ торговки-челночницы, его попросил задержаться у столика интеллигентный, стильно одетый человек. Узкое лицо посетителя обрамляли длинные русые волосы. Кучерявая светлая борода, тревожный взгляд делали

его исключительно похожим и на поэта-лирика, и на бомбиста-цареубийцу, которого вернули к жизни революционные процессы перестройки. Речь мужчины оказалась такой же несвоевременной, как и его внешность.

– Милейший, это вы являли здесь сей симпатичный образ на прошлой неделе или кто-то из ваших талантливых коллег?

– Мы-с, – согнулся Иосиф, имитируя почтение.

– Супруга видела вас на днях и осталась в полном восторге, – с той радостью сообщил «бомбист», словно безнадежно отсыревшими спичками ему удалось зажечь запал адской машины. – Друзья мои, – обратился он к сидящим с ним за столом двум женщинам и мужчине, – Татусик видела выступления этого господина в прошлый вторник и, если не ошибаюсь, в пятницу. Представьте, она назвала это уморительным зрелищем. *Definitely, it worth seeing*³.

За столом возникло оживление. Все четверо, глядя на Иосифа, мило заулыбались. Иосиф обратил внимание, что гости обильно закусывали. По логике ресторанной жизни это могло означать одно: сегодняшние пассажиры на чаевые не посядутся.

– Не сочтите за навязчивость, – продолжил мужчина, – но не смогли бы мы приватно, так сказать, обсудить с вами один вопрос. Меня зовут Кирилл Данилович, и я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы позвонили мне по этому номеру, ну, скажем, завтра в первой половине дня, – и гость

---

³ Определённо, это стоит посмотреть (англ.)

протянул артисту красивую, украшенную голограммой, визитку. – Я думаю, вам это будет небезынтересно.

Весь вечер Маркин наблюдал за странной компанией. Квартет не налегал на спиртное, скорее смаковал напитки, цена которых кусалась даже для владельца ресторана. В конце ужина, официант, принявший поверх счета из рук Кирилла Даниловича ещё и стодолларовую бумажку, разочарованно проронил:

– Вам у нас не понравилось?

Иосиф не позвонил новому знакомому ни на второй, ни на следующий за ним день, но на четвёртый, вернувшийся вечером из тяжелых походов Грот с порога накинулся на него:

– С тобой работать нельзя! Почему не сказал, что общался со Стопудовым? Я прихожу в «Кешу», а мне Юлианка говорит, что в кабак называют из клиники Стопудова. Люди интересуются, почему ты не отзваниваешься.

– Кому я должен звонить? – не понял Иосиф.

– Дурак, Юлианка спрашивает почему ты не звонишь Стопудову. Ты хоть понимаешь, о чем... о ком речь?

Маркин неопределённо пожал плечами. И только потом, после криков и перекрёстных оскорблений, на свет появилась красивая визитная карточка.

Кирилл Данилович Стопудов оказался врачом, известным среди узкого круга влиятельных владельцев простатита. Грот навёл справки и своим острым чутьём определил, что именно доктор может привести к той замечательной прослойке

зрителей, которая предпочитает покупать артиста, а не билет на его выступления. Лёшка тряс визиткой и радостно приговаривал:

– Ключуло! Ключуло! Учти, Ёся, говорить с ним буду я. Ты только напортачишь. Я его выпотрошу...

Через неделю к дому компаньонов подкатил пучеглазый «Мерседес», на котором счастливые друзья отправились в свою первую гастрольную поездку – в загородный посёлок, где круглый год на лоне природы проживала чета Стопудовых.

– Юаньчик, посмотри, кто к нам приехал, – замурлыкала на ухо рыжему и сказочно жирному коту низкорослая толстуха, появившаяся перед друзьями в широкой, похожей на пончо, разлетайке. На руках она держала кота, который блаженно щурился, довольный тем, что пятерня хозяйки, оснащенная двумя огромными перстнями, беспрестанно елозила по его холке. Он даже не повёл ухом, когда покровительница громко прокричала, слегка повернув голову назад:

– Ты долго ещё там будешь шоркаться, придурок. Люди уже подъехали.

В ту же минуту из дверей, чуть-чуть наклоняясь вперёд, вышел борец с элитным простатитом – Кирилл Данилович Стопудов.

– О, да, да, да, действительно, Татусик. Немного неловко получилось. Давно, давно ждём, – засуетился врач, затем выпрямился и уже другим, наполненным торжественности и

достоинства, голосом произнёс:

– Разрешите, господа, представить вам нашу дорогую именинницу и, по совместительству, так сказать, спутницу всей моей жизни Таисию Фроловну фон Лемпке. Прошу любить и жаловать.

– А это наш Юаньчик, – перебив мужа на слове «жаловать», ткнулась носом в ухо кота Татусик. – Правда, он у нас симпомпончик?

Толстуха фон Лемпке смотрела на мужчин из-под черных густых бровей с пугающей игривостью.

Иосиф не понял, кому адресовался вопрос, и предпочел отреагировать молча, нацепив при этом самую лучезарную из всех улыбок, имевшихся в его творческом арсенале.

– Да это настоящий тигр, – преувеличил действительность Грот.

Он сразу понял, кто главный в доме, и, чтобы закрепить в общении с хозяйкой лёгкий и доверительный тон, шутливо поинтересовался:

– Не бенгальских кровей эта замечательная особь?

Тень лёгкого недовольства промелькнула на лице Таисии Фроловны.

– Не надо над этим иронизировать, сударь. Юаньчик из очень древнего рода и понимает, когда над ним надсмехаются. Советую вам поостеречься от подобного рода догадок, – и с улыбкой протянула Иосифу, звякнувшую перстнями, руку.

Для удобства всех, Таисия Фроловна распорядилась «на-

крыть артистам» на журнальном столике за барной стойкой. В образовавшемся закутке творческой группе было удобно не только закусывать приготовленными для них бутербродами, но и, спрятавшись от любопытных глаз, менять сценические костюмы.

– Ты это хорошо придумала, Татусик. Художнику нужно создавать обстановку уединения, – шепнул Стопудов, пристраивая вокруг короткой шеи жены боа, болтавшееся одним концом за её спиной.

– Знаю, – недовольно отрезала юбилярша и повела кротко улыбающегося доктора в сторону кухни, откуда, кроме запахов, вскоре донеслось её носовое контральто: «Кто ж так рубит, твою мать! Тоньше, тоньше, нарежай».

– Конь с яйцами, – покачал головой Грот и озабоченно поглядел на друга. – Попал наш Дормидонтыч.

– Данилович.

– При такой жизни есть разница? В этой семейке только Юаньчик заслуживает своего настоящего имени.

III

В загородном доме, который Стопудовы снимали круглый год, отмечался юбилей Таисии Фроловны. Пока Иосиф готовился к выступлению, Алексей наблюдал за собравшимися гостями и определял, когда удобней всего будет подойти к хозяину за остатком обещанной суммы. Задаток в три-

ста долларов врач передал в клинике и пообещал закруглить сделку по приезду артистов на место.

В финальной стадии переговоров Грот не сумел выложить тех железных аргументов, что заставили бы Кирилла Даниловича раскошелиться за выездной сольный концерт «самого Маркина» на целую тысячу американских денег. Интеллигент оказался прижимистым и двести долларов включил в транспортные расходы.

– Я отправляю за вами автомобиль с водителем. Это раз. Он вас отвозит назад. Это два. По стольнику за рейс – это побожески. И ещё «пятихаточку» плачу по прибытию, итого – требуемая вами «штука», – озвучил смету мужской гинеколог. – Есть возражения?

Принимая первые деньги, Алексей Грот ликовал. Контракт на целых восемьсот баксов наличными был на мази. Даже на шоколаде ему редко удавалось выкручивать такие деньги, не говоря уже об упоительном чувстве, позволяющем ощущать себя состоятельным человеком.

«Шоу-бизнес – это сила», – восхищался начинающий продюсер, только теперь понимая масштабность грядущих свершений.

Тогда-то впервые и подумал он, что наступило время пуститься в погоню за славой Пугачевой, за финансовым успехом «Ласкового мая», «косивших», по слухам, во время своих концертов термоядерные бабки – аки на суше, так и на море.

Когда гости заняли за столом места и примолкли, их взоры устремились на виновницу торжества. Таисия фон Лемпке уловила торжественность момента и царственным жестом подозвала к себе Стопудова. Кирилл Данилович без промедленья оказался у кресла супруги. Для этого ему пришлось на полуслове прервать разговор и оставить один на один со своими проблемами гостя, озабоченно шептавшего что-то доктору на ухо.

– Чего желает мой Татусик?

– Иди, Юаньчик, погуляй с Кирюшей на улочке. Только не долго, полчасака. Мы будем по тебе скучать, лапа моя.

За столом кто-то сдавленно кашлянул, явно стараясь скрыть прорывавшийся смех.

Грот быстро сообразил, что наступило удобное время для получения оставшейся суммы. Он не верил в трезвость подкаблучников и опасался, что «Дормидонтыч» по возвращению быстро накачается, и тогда доводить сделку до конца будет тяжело.

Через считанные минуты прозорливый продюсер хвастливо показывал Иосифу пять новеньких зелёных бумажек.

– Давай, братишка, жги! Понеслось-поехало!

После того, как прозвучали первые тосты, за барную стойку начали заглядывать друзья юбилярши. Некоторые приносили с собой выпить и закусить. Мужчины торопились пропустить с лицедеями лишнюю рюмку, тогда как остававшиеся на своих местах дамы – по мере разгара веселья – всё ча-

ще бросали в сторону артистов уже не снисходительно-любопытные взоры, а игривые улыбки, некоторые из которых казались слишком откровенными.

Заходил «за кулисы» и Кирилл Данилович. Он доставал из-под журнального столика запрятанную бутылку виски, разливал на троих и, закусывая долькой апельсина, косился в сторону главного стола, переводя взгляд с одного гостя на другого.

– Вон тот, возле блондинки, – заговорщицки шептал он и указывал глазами на очередного гостя, – помощник депутата Троелобова. Его шефа я пользую. У того конгестивный простатит; а этот тихоня, что интересно, второе шале в Швейцарии покупает. Всё путаю, как его зовут... Вилор... Владилен.

Компания собралась в доме Стопудова завидная. Маркин и Грот из своего закутка могли наблюдать за людьми, приближенными к политической кухне страны, её углеводородному достоянию, банковской сфере. Транспортную монополию представлял рослый и очень благообразный мужчина. Он смиренно, но решительно, крестил себе рот перед каждой выпитой рюмкой и был за столом единственным, кто почти не пьянел. Набожный гость работал директором вагона-ресторана фирменного поезда, регулярно ходившего в восточном направлении.

Кирилл Данилович в подпитии оказался человеком очень разговорчивым. Пикантные подробности о своих состоятельных гостях он озвучивал без учета данной им клятвы

Гиппократы и сострадания к носителям недугов. Доставалось и дамам, которым супруг Таисии Фроловны, видимо, неосознанно мстил за унижительную конкуренцию с Юаньчиком внутри собственной семьи.

Иосифа, как личность творческую, мало занимали подробности из послужного списка, свойств характера и физиологических особенностей собравшейся публики. В большей степени его интересовал духовный мир этих людей. Отрабатывая шестьдесят процентов от полагающегося ему по уговору гонорара, он стремился постичь своего зрителя. Главным препятствием на пути к этой достойной цели была юбилярша. Невидимые нити, которые единственно и могли связать артиста с горсткой жующих современников, безжалостно рвала фрау фон Лемпке. Она беспрестанно опережала сценические действия Иосифа громкими возгласами и комментариями.

– А сейчас он схватится за сердце и упадёт... Обожаю это место... Замечательно... Он такая умничка, – громыхала Таисия, которая, как выяснилось, оказалась совсем не голубых кровей, а рядовой гражданкой Стопудовой, в девичестве – Тукало, самовольно присвоившей себе чужеземный титул.

Семейную тайну раскрыл гастролёрам не подвыпивший супруг фон Лемпке, а участник празднества, новый знакомый Грота – политтехнолог Митрофан Брунет, носивший в себе хронический простатит, приобретённый, предположительно, на сидячей работе в эпоху застоя, и имевший, по

его же смутным намёкам, непосредственное отношение к созданию влиятельной политической партии «Наш край студёный».

– А как же фон Лемпке? – одновременно воскликнули друзья.

– Она заставляет доктора... Вы же видите, что это за баба. Чудит постоянно. Раньше, например, она звалась маркизой Дыра... Деляруа, – продолжал приподнимать завесы Митрофан.

Брунет подсел к Алексею в тот момент, когда Иосиф находился перед зрителями в очередном образе, а властное контральто в очередной раз рушило хрупкий художественный посыл.

– Тонко подметил... талантлив, чертяка.

– Вредная баба, – промямлил Митрофан. – Бедный Кирия. Врач с большой буквы, «золотой палец», мы так его между собой зовём, а дома кота в задницу должен целовать. Эти все идиоты, – кивнул он в сторону стола, – из кожи вон лезут, хотят угодить Стопудихе. Кот её, видите ли, брат кота президента. Умиляются Юаньчиком. Тьфу! Брехня. Помойный кот... Я собак люблю, но у меня их никогда не было. Ты, костюмер, пить будешь?

Митрофан принял Алексея за помощника артиста, за Санчу Панса, носящего за своим хозяином доспехи в виде чемоданов с реквизитом.

– С вами хряпну, – согласился продюсер.

– Со мной многие хотят выпить. Ищут контактов, наводят мосты. А что там искать? Наливай, как говорится, да пей. Правильно? Ну, давай. Быть добру.

Брунет уже не закусывал, и всё охотнее погружался в разговор. В какой-то момент он стал рассуждать об искусстве, его влиянии на человеческие умы и признался, что обожает американские мультики и Энди Уорхола.

– Америка во всём впереди. Они мастера: из любой кашки конфетку сделают. Один Голливуд чего стоит. Я про Уорхола уже и не говорю. Он из дерьма, в хорошем смысле этого слова, столько сделал шедевров, что тебе и не снилось, – махнул он на Грота рукой.

В это время за стойку юркнул доктор. Следом за ним, чтобы подготовиться к новой сценке, появился и Иосиф. Улыбка, игравшая на его лице во время выступления, за кулисами сменилась на мученическую гримасу творца, недовольного результатом проделанного.

– Служитель Мельпомены в переднике Геллы, – патетически произнёс Митрофан, сопровождая взглядом движения артиста, стиравшего помаду с губ после воплощения образа неуклюжей официантки. – В тебе – талант, а ты его растрачиваешь на всякую дрянь. Идёшь проторенным путём. А это, дорогой мой, удел дилетантов. Творцу нужно бузить, преломлять, заглядывать в клоаки и ставить обществу диагноз. Я правильно говорю, доктор? Доходить до сути... выхватывать идеи, замешивать их на чувствах... больше секса,

сексуальности. А, иначе, какой ты Уорхол, какой ты, к черту, Энди? – засыпал и на время просыпался Брунет. – Доктор, запомни: это наш русский Уорхол, – ошибочно показывал пальцем на Грота Митрофан. – Из дерьма – конфетка. Из грязи – в князи. Понял? Энди наш...

Он что-то ещё проямлил напоследок, перед тем как окончательно замолкнуть, то ли «нам стужа похрен», то ли то же самое по смыслу, но уж совсем нецензурное, что могло оскорбить даже слух Юаньчика.

Утром следующего дня Иосиф обнаружил на себе оранжевое боа фальшивой фрау фон Лемпке и спящую рядом с ним рыжеволосую девицу. Незвестная гражданка лежала спиной к Маркину, что очень мешало ему построить логическую цепочку из обрывочных воспоминаний финала загородной поездки. Грот спал в одежде на полу, зажав в руке скомканные стодолларовые бумажки.

– Мы куда-то вчера ещё заезжали? – спросил Алексей, когда, пробудившись, зашёл на кухню, где Иосиф под круто заваренный черный чай анализировал прошедшие гастроли. – Двухсот баксов нет. Но откуда-то взялся блок сигарет и куча цветов... Кошмар.

Лицо продюсера выглядело хмурым. Он отказался от чая и присосался к водопроводному крану, даже не став ждать, когда из него пойдёт холодная вода. Залив внутренний пожар, Грот многозначительно выдал:

– Одно могу сказать точно: концерт удался.

Друзья посмотрели друг на друга, лица их просветлели и оба вдруг расхохотались. Смеялись они во весь голос, до слёз. Иосиф согнулся, сидя на хлипком кухонном табурете, и заливался, словно ребёнок, задорно, заразительно, звонко. Алексей, преодолевая головную боль, ржал натужно, как конь, и тоже долго не мог остановиться.

Наконец, Лёсик, давясь смехом, всё же произнёс:

– Рожа у Татусика, как у её... кошки.

Нелепого и мало отражавшего реальность сравнения друзьям хватило ещё на несколько минут взрывного безудержного сумасшествия.

На шум и смех в кухню зашла заспанная, закутанная в плед рыжеволосая девица.

– А у вас тут весело, мальчики, – игриво поприветствовала она друзей и тут же сообщила: – Страшно хочу кофе и сигарету.

– Ты кто? – почти одновременно спросили мальчики.

– Виктория, Вика. Не помните, пьяницы?

Иосиф и Лёха переглянулись, и квартиру вновь потряс здоровый молодецкий хохот. После ничтожной паузы к дуэту подключилась и Виктория.

Соседка-старушка, жившая через стенку, в испуге перекрестилась от непонятно откуда доносившихся в её квартире завываний.

Грот бегал по редакциям телевизионных каналов, ресторанам, начавшим появляться в городе казино и ночным клубам, и в один прекрасный момент заметил странную вещь: рост площадок совсем не облегчал вопрос с трудоустройством его подопечного.

Маркин переставал идти нарасхват. Заартачились менеджеры, продюсеры расплодившихся заведений; всем им в одночасье приспичило требовать новых неожиданных творческих решений, необъяснимой остроты. В искромётных, сто раз опробованных на зрителе сценках и забавных репризах им вдруг стало не хватать перца, «эмоционального шока», куража и ещё неизвестно чего.

«Мы лучше Ирку запустим на сцену, чем твоего гениального Маркина, – заявили даже в «Кеше», когда Лёсик намекнул о повышении гонорара. – Эта сучка нам одними своими ляжками кассу сделает без проблем. А Маркину своему передай, что незаменимых нет. Пусть не вякает, если ещё хочет с нами работать».

– Черт возьми, Ёся, они правы! – кипятился Грот, объясняя Иосифу метаморфозы, происходящие в шоу-бизнесе, и причины участившихся провалов. – Ты видишь, какие тёлки выросли? Они на своих длинных ногах на завод к станку побегут? Им сцену подавай, софиты, пюпитры, прожектора. Посмотри, кого показывают по ящику. Люди башляют за

своих тёлок, черт-те что делают, чтобы их раскрутить.

Маркин, как это бывало с ним и раньше, вновь захандрил. Он опять начал скулить и обманывать себя в том, что сделанное им однажды отступление от главной идеи – было лишь мелкой уступкой обстоятельствам, хитрым тактическим ходом, который помог пережить смутные годы. Однажды он заговорил о том, что ему, изголодавшемуся по театру, по настоящей актёрской работе ничто не помешает бросить «всю эту мерзость», чтобы на вожделенных подмостках развернуться во всю ширь собственного таланта и оправдать себя.

Гроту и Вике, которая после памятного выезда друзей на виллу к Стопудову задержалась в весёлой квартире, было жалко смотреть на Иосифа. Он выглядел несчастным, потеряннным.

Маркина посетил настоящий творческий кризис, которого не переживал в своей жизни только самый плохой артист. Казалось, что рушится всё, и спасти уже ничего не удастся. Крах проявлялся повсюду, на каждом шагу. Перед самым носом, как горячие пирожки, разбирались типажи, которые Иосиф долго и внимательно присматривал для себя. Идея только возникала, ещё только формировался подход к ней, а, оказывалось, что кто-то другой умыкал её и в сыром виде тащил на свет божий. В телевизоре появлялись бабки в платках, грудастые тётки в сверкающих кокошниках, гастарбайтеры-неформалы, тупые ковбои и прапорщики...

– Бедный Йорик, – сокрушалась Вика, глядя на понурюю голову Иосифа, и без напоминаний бегала для своего кумира за пивом и сигаретами.

Не унывал лишь Лёшка Грот. Он умудрялся регулярно приносить контракты на три-четыре выступления в месяц.

Однажды, каким-то невероятным образом ему посчастливилось зацепить ночной клуб, чей хозяин пожелал раскрутиться на имени Маркина.

– Нужен твой любимый креатив, – с наигранной печалью в голосе сообщил Алексей. – Приветствуются вампиры, Геенна огненная, Содом и Гоморра. Аленький цветочек просили не предлагать. У них – специфика.

– Какая ты умничка, – прыгнула на шею Лёсику Вика. – Обожаю ночные клубы. Зажигать! Зажигать! Зажигать! – радовалась она и целовала удачливого продюсера то в ухо, то в щеку.

Перспектива выставить себя в виде вурдалака или, того хуже, – «педрилки», обрадовала Иосифа меньше, чем Викторию возможность тусоваться на полную катушку в самых крутых местах города. Вялая реакция друга на многообещающий контракт не понравилась Алексею.

– Викуля, ты глянь на его рожу. Смотрит, как будто я его в гарем продаю. Его не волнует, что скоро нас ирки трусами закидают. А он из себя всё Чацкого корчит.

Грот аккуратно отстранился от восторженной союзницы и вплотную приблизился к Маркину.

– Глобальная революция с сексуальным уклоном, дятел! Новые грани свободы! Каждый творит, как хочет, и, что хочет, то и творит.

– Мне не нужна такая свобода! – огрызнулся Иосиф. – Я во всём должен видеть духовность. Это ты готов продать меня за тридцать серебряников первому встречному.

Грот вопросительно посмотрел на Вику.

– Я не могу говорить с этим святым человеком. Ты хоть на него повлияй.

– Не ругайтесь, мальчики. Разберёмся. В этом деле самое важное – не сбиться на чечётку.

При слове «чечётка» Маркин нервно повёл плечами.

– Есть у меня один знакомый сценограф, – продолжила Вика, – Толик-сатанист. Торчит на всяких таких примочках. Но баб, засранец, не любит, и со мной про дела не станет говорить. Сходи к нему, Лёсик. Он надывает тему в два счёта.

Иосиф подошёл к Вике и доверчиво прижался к её теплому бюсту.

V

Толик оказался человеком душным, но при этом крепко знающим своё ремесло. Уже через месяц Грот прибежал от него с хорошими новостями.

– Ёся, нужные люди в сауну собрались. Там будет и Толик. Сказал, что может взять тебя с собой.

– Не люблю я эти сауны, – заартачился Иосиф.

– Причем тут «люблю – не люблю». Пообщаешься, обговоришь наши проблемы. Что там ещё? Ну, заодно и помоешься, – рассмеялся Лёшка. – Там будет хрен один из реальности-шоу. Его нужно зацепить. Он приятель Толика.

Иосиф тяжело вздохнул и с укоризной посмотрел на друга.

– Ну да. Этот тоже. Прости. А что делать? Сейчас они везде. Только ты пойми, Ёся, нам, хоть сдохни, нужно карабкаться вверх, светиться, где только можно. Иначе – гибель.

«Гибель» прозвучало в его исполнении утробно, с мало-российским акцентом, «кхыбель», оформившись в разговоре дополнительным аргументом.

Но на Иосифа это уже слабо влияло. Образ злодея, охотого до человеческой крови, на котором он решил остановить свой выбор, уже давал о себе знать в легко возбудимом творческом сознании. Поиск грима, жестов, костюма, походки, мимики – всё это попеременно начинало будоражить богатое воображение артиста.

К походу в сауну Маркин готов был уже с кем угодно обсуждать собственные идеи и парировать любые нападки в свой адрес. Он вполне допускал, что в жаркой атмосфере финской бани традиционное понимание вампиризма неминуемо натолкнётся на специфическое восприятие мира остальными любителями лёгкого пара.

В теории Иосифа надёжно защищала стройная и незыбле-

мая система Станиславского, но, как на практике завершится встреча, он не мог знать и слегка паниковал.

Сауна располагалась в огромной гостинице, где традиционно селились лучшие артисты, певцы, космонавты, делегаты съездов – от партийных и до эндокринологов. На подходе к могучей казарме Иосиф с удивлением отметил, что своей популярности отель не растерял.

– Смотри, смотри – Жириновский, – послышался чей-то истошный крик, и большая толпа кинулась к стеклянному входу.

Маркин невольно оглянулся. Он понял о ком идёт речь. Эту фамилию на даче Стопудова называл Митрофан Брунет, и теперь, коль так случилось, захотелось посмотреть на политическую фигуру, чьей популярности могли позавидовать Тарапунька и Штепсель в эпоху развитого социализма.

– Еле прорвался. Очередь сюда, как в Мавзолей, – оправдывался Иосиф, когда с холода попал в духмяную атмосферу пригостиничной сауны.

Четыре завернутых в белые простыни мужчины сидели за столом, на котором сиял пузатый самовар, где были расставлены расписные заварочные чайники с чашками, коробки конфет, пачки печенья и бутылки с минеральной водой.

Со словами: «От нашего стола – вашему столу», Маркин достал из внутреннего кармана пальто бутылку водки и поставил рядом с минералкой. Мужики удивлённо посмотрели на «пузырь», а потом уставились и на новичка.

Сатанист привстал, первым протянул в сторону Иосифа руку и картаво огласил:

– Маркин.

Троица поочерёдно повторила жест, не утруждая себя изображением радости от знакомства. До того они громко спорили и продолжили крик сразу же, как только с формальностями было покончено.

– Да кому они нужны эти Мэри, Бобы, Колумбины? Показываете их, как зверушек в зоопарке. Амёбы под микроскопом, – горячился самый молодой из присутствовавших и, облизав пересохшие губы, потянулся за чайником.

– Да, только добавь: раскрученные, знаменитые амёбы. Их знают сегодня все, о них кругом говорят. Вот что важно! Если бы проект был лоховским, как ты говоришь, его бы не смотрела добрая половина страны.

Иосиф быстро обзавёлся простынёй и подсел к Толику.

– Чего опаздываешь? – прошипел сатанист. – Значит, слушай сюда: тот, что сейчас говорит, – это режиссёр. Если ему всё понравится, ты – в шоколаде. Эти двое – из газет. О современных тенденциях в культуре пишут. Пока можешь идти погреться. Мы уже по ходке сделали.

Иосиф предпочел дослушать спор. Режиссёр говорил спокойно, с заметным самодовольством, но по его жесткому взгляду, буравившему журналиста, было видно, что нападки на проект ему не нравятся.

– Вы все отстаёте от жизни. Приходит время реалити-шоу.

С этим надо считаться. На него спрос, – утверждал режиссёр. – Мы будем везде, куда ни плюнь, хотите вы этого или нет. Сейчас запускаем на кассетах интим-бомбу: «Сто минут из Зазеркалья». Там всё самое клёвое собрали: от унитаза до койки.

– Подсматривать за людьми – грешно, а зарабатывать на этом – стыдно, – упрямылся неподатливый журналист. – Тебе еще икнётся это шоу. А амёбы твои будут вспоминать съёмки в кошмарных снах.

– Пока смотрел на Жириновского, слышал в очереди, что победитель хату получит. Правда, что ли? – поинтересовался Иосиф, чтобы хоть бочком втиснуться в интеллектуальный разговор.

Компания переглянулась и засобиралась в парилку. По пути режиссёр мельком посмотрел на любопытного артиста и, ухмыляясь, проронил:

– Какой член у тебя смешной.

– Что? – от неожиданности переспросил Маркин, хотя всё отчетливо слышал.

– Шпокен зи гаген.

– Это чего такое? Переведи.

– Болт, говорю, у тебя прикольный.

Новое словечко, «прикольный», Иосиф слышал впервые, но по тону, с каким режиссёр его произнёс, понял, что ничего обидного за ним не скрывается. Сама же фраза, сказанная режиссёром, не то с иронией, не то с желанием больней за-

деть чужака, попала в цель. Она пришлась к месту, как, порой, кстати в бильярдной игре падает в лузу случайный шар после неуклюжего удара игрока. Ненароком брошенные слова возбудили в Маркине сумасшедший творческий процесс. В его голове будто сорвало клапан, который до того исправно регулировал полёт фантазии. Плохо совместимые друг с другом имена существительные: «болт» и «член» неукротимой силой воображения Иосифа превращались в символы, вступали во взаимодействие и даже одушевлялись. Получалась жуть, чепуха, но чепуха дерзкая, смелая, которая не отпускала, заставляла возвращаться к себе, бередила сознание артиста, искавшего новых сценических воплощений.

Весь остаток дня Иосиф не мог успокоиться, а ночью ворочался на кровати и без конца возвращался к событиям прошедшего дня:

«Как он там сказал: «Болт прикольный»? Вот ведь, черт, как сформулировал. Прикольный. Ну и что? Что тут такого особенного? Кому-то раньше, может, прикольным казалось «Купание красного коня». Прикольными были висящие в небе мужики и бабы Шагала. Да мало ли что ещё раньше казалось смешным, а то и уродливым. Но теперь-то это уже классика, черт побери!».

Маркину было ясно, что на его творческом пути появился желанный, но очень рискованный поворот, на котором можно было либо уйти в отрыв, либо окончательно свернуть себе шею. Избыточный адреналин подталкивал его к авантю-

ре, находил оправдания безудержным фантазиям, соединяющим в голове то, что прежде казалось вздорным и абсолютно скандальным.

«Творец должен уметь переступать через условности. Для него нет табу, – подбадривал себя Иосиф. – Член смешной. Ха! Тем оно и лучше: уже всё готово, всё под рукой. Надо же, как просто! Просто, как всё гениальное. Нет, удивительные люди эти режиссёры, художники, видят жизнь по-своему, намного глубже, под своим углом...».

Однако под утро его мысли крутились уже у противоположного полюса. Мозговой клапан сделал попытку восстановить свою функцию, и в это самое время в дерзкие мысли Иосифа закрались сомнения. Он только на миг представил и сразу же надолго испугался, что вся эта новая «камасутра», о которой он сейчас думает, как о прорыве, как о смелом слове в искусстве, не возвеличит его, а, напротив, повернётся той стороной, что сделает артиста Маркина всеобщим посмешищем и вечным изгоем. Для этого ему нужно было вспомнить себя самого в недалёком прошлом, чтобы найти подтверждения возникшим опасениям. Раньше юный Иосиф за такие художества и сам бы мог кому угодно дать в морду.

Позже, под струями холодного душа, к нему снова возвратился боевой настрой.

«Нужны сторонники... единомышленники... помощники... Кто там ещё? Сподвижники... – с усилием растирал полотенцем раскрасневшееся тело и громко искал нужные си-

нонимы Маркин, твёрдо решив кинуться в авантюрный проект.

Из ванной он сразу направился к телефону и набрал номер режиссёра. Едва услышав хрипловатый голос, Иосиф, забыв поздороваться, с нетерпеливыми нотками в голосе задал вопрос, уже около суток мучивший его:

– А что смешного ты в нем нашел?

– В ком? – глухо отозвались с другого конца.

– Ну, ты вчера в бане сказал, что у меня смешной член.

Вот я и спрашиваю: что смешного ты в нем увидел?

В ответ в трубке зазвучали короткие гудки.

– Скотина, – выругался Иосиф и перезванивать не стал.

В пылу болезненной активности он попеременно повторял «скотина», «сволочь» и набирал номер телефона Грота.

Алексей долго не мог понять, чего хочет от него друг; но, когда до него дошёл смысл затеи, наотрез отказался её обсуждать.

– Бред! Это всё Вика тебя подбивает? Бросай ты эту сексуальную маньячку.

– Да нет же говорю! Вчера в бане навеяло.

– Ты с ума сошёл. Креатив креативом, но есть и пределы. Ты сам говорил о табу, о духовности... бла-бла-бла. А теперь хочешь размахивать «непоймичем» и называть это искусством?

Когда Маркина загоняли в угол, в нем начинали просыпаться силы, которые восставали против любых попыток

ограничить в нём свободу творческого полёта. Ему нельзя было запретить мечтать. Те, кто пытались оспорить право артиста на живую фантазию, сталкивались с мощным и ожесточенным сопротивлением.

– Послушай, – медленно и зловеще, как Кашпировский в телесеансе по излечению детского энуреза, начал Иосиф. – Вчера у гостиницы стояла толпа. Она стоит там и сейчас, стоит круглые сутки и будет стоять до скончания века. Люди хотели одного: увидеть, как ходят в туалет, совокупаются живущие за стеклом им подобные. Я никогда бы не поверил, если бы всё это не увидел своими глазами. А знаешь, почему они там собрались?

– Дураки потому что, – отрезал Грот.

– Сам ты дурак. Люди хотели видеть, как это делают избранные, кто находится по другую сторону от них, с кем в обычной жизни они никогда не встретятся. Им кажется, что эти знания приближают их к небожителям, к высшей касте.

Столь красноречивым и убедительным Лёшка своего друга ещё не знал. Из его слов получалось, что один и тот же народ с одинаковой страстью может ломиться на премьеру в Большой театр, ночь стоять в очереди у музея, чтобы лишь мельком увидеть на картине улыбку «Джоконды», и давиться в толпе у мутной, залапанной руками витрины в желании подсмотреть поход на унитаз живущих за стеклом бездарей.

– Классно сочиняешь, – похвалил Лёха. – Только какое отношение это имеет к нам? К тебе.

– А как насчет глобальной революции с сексуальным уклоном? Твои слова. Раз, действительно, революция, как ты сам говоришь, то она затрагивает всех. Такой закон: никто от неё не спрячется. Кроме того, я чувствую, что этим можно зацепить публику. Нужно искать подходы, Лёсик, и спонсоров.

– Да кто под это даст бабки?

– В Лондоне есть один такой. Мне про него сэр Го говорил.

VI

Бывший лаборант университетской кафедры полезных грызунов Варфоломей Каинович Плёвый попал в финансовую элиту по воле случая. К тридцати двум годам он уже мог позволить себе пить шампанское за цену одного квадратного метра жилья, продающегося в центре столицы, и посылать подальше всех, кто не имел на кармане лишнего миллиарда. Вихрастая голова Варфоломея, в которой счастливо уживались практичный ум, сумасбродство и авантюризм, вмещала уйму экзотичных идей по переустройству мира, что находило понимание и немедленную поддержку мощных финансовых структур и не в меру доверчивых граждан.

Человеком он слыл прозорливым, удачливым. Завидные качества стали приписывать ему после баснословного выигрыша в казино, где на рулетке Варфоломей умудрился

угадать выпавшие подряд два «зеро» и «семёрку». После небольшой заметки под заголовком «Пруха!», которую напечатала вечерняя городская газета, имя Плёвого стало чрезвычайно популярным.

В надежде взять у счастливичика интервью и выведать секреты фантастического везения к герою потянулись журналисты. Следом двинулись бандиты, представители лженаучных кругов, спецслужб и богемы. Завидную активность проявили предприниматели, обременённые глобальными прожектами, возбудились подстрекаемые сутенёрами фотомодели и верящие в существование чародеев граждане.

Знакомства с Варфоломеем искали многие. На пике его популярности в обществе начали стихийно создаваться группы фанатов, чтобы легче было пробиться сквозь окружение других почитателей. В быстро меняющихся событиях собственной биографии он не заметил, как стал членом семьи важного лица из мэрии, женившись на его единственной и ужасно некрасивой дочери. На свадьбе тесть пожелал молодым нарожать ему внуков, и, втихаря, пообещал оторвать зятю ноги, «если что».

Первое время Варфоломей полностью отдавался работе в подаренной одним из гостей свадьбы строительной компании.хлопотный бизнес помогал свести к минимуму выполнение супружеских обязанностей и безболезненно покрывать расходы от непрекращающихся попыток повторения рекорда на рулетке.

Позже, чтобы вернуть к себе интерес, Плёвый опубликовал две книги мемуаров «Плёвое дело» и «Плёвое дело 2». Первый том с броской обложкой почти полгода мелькал в руках пассажиров метро. Вторая часть эпопеи была принята читателями прохладно и до подземки почти не добралась.

В хмурое для автора время рядом с ним появился бывший юрисконсульт закрытого военного НИИ Тофик Дундуридзе. Он был одним из немногих, кто расхваливал книжки и с жаром убеждал огорченного Варфоломея создать по мотивам воспоминаний телесериал под общим названием «Варфоломеевские ночи».

Потраченные деньги ни преумножить, ни отбить не удалось, но между бизнесменом и продюсером возникла взаимная привязанность, которая повела их вместе от одного проекта к другому. Варфоломей стал появляться в жюри им же спонсируемых конкурсов красоты, обладателей всевозможных талантов и необычных наклонностей. Имя его мелькало в светской хронике и указах президента страны о награждении официальными знаками внимания.

Бурная, размашистая, как подпись на стодолларовой купюре, деятельность приняла особенно бесшабашный вид после неудавшегося покушения на власть имущего тестя. Предательский выстрел уложил всесильного хозяйственника в реанимацию, где, если верить слухам, он остаётся в коме по сегодняшний день.

Сами собой отпали пошлые договорённости о соблюде-

нии супружеской верности и страхи оказаться без ног. Варфоломей в числе первых рванул к лазурным берегам и заснеженным вершинам дальнего зарубежья, где ему было легко и удобно делать всё то, о чем тяжело мечталось на родной земле.

Странная особенность родины: мешать своим собственным холопам работать на её же благо, заставляла самых активных из них – под видом туристов или паломников – отправляться в разные концы света с надеждой встретить места, где жизнь может быть устроена и по-другому.

Варфоломей закрепился в Лондоне и, на всякий случай, завёл телохранителей. К хвалёной прозорливости Плёвого это уже не имело никакого отношения. Последние годы его строительная фирма продавала в разных городах страны квартиры, существовавшие, главным образом, на красивом сайте в интернете.

Идея принадлежала Тофику Дундуридзе. Он же заранее похлопотал о запасном жилье, предположив, что лучше всего, если оно будет вдалеке от мощного сервера и места основной прописки.

В английском загсе Тофик зарегистрировал новый брак и взял фамилию супруги. Так он стал Тэдом Го. Через какое-то короткое, по Гринвичу, время ему удалось за небольшой по российским меркам магарыч выхлопотать для себя титул сэра. Помог ему в этом чрезвычайно нуждавшийся в деньгах член Палаты лордов, который потом долго просил Тофика

сохранить сделку в строжайшей тайне.

Глава четвёртая

ЗВЁЗДНЫЕ ЗВЁЗДЫ

I

В Лондон Маркин и Грот везли в багаже буханку черного хлеба, палку докторской колбасы и два комплекта мемуаров Варфоломея Плёвого, купленных за бесценок на книжном развале. Собранные гостинцы и книжки должны были напомнить беглому олигарху о вкусе и запахе родины, о том, что двухтомной пуповиной он накрепко связан с её просторами.

Поверх других вещей в их общем чемодане стеснялась дюжина фотографий, брошенных в спешке и составлявших то самое портфолио, без которого ни один спонсор не начнёт тратить деньги на раскрутку чужого протеже. На черно-белых снимках Иосиф был проявлен в образе диковинных зверей, определить которых по виду смог бы только ребёнок. Главной же своей приманкой Маркин считал сценарий пятиминутного новаторского клипа под рабочим названием «Пи-сающий мальчик».

Грот до последнего противился сумасбродной идее, посетившей Иосифа в день, когда у гостиницы ему посчастливи-

лось увидеть живьём Жириновского.

– Это я рискую, и рискую, между прочим, самым дорогим, что у меня есть, – возмутился артист, выслушивая целомудренные аргументы друга.

– Может, всё-таки погодил бы рисковать, – пыталась образумить «своего Маркина» импульсивная и, в отличие от Лёшки, склонная к авантюрам Виктория.

– Зря, зря летим. Бабки впустую палим, – кудахтал продюсер весь путь до Хитроу.

Строгие английские пограничники, виды города на Темзе-реке, непривычная, сбивающая с толку изнаночная транспортная суэта чужой столицы, на время отвлекли скептические мысли Алексея о хвалёном альтруизме бывших соотечественников. О напрасных хлопотах он вновь стал думать, когда искателей спонсорской помощи надолго оставили одних в переговорной комнате лондонского офиса Варфоломея Плёвого. Сопровождавший их из аэропорта клерк показал место, куда допускалось скинуть багаж, и удалился, буркнув на прощание: «Wait»⁴.

– Не даст бабок, не даст... – беспрестанно нудил Грот, елозил на гладком кожаном диване и периодически прикладывался к виски, початая бутылка которого, то ли специально, то ли по ошибке, была оставлена хозяевами среди напитков на небольшом столике у окна.

Алексей заметил бар ещё с порога, и как только руки его

---

⁴ Ждите (англ.)

освободились от поклажи, двинулся к нему, осмотрел этикетку с надписью «Jack Daniel's», а затем выбрал себе стакан, проверив каждый на свету.

– Чистые. Будешь? – спросил он Иосифа, приподняв бутылку с пламенеющим в ней напитком.

– Поменьше хозяйничай. Не дома.

– Да ладно. Не обеднеют, – пропустил замечание мимо ушей Грот и устроился со стаканом в углу дивана.

Иосиф кинул на друга мимолётный взгляд, но заострять ситуацию не стал. Сам он несколько раз просил у секретарши кофе и пил его не спеша, едва касаясь губами края миниатюрной белой чашечки. Шикарная манера употребления напитка была взята им у маститых киношных коллег, воплощавших на экране роли симпатяг-суперагентов и мечтательных влюблённых. Разместившись в мягком кресле, Маркин с серьёзным видом листал второй том «Плёвого дела» и изредка посматривал в сторону друга, уже третий раз освежавшего содержимое широченного стакана.

– Кончай бухать, – наконец гаркнул он. – Не считаешься потом.

– Да я чуть-чуть, чтобы мандраж снять, – оправдался Лёшка и снова запричитал:

– Напрасно мы приехали.

Варфоломей Плёвый ворвался в переговорную комнату с шумом, чем напомнил Иосифу сэра Го, который тоже появлялся всегда стремительно, ошеломляя внезапностью и оби-

лием собственного присутствия.

В отличие от покойника, любившего строгий стиль в одежде, лондонский спонсор был одет в джинсы. Под изрядно помятым льняным пиджаком виднелась специально состаренная короткая майка в цветных подтёках. На шее добровольного изгнанника болтался лёгкий, завязанный удавкой, шарф.

«Клоун, блин, какой-то», – подумал Маркин и тоже, как и Лёсик, засомневался в выбранной для спонсорства кандидатуре.

Варфоломей без особого интереса перебрал фотографии, на которых Иосиф блистал в костюмах неправдоподобных зверей, и попросил принести себе чая.

– Ты не стесняйся, – обратился он к Алексею, наблюдая как тот с тоской поглядывает в сторону «Джека Дениэлса», – наливай. Виски у нас отменный. И не бойся, денег не возьмём, если на этот счет переживаешь.

Грот засмутился, но после небольшого внутреннего колебания всё же потянул руку к пузатой бутылке; и, чтобы не показаться профаном в области импортного алкоголя, как бы между прочим, заметил:

– Наш самогон немного напоминает.

– Напоминает, напоминает, – медленно и с каким-то задумчивым безразличием повторил Плёвый, а затем с азартом, да так, что заставил гостей вздрогнуть, воскликнул:

– А сценарий-то – ничего. Забавно, очень забавно. Решил,

значит, мускулом поиграть? Как там у нас говорится: «Мимо тёщиного дома я без шутки не хожу...». А?

Варфоломей с улыбкой посмотрел на растерянного Маркина и разрешился акцентированным, точно отзвук скачущего по паркету теннисного шарика, смехом. Тело его, следуя за податливой спинкой кресла, круто запрокинулось, предоставив застывшим от удивления просителям редкую возможность полюбоваться белизной и идеальной ровностью зубов хозяина офиса.

– Вот, ёлки! Уморили. Действительно забавно. И что, такого ещё никто не показывал? Никто-никто? – вытирал с небритых щёк слёзы Варфоломей и всё повторял: «Вот, ёлки! Надо же».

– А как вам вообще пришло такое в голову? – сделавшись вдруг серьёзным, начал приставать с расспросами изгнанник. – Это же нужно было додуматься.

Он задавал друзьям вопрос за вопросом и выжимал из каждого ответа максимум. На исходе третьего часа встречи бизнесмен заговорил сам.

В речи Плёвого Иосиф находил для себя много странного, непонятного, но сквозь словесный туман мало-помалу проступали признаки того, что отталкивать протянутую руку артиста здесь пока не собираются.

Плёвого устраивало всё в предложенной концепции, но не нравилось, или, точнее сказать, смущало отсутствие интриги вокруг персоны самого Маркина.

– Изюминки нет, постно всё как-то: мама-папа, школа-ВУЗ. Где зацепки? Папа – алкоголик? Нет! Со школы выгоняли за сексуальную связь с директрисой? Тоже нет. О тебе нечего сказать, Иосиф. Ты – не жил.

– Но я был лучшим на курсе...

– А я нигде и никогда не был лучшим, но обо мне на нашей с вами родине по сей день легенды ходят, – поддел Маркина Варфоломей и с многозначительным видом накрыл ладонью ждавшие автографов мемуары. – До сих пор у вас про меня говорят по телевизору: всё успокоиться не могут. За помощью-то не я к тебе – лучшему на курсе – пришёл. Вот то-то и оно. Значит, сиди и слушай.

Варфоломей принялся сам перекраивать серую биографию Маркина. Первой досталось маме.

– Как её звать?

– Сесилия Францевна, – ответил за Иосифа Грот.

– Плохо, – досадливо покачал головой спонсор. – Пусть она для будущих интервью будет Раей или вот: Клавдией Спиридоновной. И говори, что ты её почти не помнишь. Мол, знаешь о ней лишь то, что была она, допустим, цирковой артисткой, родившей тебя от красавца жонглёра, уже имевшего семью и троих детей. А? Соблазнитель, типа, страдал от двойственного положения, но желание стать родоначальником династии жонглеров-эквилибристов не позволило ему уйти от жены и собственных чад. Вот в таком вот плане...

– Гениально! Сюда можно добавить, – вмешалась в разговор помощница Плёвого, Лизонька, – что он не мог нарушить слово, данное покойному отцу, мастеру вольтижировки, завещавшему сыну прославить фамилию.

– Правильно девочка говорит. Ты слушай её, она глупостей не посоветует, – одобрил бизнесмен. – Дьявол, дорогие мои, как и прежде, – в деталях.

Подробностей становилось всё больше, и были они, на вкус Иосифа, одна чудовищней другой. Маркину пришлось узнать, что, когда ему было четыре года, его мать разбилась, упав с трапеции из-под купола цирка. Маленького Ёсика больше некому было защитить. Сироту обижали старшие мальчишки, надсмехались взрослые. Всё своё детство он провёл с цирковыми зверями, единственными живыми существами, которые любили несчастного мальчугана и всегда радостно возбуждались при его появлении.

– За кого он меня принимает? – пробовал возмущаться Маркин, когда к вечеру друзья завернули в гостиничный бар. – Ладно, ты денег даёшь, но нельзя же людей так, через колено, ломать. Как я после этого матери в глаза посмотрю? Ведь, по ходу, я отказываюсь от неё, от самого родного, что у меня есть. Мерзость! Мерзость! Мерзость!

На последнем слове Иосиф с силой ударил кулаком по столу, заставив вздрогнуть многочисленных посетителей заведения. Встрепенулся и строгий, анорексичный бармен. Вытянув свою тонкую шею, он вопросительно посмотрел в

сторону русских, которые выпили уже по четыре пинты пива, но ещё ни разу не ходили в туалет.

– Кочумай. Маман сама от тебя откажется, когда ей скажут, что ты на сцене вытворяешь, – подлил масла в огонь Лёшка. – Что уж тут причитать? Взялся за грудь – говори что-нибудь.

– Даст Варфоломей денег, – продолжил он зловещим шепотом после небольшой паузы. – Вижу, что даст. Глаз у него загорелся. А кто нам платит, тот нас и танцует. Это, как в кабаке. Так что расслабься, сиротинушка. Теперь нужно идти до конца.

Грот тайком посмотрел на бармена, достал из внутреннего кармана пиджака бутылку «Столичной», купленную в duty-free ещё перед вылетом, и быстро плеснул её содержимое в оба бокала.

II

Яхта Варфоломея Плёвого покачивала кормой на волнах томной средиземноморской гавани. Лучшего места, чтобы «забабахать хэппенинг», как утверждала утонченная Лизонька, придумать было невозможно.

– Устроим так, что сам папаша Кейдж⁵ в гробу перевернётся.

---

⁵ Джон Милтон Кейдж (John Milton Cage, 1912-1992 гг.) – американский композитор, поэт, философ, художник. Знаковая фигура послевоенного авангарда.

Помощница Варфоломея имела диплом платной бурсы и знала много из того, что обыкновенному человеку не нужно было знать и даром. В её головке, кроме профильных сведений, причудливо умещались фамилии, родственные связи и даже точные размеры одежды многих иностранных знаменитостей, не смевших в своё время даже помыслить, что творимые ими при жизни шалости станут темой серьёзного изучения в элитных заведениях, созданных в далёкой стране на базе бывших «красных уголков» вчерашними институтскими лаборантами и лекторами общества «Знание».

На вопрос Маркина: «Кто такой Кейдж?», Лизонька коротко и с вызовом ответила: «Это круто!».

– Я уже всё придумала. Люди будут на ушах стоять, – торжественно сообщила креативная помощница перед подписанием контракта.

Однако Иосиф, тяжело переживавший факты из своей новой автобиографии, захандрил. Своим поведением он более походил на обиженного школьника, которому учитель не дал шанса ответить на выученный урок, чем на заинтересованного в чужих деньгах переговорщика. Маркин всё больше помалкивал. Когда же возникала потребность узнать его мнение по какому-то вопросу, он в задумчивости отворачивался к окну и на некоторое время прекращал с угрюмым видом ковырять зубочисткой под ногтями.

Отдуваться приходилось Гроту. Тот уже предвкушал финансовую благодать и торопливо, без раздумий, соглашался

на любую блажь со стороны спонсоров.

– Чего ты куксишься? Ведь люди дело говорят, – убеждал друга Алексей. – Они же не отнимают у тебя идею? Нет! Наоборот, дают под неё бабки. Хотят гнуть свою линию? Флаг им в руки! Во всяком случае, я не вижу в их требованиях ничего такого... смертельного. Я понятно излагаю?

Иосиф и сам видел, что под напором Лизоньки и Плёво-го его задумка обретала конкретные, хотя и неожиданные очертания, превращаясь с каждым шагом в нечто другое, отличное от того, что он замышлял. Агрессивная манера спонсоров вести дела породила в бедном актёре страх, а предлагаемые ими творческие решения – ревнивое отторжение. Переваривал Маркин жестокую логику чужбины медленно и тяжело. Свалившиеся мучения помогала ему терпеть одна только надежда на скорый выход из неизвестности и гнусного небытия.

Дебют обещал получиться оглушительно громким и держался на нём, Иосифе Маркине, а точнее – на его незаурядном актёрском таланте. Придуманная Лизонькой история про Стеньку Разина и сорок красавиц, которых на вертолёте Варфоломея спасает «Писающий мальчик», приглянулась Иосифу. В ней была драматургия, замешанная на извечном противостоянии добра и зла.

– Как ты всё это думаешь организовать? – поинтересовался Плёвый у Лизоньки.

– Особых проблем не вижу. Для удобства, все приглашен-

ные наблюдают действие с острова. Затем ваши личные гости катерами доставляются на яхту. В конце вечера – фейерверк. За развитием событий будут наблюдать от двух до трёх десятков журналистов.

– Толково придумано, – похвалил Плёвый. – Только такую ораву журналюг я на яхту не пущу. Заблюют, засранцы, мою красавицу, как в прошлый раз.

– На борту нам будет достаточно не более шести. Я подготовила списки на каждую группу.

Варфоломей взял папку и тут же передал её Гроту.

– Там учтены ошибки прошлого года, добавлены новые лица: два политика, депутат Троелобов, прокурор и смотрящий от братвы на побережье. Для них доступ, как всегда, бесплатный, – поясняла Лизонька. – Остальным, с учетом инфляции, придётся платить за билет не пять, как раньше, а десять тысяч евро.

Грот испуганно посмотрел на распорядительницу. Звучавшие в её голосе интонации и волевой прищур напомнили бывшему коммерсанту последнюю встречу с «крышей», на которой его сладкий бизнес был поставлен на счетчик. Спустя ещё какое-то время, на Лёшку стало совсем жалко смотреть.

– Меня нет в списках, – шепотом, но так, чтобы было слышно всем, пожаловался продюсер.

Лизонька выхватила листок из рук Алексея, даже не взглянув на его обреченное лицо. Она подступала к самой

важной части презентации и отвлекаться на мелочи не соби-
ралась.

– Варфоломей Каинович, я думаю, что в наших общих ин-
тересах, чтобы Иосиф Богданович там, на яхте, в частных
беседах сообщал гостям, и особенно журналистам, завышен-
ную сумму полученного гонорара. Это может уже на стар-
те серьёзно повысить капитализацию нашего проекта. Гос-
подину Маркину нужно будет только сыграть дополни-
тельную роль. Вы же сможете изобразить из себя пьяного болту-
на, Иосиф? – с некоторой издёвкой спросила помощница.

Маркин оскорбился, но не вспылал, а лишь обиженно
кивнул, когда и Плёвый, в ожидании ответа, посмотрел на
него.

– Ходите по палубе босиком, – подсказывала варианты
Лизонька, – надувайте свой сценический перчик, или что
там у вас, изображайте из себя описавшегося мальчика. Мо-
жете приставать к спутницам наших гостей. Охрана не даст
вам в обиду, я позабочусь. Делайте всё, что хотите; не забудь-
те только нашёптывать сумму. Я думаю, что цифра в сто ты-
сяч, будет вполне подходящей.

– Ты думаешь, кто-то поверит? – засомневался Варфоло-
мей.

– Поверят. Главное, чтобы при разъезде гостей Иосиф
Богданович очень, ну о-очень просил их не распространять-
ся о размере гонорара. Излишне повторять, что в первую
очередь это касается опять-таки журналистов. Я уверена, что

и эту часть спектакля господин Маркин сыграет со свойственным ему блеском, – поспешила пролить бальзам на душу Иосифа Лизонька, и бросила милый взгляд в сумрачное лицо артиста.

В ещё большем расстройстве пребывал Алексей. Помимо перспективы остаться на берегу, он был неприятно удивлён тому, что чья-то невидимая рука убрала с привычного места бутылки с напитками. словно в насмешку, на небольшом столике у окна маячили лишь миниатюрные государственные флаги двух договаривающихся сторон.

– Всё, работать начинаем. считайте свою туристическую поездку законченной, – уловив причину разочарования Грота, сухо подытожил Варфоломей. – Вам повезло: поступаете в распоряжение Елизаветы Фёдоровны. Все вопросы – через неё. Да, и пока не забыл...

На этих словах спонсор встал из-за стола и приоткрыл лежащий перед ним кейс. В следующую минуту перед просителями шмякнулся, словно шмат сырого мяса, увесистый конверт.

– Здесь хватит на десять «Писающих мальчиков». Не пропейте только, артисты, – грубо пошутил миллионер и быстро удалился из переговорной комнаты.

Алексей намётанным взглядом, не без внутреннего удовольствия, оценил объём финансового вливания, но на лице радость не проявилась. Вместо этого он с удивлением посмотрел на Лизоньку и спросил:

– Нас покупают за «двадцашку»? А как же с остальным?

– Это аванс. Кроме того, на яхте вам деньги будут не нужны, – отрезала Лизонька. – Мы оплачиваем ваше пребывание и перелёты. Остальное получите после фейерверка. Вас такой расклад, Алексей, устраивает?

– Так я тоже еду? – обрадовался Грот, и на лице его, впервые за всё время заключительных переговоров, заиграла довольная улыбка.

III

Гости прибывали на яхту строго по списку. Чтобы избежать ажиотажа, неминуемого возникающего при одном только намёке на халяву, Лизонька придумала «карусель». Маленькие юркие катера кружили по бухте и каждые три минуты доставляли к борту новую пару. Наблюдать за происходившей круговертью было интересней всего с верхней палубы. С высоты хорошо было видно, как снуют и прыгают на встречных волнах катерки, и как у самого трапа дамы, одетые в «от кутюр», с визгом прикрывают от брызг дорогие платья и прически, как вскрикивают, боясь ступить мимо покачивающегося у их ног трапа.

Полностью избежать abordжа предусмотрительной Елизавете Фёдоровне всё же не удалось. До того, как закружиться основной карусели, к борту причалила лодка с журналистами.

Десант из шести человек высадился с шумом и сразу рванул на корму, где степенно передвигались одетые во всё белое официанты, расставляя тарелки с закусками, вазы с фруктами, графины и бутылки с напитками.

– Спиртное будет после двадцати часов, – бесстрастным голосом крикнула вслед им Лизонька, а, стоявшему рядом, Гроту с возмущением пожаловалась:

– Невозможно! Ведут себя, как дикари.

Предупреждение подействовало только на Самсона Носика, колумниста «Розового эппла», по собственному опыту знавшего, что на мероприятиях Плёвого бесполезно соваться без разрешения туда, где от бдительной охраны по шеям мог получить любой. Самсон слыл самым маститым в «шестёрке», считался авторитетом в безбрежном море бытописателей удачных судеб. Благодаря его способности красиво расставлять изящные слова и, вместе с тем, с умильной доступностью трактовать самые затейливые бытовые ситуации в жизни богемы, «Розовый эппл» с одинаковым интересом перелистывали и в кабинетах министров, и на толчках мелкооптовых рынков.

Носик замедлил бег, отстал от продолжавших топтать по палубе коллег и, подойдя к Лизоньке, капризным голосом подростка произнёс:

– Варфоломей нас совсем уже в черном теле держит, за людей не считает. Обидно, Лизок.

– Меньше гадить надо в приличных местах.

– Теперь нам что: за канал «Четыре» всю жизнь отдуваться? – растягивая слова, с ещё большим недовольством продолжил колумнист. – Прошлый раз – это был их косяк. При чем здесь мы?

– Остынь, дорогой. Познакомься вот лучше – продюсер Маркина Алексей Грот. От него получишь всю нужную информацию и эксклюзив.

Носик широко улыбнулся и тут же полез обниматься. Алексей своим натренированным нюхом уловил, что Самсон уже принял на грудь, и ему почему-то стало неловко за свободную прессу. Меньше всего хотелось, чтобы о шикарной премьере Иосифа Маркина, с блеском прошедшей под бархатным средиземноморским небом, писали и рассказывали падкие до дармовой «курвуазье» пьянчуги.

– Он же бухой, – шепнул Лизоньке на ухо продюсер.

Но та не пожелала углубляться в проблему. Она насмешливо посмотрела на Грота и заметила:

– Чья бы корова мычала. Чтоб ты знал: этот только в пьяном состоянии и представляет интерес. В трезвом виде он – полнейший дурак.

В назначенное время на верхней палубе заиграла музыка. Две скрипки и две виолончели помогали расслабляться прибывшим на яхту гостям, которые уже начали мешать шампанское с коньяком. За тихими разговорами собравшиеся ждали хозяина яхты и главного триумфатора вечера.

Маркин и Варфоломей взошли на борт последними. Ли-

зонька выбежала к ним навстречу с огромным букетом. Вручив цветы артисту, она тихонько шепнула шефу, что его ждут в кают-компании.

– Хорошо. Умница. Забирай нашего героя, знакомь с народом, – распорядился Варфоломей и подтолкнул улыбающегося Иосифа в спину. – Я пока пойду с коллегами покалякаю.

Сергей Викторович Прачкин, он же Серёжа Соскок, смотрящий от братвы на средиземноморском побережье, обрадовался появлению Плёвого шумно и, вставая с кресла, едва не смахнул со стола вазу с фруктами.

– Варлаша, чертяка, что так долго? Мы тут от скуки чуть не подрались. Я этому чмошнику уже хотел кадык вырвать, – обнимал Варфоломея Соскок и жаловался на лысого мужчину, тоже вставшего навстречу хозяину яхты и по-доброму улыбавшегося из-под очков, совсем не обращая внимания на Серёжины нападки.

– Скажи хоть ты этой лысой роже, – продолжил бандит, – какой нахрен на каравеллах бушприт?

– А каравелла-редонда? – без промедления парировал очкарик.

Поднаторевший в парламентских дебатах, двоюродный брат Серёжи, Тимофей Меркурьевич Троелобов, полысевший и потерявший за три ходки в думу остатки человеческой непосредственности, не желал уступить взятое им слово.

– Я говорю именно о каравелле-редонде. Там есть буш-прит. Есть! Тебе за это каждый дурак скажет. И паруса там – знаешь, какие? Можешь назвать? Нет? Сдаёшься? Фор-стенги-стаксель, кливер и бом-кливер.

Троелобов был доволен своей эрудицией и, испытывая превосходство в сфере, требующей специальных знаний, победно оглядел Плёвого и Соскока.

– Вы придумали, как подлодку будем продавать? – охладил спорщиков конкретным вопросом Варфоломей.

Соскок помрачнел. Накануне он принимал на своей вилле группу девчонок из военного ведомства, и те ни в какую не хотели снижать сумму отката за субмарину.

– Рубятся за восемьдесят два процента, Варлаша, хоть убей. Я им про самое святое – обороноспособность страны втираю, говорю: «Побойтесь Бога, девки, уступите». Нам тоже, типа, чего-то с этого надо поиметь. А эти суки всё – «Картье» да «Картье».

– А ты что скажешь? – посмотрел Варфоломей на Троелобова.

– Я вообще пас, не моя компетенция, – уставился взглядом на иллюминатор депутат. Ему вдруг страсть как захотелось покинуть борт фешенебельного судна.

– Слушайте тогда, что нужно сделать, – устало откинувшись в кресле, заговорил Плёвый.

На палубу они вышли втроем только через полчаса.

Поднимаясь по трапу, Варфоломей спросил у Троелобова:

– Что ты там про какой-то бушприт втирал?

– О каравеллах базарили.

– Про каравеллы... – задумчиво процедил Плёвый, и тем же спокойным, но не дающим повода понять превратно, голосом добавил:

– Ты, смотри, по пьяне про нашу военно-морскую тему нигде не ляпни. Урою.

– За кого ты меня имеешь? Могила.

Лизонька таскала за собой Маркина по палубам, как цирковую обезьянку. Они переходили от одной группы гостей к другой, приветливо улыбались и двигались дальше только после того, как Елизавета Фёдоровна получала полное подтверждение успеха своего протеже. Первыми излить восторги торопились дамы. словно аквариумные рыбки перед кормлением, они возбуждались при приближении артиста и потом ещё какое-то время беспокойно поглядывали в сторону удаляющейся парочки.

Лёгкую досаду у чуткой распорядительницы оставлял лишь дефицит хвалебных слов.

«Эмоции зашкаливают!», – на разный лад повторяли одну и ту же фразу самые начитанные дамы. Другие зрительницы оценивали шоу не столь изысканно, но тоже, будто заранее сговорившись между собой, поочерёдно высвистывали накаченными губами два слова: «Класс!» и «Супер!». Впрочем, всех их извиняло то, что свой небогатый словарь жеманни-

цы с лихвой перекрывали живейшей мимикой и старательно перенятыми у голливудских звёзд ужимками.

В тот сказочный вечер на яхте за словом в карман не лез только Гарик Леонтьевич Уссацкий. Как и у любого другого прирождённого политика, рот его не закрывался ни на минуту. Значившийся в Лизонькином списке под предпоследним номером, лидер и основатель реверсивной партии активно разминался перед грядущими предвыборными баталиями. Он знакомил с платформой партии зазевавшихся гостей, не упуская из вида и обслуживающий персонал. Входя в контакт с новыми жертвами, Уссацкий первым делом снимал с головы фирменную бейсболку и принимался объяснять смысл эмблемы собственной партии, а затем плавно переходил и к первоочередным задачам, стоящим перед её сподвижниками. Как и Лизонька с Иосифом, Гарик Леонтьевич передвигался от группы к группе. Он старательно оттягивал тот момент, когда и от него организаторы могли потребовать недвусмысленного отношения к состоявшейся премьере. Рассуждая с собеседниками о несовершенстве отечественной избирательной системы, сам он, между тем, внимательно прислушивался к витавшему в воздухе всеобщему восторгу, которого он, в силу полученного в юные годы эстетического воспитания, не разделял. Привычная, сто раз проверенная в деле, тактика помогла партайгеноссе определиться с линией поведения. На этот раз ситуация требовала присоединиться к большинству.

Когда Лизонька и Иосиф в очередной раз направились в его сторону, Гарик Леонтьевич уже точно знал, что будет делать и поспешил им навстречу. Он на полуслове бросил беседу с окружавшими его журналистами, вскинул руки и громко захлопал в ладоши. Единоличные овации разбудили в гостях любопытство.

– Bravo! Bravo! – прокричал Уссацкий. – Я всегда говорил: может, может Варфоломей удивлять. Не только в бизнесе, но и в искусстве чувствует фишку. Это же надо – «Писающий мальчик». Смело, по-нашему, по-реверсивному!

На лице Маркина, который потихоньку начал привыкать к восторженным похвалам, появилась недоверчивая улыбка. Он уловил фальшь в словах мужчины и насторожился, когда тот ринулся к нему с явным намерением обнять. Однако, приблизившись, политик лишь прихватил Иосифа за локти и с жаром продолжил:

– Рад, очень рад знакомству с вашим талантом. Народ истосковался по свободе самовыражения. За бунтарями, за такими, как вы, ниспровергателями кумиров прошлой жизни, – будущее. Следом за вами, непременно, пойдут остальные, другие...

– На зону бы вашего петуха, – перебил Уссацкого подошедший Серёжа Соскок, и совсем не весело засмеялся, – там народ, как пить дать, от души бы самовыразился.

– Не обращайтесь внимания, дорогой Иосиф. Сергей Викторович так шутит. Ему ближе блатная лирика – лагерный

шансон, так сказать. С позиций нашей партии я постараюсь указать, в чем он ошибается. А вам могу пожелать, дорогой мой, только одного: так держать, маэстро! Надеюсь, что наша встреча – не последняя.

Остаток вечера Уссацкий и Серёжа Соскок ходили по палубам вместе. Сзади они были похожи друг на друга, как два брата. В тускло освещённых уголках яхты, отличить их можно было, разве что, по рукам. У политика они болтались, как две совковые лопаты, плоской частью обращенные назад; у бандита – телепались на уровне колен и напоминали кувалды.

Шампанское расплёскивалось, маленькими струйками проливался на палубы коньяк. Смычковый квартет подбирался ко второй трети своего репертуара и начинал фальшивить. Грот с восхищением наблюдал за передвижением людей, забывая отхлёбывать виски из нагретого в ладони стакана. Он уже простил Самсона и его взбалмошных коллег за пошлые шутки в адрес «Писающего мальчика»; перестал замечать боль, доставляемую новыми туфлями, купленными в дорогом парижском бутике в спешке и без особой на то необходимости.

В обычной ситуации, скупой на слова Алексей, не отреагировал бы на просьбы Лизоньки рассказать о любовных историях Иосифа, не стал бы, пусть и даже самую малость, добавлять что-либо от себя. А тут его как будто прорвало.

В порыве нахлынувшей откровенности продюсер умудрился выложить Елизавете Фёдоровне всю подноготную Иосифа, включая забавную историю с приبلудившейся некогда Викулей, связь с которой у Маркина находилась в самом разгаре.

Грот почувствовал себя персоной особо приближенной, значительной, человеком нужным, делающим важную работу, возможно, даже более важную и ответственную, чем та, которой в повседневной жизни был занят его новый знакомый Гарик Леонтьевич Уссацкий.

Маркин застал умиротворённого, находящегося в мечтательном состоянии, товарища на носу яхты, куда тот забрался, чтобы покурить, успокоиться и слегка привести в порядок расхристанные мысли.

– Ты знаешь, кто здесь?

Иосиф выхватил у Лёсика сигарку и несколько раз глубоко затянулся.

– Ни за что не догадаешься.

Но Грот не слушал его, лишь улыбнулся и тихо произнёс:

– Как хорошо, Ёсик. До чего же хорошо.

– Ты хоть слышишь, что я тебе говорю? Стопудов здесь.

Маркин столкнулся с мужским акушером, когда Кирилл Данилович шёл нагруженный тарелками с закусками для супруги, ждавшей его на верхней палубе в компании капитана яхты и ещё каких-то важных лиц. На правах старого знакомого Иосиф решил помочь подкаблучнику: взял из подмышек бутылки с водой, чем заслужил от доктора сердечное

спасибо.

– А я смотрю вы это или не вы. Мир тесен и всё в нём меняется. Когда-то за выступление, если вы помните, я получал восемьсот долларов, а теперь вот гонорар до 250 тысяч скакнул. Как поживает ваш котик? Забыл, как его звать.

– Издох наш Юаньчик, – без сожаления сообщил Стопудов, – года два уже как. Помните матушку Марью Михайловну из монастыря в Балашове? Так вот она и закопала его прямо у нас на участке под липками. А вы, я вижу, теперь с Варфоломеем дружбу водите.

– Мы люди, вообще-то, творческие, вольные, но ни от чьего внимания не отказываемся, – расставил правильно акценты Иосиф. – Просто Варфоломей Каинович попросил выступить, ну и... мы здесь.

Маркин в подробностях рассказал товарищу все, что узнал при встрече со Стопудовым.

– Баба его сумасшедшая теперь вся в буддизме. Имя себе новое придумала, но я не запомнил. Так вот – при встрече не называй её госпожа фон Лемпке, обидится. Стопудов меня специально предупредил. Пошли, – толкнул он всё ещё находящегося в благодушном состоянии Лёсика, – Лизка тебя ищет.

Завидев Грота, распорядительница подскочила к нему и часто-часто забарабанила маленькими кулачками по груди продюсера.

– Ты почему не сказал, что знал Стопудова? Если бы не

Иосиф... Вы, вообще, знаете кто он такой?

Грот с Маркиным переглянулись.

– Вообще-то давненько дело было. Тогда он всё больше котов выгуливал, – попытался отшутиться Лёсик.

– Стопудов – главный в совете при президенте по противодействию расползания педофилии, – сказала, словно открывала страшную тайну, Лизонька.

– Так он, вроде как, доктором был, – вопросительно посмотрел на Маркина Грот.

– В том-то и дело: врачом-урологом, – подтвердила распорядительница. – Но когда людям из администрации понадобился на это место свежий человек – именно врач – сыграло то, что Кирилл Данилович увлекался в детстве филателией. Доложили об этом президенту. Тот, не раздумывая, утвердил его кандидатуру.

Грот посчитал услышанное за шутку и громко рассмеялся.

– Ничего смешного тут нет. Его очень ценят. Пять лет, – перешла на заговорщицкий шепот Лизонька, – пять лет с помощью Стопудова следят за бандой, которая вывозит за рубеж наших детей. Говорят, скоро их всех прихлопнут.

– Детей? – удивился Грот.

– Каких детей? Да нет! Преступников. Просто сейчас рано: боятся спугнуть организаторов. Придётся тебе, Лёшенька, возобновить знакомство со Стопудовым. Варфоломей такие связи очень ценит, но, по разным причинам, напрямую идти с доктором на контакт не хочет. Займись этим ты, до-

рогой.

Если бы не полученное задание, то Алексей Грот мог увидеть, как в конце прекрасного вечера охрана уводила с яхты и усаживала в катер депутата Троелобова. Тот сопротивлялся, размахивал руками и, глядя остекленевшими глазами в открытое море, благим матом орал:

– Руби ванты, трави топенанты!

Возможно, Лёсику удалось бы заметить, как Серёжа Соскок проделал горячей сигаретой дырку в бейсболке Уссацкого в том самом месте, где красовалась замечательная эмблема реверсивной партии.

– Чувствуешь? Палёным пахнет, – с тревогой спрашивал ничего не понимающего Уссацкого Соскок и, подражая собаке-ищейке, принюхивался, вода в воздухе носом. – Не хватало только пожара на корабле. Беги, Леонтич, спасай партбилет.

Но именно потому, что ничего подобного Грот не видел, конец вечеринки оказался для Лёшки наполненным незабываемыми и до слёз радостными чувствами. С плавучей платформы, на которой несколько часов назад куролесил, спасая сорок красавиц, Писающий мальчик, в воздух полетели едва уловимые глазом огненные стрелы. На высоте они превращались в маленькие точки, на мгновение замирали в черном бархате ночи и с треском разрывались, рассыпая по небосклону многоцветные огни.

Алексей вспомнил, как на точильном станке правил ножи

его дед, а он, мальчишка, заморожено смотрел на летящие искры и не мог оторвать от них глаз.

«Давай клешню свою, шкет, не бойся. Они холодные, – говорил дед и в доказательство подставлял под пламенный пучок свою широкую ладонь. – Покалыват маненько».

И Лёшке казалось, что невидимый небесный мастер раз за разом подносил к скрытому от людских взоров точильному колесу волшебный клинок и высекал из него огненные брызги.

«Ура! Ура-а!!!» – кричали на яхте.

– Ура, – размазывая слёзы по щекам, шептал продюсер Алексей Грот.

IV

«Аттракцион небывалой щедрости: за выступление на яхте – 250 тысяч евро!», «Показательный орган», «Членистоногая фантазия», «Забили болт»... В интернете и на страницах осязаемых печатных органов один заголовок старался перекричать другой. Люди читали, плевались, обсуждали, спорили.

Всеобщий гвалт нарастал и ширился ровно до тех самых пор, пока народ ни ошарашили новым известием: сразу у нескольких эстрадных звёзд случились родимчики. Как малые дети, они синели и с запечатлённой в глазах обидой падали в обморок, узнавав: насколько удачно пристроил шту-

ковину, присущую исключительно особям мужского пола, мало кому известный выскочка. Певец Софиев – блестящий исполнитель чужого репертуара – в сложный для его здоровья момент был доставлен в замечательный сумасшедший дом, о чем незамедлительно раззвонили все новостные средства информации.

«Опоздал! Опоздал!», – кричал кумир журналистам и приехавшим по срочному вызову санитарам, пугая с экрана телевизоров белками округлённых в безумстве глаз. А вскоре в интернете всплыла тайная видеосъёмка, на которой певец в полосатом халате и с загадочным видом бродил по коридорам частной лечебницы. Он подмигивал санитаркам и зазывал их в свою одноместную палату, где обещал бесплатно показать «Чебурашку».

Ни с чем не стоявшая рядом, дикая по своему размеру финансовая удача заштатного гастролёришки возбудила мэтров сцены. Люди, вынужденные поддерживать интерес к себе нескончаемыми прощальными гастрольями, во время которых приходилось довольствоваться рублиями и терпеть соседство с бесцеремонными гостиничными тараканами, отвергали культурную ценность нового жанра. В своих интервью они неизменно обвиняли Маркина в пошлости, но делали это так, чтобы ненароком не бросить тень на эстетические вкусы самого Варфоломея Плёвого. Тем самым ветераны сцены давали понять, что из уважения к признанному меценату могли бы изобразить нечто подобное и за половину

скандальной суммы.

Вечеринка на яхте обрастала слухами. Чтобы встретиться и поговорить с восходящей звездой отечественного шоу-бизнеса, журналистам приходилось запасаться терпением. Пока одни кусали локти и ждали встречи, более проворные их коллеги уже выкладывали на станицы изданий и в эфир подноготную счастливица. Склонное к состраданию население начинало лить слёзы над судьбой нового «Писающего мальчика», к которому, как следовало из многочисленных репортажей, статей и очерков, жизнь впервые повернулась лицом только в его зрелые годы.

«Кто, кто он?» – спрашивали множасьщиеся почитатели и судорожно искали новых подробностей о жизни восходящей звезды. Каждый выбирал для себя то, что казалось им понятней всего и ближе.

Романтикам нравилось знать, что Иосифа Маркина в детстве украли цыгане и «именно от них у него эта страстная, неукротимая любовь к воле, заставляющая сметать все преграды, появляющиеся на пути бунтарской натуры». Неуживчивым и обиженным на весь мир приятно было видеть в Иосифе жертву, у которой однажды – в день праздника Первомай – не то «кровавый гэбэшник», не то секретарь парткома, отобрал на пропой двадцать копеек, когда мальчишка шёл в магазин за хлебом для своей младшей сестрёнки.

Но исключительно всем, кто изо дня в день зачитывался караванами историй, запали в душу горестные воспоминания.

нения Маркина о пересыльной тюрьме, о зоне, где отбывала очередной срок его непутёвая мать. Не могли оставаться равнодушными люди, узнавая, как совсем ещё сопливый, но жутко смышлённый мальчонка по имени Иосиф «чифирил» с пацанами в тёмных подвалах и, забавно коверкая слова, говорил на хлеб «мандро», а на козу – «падло».

V

Среди людей, поспевающих к шапочному разбору, всегда найдется тот, кто начнёт натужно смеяться и делать вид, что появился вовремя. Хорошо, если это потенциальный неудачник: вкладчик финансовой пирамиды, отставший от поезда пассажир или не получивший вакансии претендент. Таких бедняг общество может пожалеть, ободрить пустым словом и тут же пойдёт дальше, навсегда забыв об их существовании.

А если это художник, который выстрадал свой «Чёрный квадрат» и протрубил об этом на весь мир? Или кинорежиссёр, снявший «Три тополя на Плющихе-2. Месть бакенщика», в котором подросшие дети из первого фильма возят в столицу зараженную ящуром буйволятину и там случайно узнают, что узбек-перекупщик – их брат? Сходу на все эти сложные вопросы не ответить.

Когда, казалось бы, всё лучшее уже изобретено, написано и предъявлено миру, новым творцам не остаётся ничего иного, как вновь и вновь обращаться к всеобщей сокровищнице,

чтобы иссохшими губами, с жадностью, припасть к её спасительной сиське и получить свою каплю славы. В периоды безвременья достигается это с необыкновенной лёгкостью. Именно в такие времена наши милые граждане становятся вдруг удивительно неприятными, наивными, восприимчивыми к самым безыскусным придумкам. А их духовные стволы оголяются, как у деревьев, сбросивших листву.

«Мы теперь ваше всё! – заявляют новые творцы, – Не цепляйтесь за прошлое, оставьте его в покое, позвольте ему спокойно пылиться в тиши забвения».

Лучшего времени для Иосифа Маркина и придумать было нельзя. Вокруг каждый день суетились люди, разворачивали громоздкое железо съёмочные группы. Владельцы ночных клубов, представители тщеславных хозяев губерний выстраивались в очередь, чтобы позвать восходящую звезду выступить на их сценических подмостках.

Неуютно чувствовала себя в новой ситуации только Викуля. С растерянной улыбкой наблюдала она за ускорившимся вокруг неё движением, в хаосе которого она не видела места для себя. Её пугало всё, а главное то, как быстро испаряется влага нежности в глазах любимого, как со стороны Лёшки Грота, совсем ещё недавно претендовавшего на роль брата, вместо слов поддержки всё чаще звучали слова, от которых у порядочных девушек стыдливо загораются щеки.

Оживить увядающие отношения и вернуть Викуле расположение Маркина неожиданно вызвалась Лизонька. По на-

стоянию Варфоломея Плёвого она частенько наведывалась к своим подопечным с проверками и подолгу задерживалась в родных краях. Девушки часами щебетали в кофейнях, судачили в салонах, соляриях, и быстро сошлись, сделавшись неразлучными подругами.

– Деньги портят человека, – делилась жизненными открытиями Викуля. – Как ты думаешь, Лизок, он купит мне квартиру? Обещал же.

– А что, хорошо идут дела? – будто мимоходом, интересовалась Лизонька.

– В том-то и дело! Бабки лопатой с Гротом гребут. Лёшка три импланта себе поставил в клинике «У Никитина». Говорит, что весь рот себе хочет сделать таким же, как у твоего Плёвого. Так, как думаешь, купит? Обещал же.

– Конечно, купит. Только тебе, Викуся, нужно самой тоже как-то бороться за своё счастье. Пойми, мужики – как дети. Любят, когда их окружают вниманием, восхищаются ими. А твой – артист, натура тонкая, ранимая. К нему особый подход нужен. Этим жертв подавай.

– Где же я их найду? – задумчиво произнесла Вика.

– Глупая. Я – о самопожертвовании. Вот скажи, на что бы ты решилась, чтобы стать для него единственной, самой любимой?

Наставница задала вопрос с таким надрывом в голосе, который должен был отозваться с не меньшим драматизмом. Но этого не случилось.

– Да что угодно! Если хочешь знать, – Вика перешла на шепот, – мы с ним однажды почти сутки из кровати не вылазили – трахались. Прикинь!

– Поздравляю, – брезгливо скривила губы Лизонька. – Трахались – это хорошо... Только вот, милая моя, секс – всего лишь частичка жизни, малю-юсенькая. Я совсем о другом говорю. Нам нужно с тобой что-то придумать! Такое, от чего бы он ахнул. Ты как к татухам относишься?

– Нормально. Есть очень клёвые.

– Давай тебе забабахаем! Да такую, чтобы у твоего Маркина крышу снесло. У меня есть потрясающий сюжет. Ты обалдеешь – Гарри Потер отдыхает.

Спустя несколько дней в зоне Викулиного крестца появилась выполненная в готическом стиле надпись: «*Люби меня крепче*», дополненная изображением парящей над горными вершинами орлицы.

Услуги модного тату-салона Лизонька взяла на себя. Вика не знала, как благодарить подругу. Ей так понравилось своё новое украшение, что хотелось, чтобы все люди могли восхититься изящной миниатюрой на одном из самых соблазнительных мест её дивного тела.

– Не торопись. И не вздумай размещать фотки в «Одноклассниках», – предостерегала Лизонька. – А самое главное – никакого секса. Подержи своего Маркина на голодном пайке. Пусть помучается, побесится немножко. Я скажу, когда можно будет.

Команда «Пора!» поступила от Лизоньки в виде короткой эсэмэски: «Встречай едет чмоки чмоки». Случилось это поздней ночью, почти под утро. Викуля тяжело боролась со сном, ожидая возвращения Маркина после очередного корпоратива. Она несколько раз прочитала послание и затем, ни секунды не мешкая, метнулась в душ. Елизаветин план предусматривал также ударный макияж и праздничную атмосферу на всём пространстве скромной квартирки.

Сказочная Марья-искусница и та позавидовала бы сноровке мечущейся по комнатам Викули. Везде, где она пробегала, загорались свечи, аромат от которых распространялся по всему жилищу. На кровати – поверх атласного покрывала – был выставлен поднос. На нём игриво поблескивали бутылка вина и два фужера. Когда Вика осторожно пробовала присесть рядышком, чтобы сообразить – в какой позе предстать перед любимым, стекло отбивало звонкую дробь, оживляло натюрморт, передавая трепетной душе девушки ту же тревожную тональность.

Лязг ключей и шуршание перед входной дверью ни при каких условиях уже не могли застать Викулю врасплох. Музыка в комнате звучала приглушенно и создавала романтический фон. С первым поворотом ключа в замочной скважине лёгкий халатик успел соскользнуть с округлых плеч Вики и упасть на пол. В следующий момент, овладев собой, она замерла по соседству с заранее откупоренной бутылкой «красного полусладкого».

«Зараза рыжая. Завела шарманку», – раздраженно буркнул Иосиф, когда через дверь до него донеслись слова заунывной песенки:

Друг твой не пришел, вечер не сложи-и-и-лся...

Простенькая мелодия включилась в его голове так же быстро, как цепляется к подошве выплюнутая на асфальт жвачка. Маркин открывал дверь уже мурлыча против воли: «Тучи, а таки тучи...».

На пороге он в недоумении застыл – от обувного ящика к полу тянулась дорожка из мерцающих живых огоньков.

– Э-э-э, коза, ты дом спалить собралась?! – крикнул Маркин. Получилось зло.

Викуля вздрогнула. Бокалы за её спиной издали жалобный звук. Она взглянула на них через плечо, перевела взгляд на обнажённое бедро, нацеленное на входившего мужчину.

– Сюрпри-и-и-из, – в тональность звучавшей мелодии промурлыкала Вика и подарила входящему в спальню Иосифу испуганную улыбку.

Маркин обвёл взглядом альков. Он силился понять масштаб произошедших в нём изменений. Кровать была развёрнута по диагонали, в зеркалах трюмо и в оконных стёклах бликовали огни горящих свечей. Всё это делало спальню чужой, мало узнаваемой и больше похожей на склеп или монашескую келью.

Иосиф зажѣг свет. Яркая вспышка заставила Викулю за-
жмуриться и узкой ладонью оградиться от слепящих ламп.

– Какой ты не романтичный. Потуши, иди ко мне, – прошептала Вика и поманила рукой. При этом она почти не шелохнулась; поза её осталась застывшей, как у мраморного изваяния, что выдавало в дурѣхе упрямый характер и непреклонную решимость до конца бороться за ускользающее счастье.

Маркин послушно щѣлкнул выключателем и вплотную подошёл к кровати. Тут-то его взгляд и упал на Викину «та-тушку», которую она дотеле старательно скрывала. Пораженный увиденным, Иосиф выпустил из рук связку ключей. Кандальный звук упавшего на паркет металла привнёс в мизансцену мрачный, тяжелый акцент.

Каких-то пару часов назад точно такую же картинку с похожей буквенной вязью он наблюдал своими глазами на теле случайной знакомой, склонившей его к первородному греху с помощью бесстыжей лести и привлекательных форм.

– Птичка у вас как живая. Не спугнём? – сохраняя ироничный тон, прошептал в затылок податливой фанатке Иосиф, когда та, стряхнув с ноги белый треугольник, спешно повернулась к нему спиной.

На вопрос греховодница не ответила, лишь глухо простонала:

– Ну, же.

Излишняя меркантильность девицы, полное отсутствие у неё чувства самоиронии довели встречу, обещавшую стать романтической, до позорного конфуза. Девушка потребовала от маэстро расплатиться наличными и ни в какую не хотела довольствоваться автографом, который Иосиф предложил оставить на её глянцевої ягодице, заметив, что, когда картина дописана, известный художник должен оставить на ней свою подпись.

– Жлоб! Козёл! Импотент! – злобно шипела незнакомка, обнаружив, что ожидаемого гонорара за ооткровенную благосклонность, ей не видать. В отчаянии она попыталась выцарапывать Маркину глаза, а в самом конце рандеву ударила ногой по колену, явно желая попасть выше.

Продолжать знакомство не имело смысла. Злой, оскорблённый, Иосиф поспешил покинуть чуждую артистической натуре атмосферу подсобного помещения.

«Дрянь неблагодарная, шалава», – повторял всю дорогу к дому Иосиф. Он негодовал. Жгучая досада угнетала его. Болело колено и безумно хотелось вернуть время назад, чтобы примерно наказать «толстозадую корову». Ему представлялось, что в той ситуации правильным было бы не опускаться до грехопадения, а, наоборот, возвыситься над обуревавшей страстью и тем самым унизить меркантильную стерву.

«Коленом бы дать ей под зад, облить водой, – перебирал в уме варианты Маркин. – Забрать шмотки и выбросить. Гадина».

Ругал он за излишнюю доверчивость и себя. Но пережитый позор не давал успокоиться, память возвращала к постыдной сцене, из которой он, при всём своём умении импровизировать, не нашёл способа выйти более достойно. Терзало и то, что шанс для законного отмщения безвозвратно упущен.

Сумерки в собственной спальне неожиданно напомнили Маркину атмосферу злосчастной подсобки. Знакомые готические узоры и хищная орлица, очевидно, высматривающая на земле очередную жертву, напомнили Иосифу о недавнем фиаско.

– Что это? – во весь голос прокричал Маркин, поражённый тем, что жизнь даёт ему шанс реабилитироваться, отомстить за недавнее унижение.

Он смотрел на Викулю в полном безумии. Рука его дрожала, а указательный палец, направленный в сторону Викиного крестца, казалось был так напряжён, что через него вполне мог пройти мощный электрический разряд.

– Шалава подзаборная, дрянь! – заорал, не помня себя, Маркин.

Клокотавшие внутри него демоны разом вырвались наружу и со всей силой обрушились на безответную девушку, продолжавшую тянуть к Иосифу свои тонкие пальцы, подрагивавшие под жалобную дробь бокалов.

– Финита ля комедия, – отчитывался перед Лизонькой Грот. – Нет больше нашей Викторины.

– Типун тебе на язык. Что ты такое говоришь?!

– А то и говорю: выгнал Викулю Маркин. Попёр с хаты, выбросил шмотки. И зачем-то ещё водой облил. В общем, скандалёж устроил ломовой. Теперь сидит дома бухает. С тебя триста баксов.

– С какой такой радости?

– Женька...

– Что Женька?

– Думаешь, легко было уговорить девочку разрисовать телеса? Ну и... любовь, прикинь, в антисанитарных условиях. Лав стоя... сама понимаешь.

– Это что ещё за разговоры? Это чего такого я должна понимать?

– Пардон, конечно, но дурашке нужно компенсировать моральный ущерб. Ёсик ей не заплатил. Я обещал, что домажу.

– Перебьётся, – отрезала Лизонька. – Ей надо было предоплату с Маркина брать, а не в кредит работать. Я потратилась на тату этим двум дурам, так ещё твоим бабам должна оплачивать удовольствия? Хрена, Лёшенька. Тебе за работу заплатили – вот и крутись.

Она внимательно посмотрела на Грота, и с холодным спо-

койствием произнесла:

– Жадный ты, а жадность фраера сгубила. Забыл?

Алексею, как и тогда, в Лондоне, стало не по себе от пристальных кошачьих глаз, внушавших предчувствие гарантированных потерь. Инстинкт самосохранения, помимо воли, заставил пойти на попятную.

– Да нет, я так сказал. Просто хотелось помочь девчонке. Может, когда ещё пригодится. Я в этом смысле...

Парочка сидела в аэропортовском кафе. Елизавета Фёдоровна собиралась улететь в Лондон. Она не ожидала, что так быстро и легко получится отделаться от Викули. Идея с татуировкой пришла к ней случайно и, странным образом, сработала. Путавшаяся под ногами дурёха, мечтавшая пускать заработанную прибыль на собственные глупости, не вызывала у помощницы Варфоломея Плёвого никакой жалости.

– Ладно, – подобрела к концу разговора Лизонька, – держи столы, но учти – это тебе, а не твоей сучке. Ты неплохо поработал, жадина-говядина. Я доложу Варфоломею.

Прибрать Маркина к рукам Лизонька решила задолго до того, как артист громко отличился на лазурном берегу. Удачная премьера подтолкнула к действиям, которые начались при участии словоохотливого и чрезмерно услужливого Грота.

«Он симпатичный... талантливый», – уговаривала себя Лизонька, весь тот памятный вечер, сопровождая Иосифа на яхте. От неё не могло ускользнуть то, как дамы, выдохнув

свое: «Явшоке», начинали с интересом рассматривать дебютанта, как бы примеряя статного артиста на себя. Внимание обладательниц чрезмерных силиконовых прелестей щекотало Лизоньке нервы, заставляло испытать чувство, похожее на ревность. Ей было приятно ощущать себя собакой на сене, хозяйкой положения, зная, что отныне артистическая судьба обидчивого и самолюбивого Писающего мальчика принадлежит ей.

Всё понимающий, всё замечающий вокруг себя Грот не мог не увидеть Лизонькиного интереса к своему другу, не почувствовать выгод, которые сулил перспективный союз. После встречи со Стопудовым и лекции кураторши о пользе нужных знакомств, Лёшка при каждом удобном случае толкал Иосифа локтем в бок, кивал головой в её сторону и тайком поднимал большой палец.

– Нам такая баба нужна, – с жаром убеждал Алексей друга, когда они оставались с Маркиным с глазу на глаз. – По-английски шпрехает, хата в Лондоне и совсем не крокодил. С ней мы, без проблем, и Голливуд на дыбы поставим. Я отвечаю – она на тебя запала. Прикинь, какой ей кайф туда-сюда мотаться? Я бы на твоём месте ей вдул.

Новость, которую принёс Грот, заставила Лизоньку действовать быстро и энергично. Наступил именно тот момент, когда на арену должна была выйти она.

– Всё, никуда не лечу! Едем Ёжика спасать.

«Ёжика», – чуть не упал со стула Алексей. Маркина так

ещё никто не называл. Смешно было слышать ласкательно-нежное прозвище из уст заносчивой бизнес-вумен, привыкшей хранить дистанцию, и в редких случаях позволявшей себе – исключительно из одной только вредности – злить приставленных к ней мужиков.

Грот с простодушным удивлением посмотрел на решительно вставшую из-за столика начальницу и на всякий случай напомнил:

– Так Ёжик-то наш – бухой в дымину. Учти, он не скоро оклемается.

Предупреждение не повлияло на решимость Лизоньки. Она встряхнула головой, чтобы убрать упавшую на глаза прядь, и тихим, но твёрдым голосом приказала:

– Вставай, поехали.

Маркин сидел на кухне в одних трусах и копался в большой суповой миске, успевшей за несколько дней превратиться в пепельницу. Он вылавливал из её глубин остовы сигарет и осторожными движениями распрямлял бумажные гармошки, которые внутри себя ещё могли содержать «заряд» на пару затяжек. Малопочтенным промыслом он занимался увлеченно, с той же упорной сосредоточенностью, с какой профессиональные забулдыги калибруют своими заскоружеными пальцами пригодные экземпляры. Делал это Иосиф, по-видимому, за последний день уже не первый раз. В куче рахитичных чинариков ему то и дело попадались его старые

знакомые. Натыкаясь на них, он сильно раздражался, заговаривал с «калеками» и даже нецензурно обзывал. Исследование содержимого тарелки настолько поглотило Иосифа, что он не заметил момента появления гостей, не узнал Лизоньку, к которой, подчиняясь инстинкту размножения, тут же полез обниматься.

– Обидели нашего мальчика, – нараспев, как сердобольная нянечка из детского сада, заговорила с Маркиным Елизавета и почти не обратила внимания на то, как руки горького пьяницы полезли снимать с неё кофточку. – Ну, всё, всё, всё. Бросаем глупости. Лёсик, налей ему немного коньяку. Может, уснёт. Ему сейчас нужно поспать.

Но и после сна, рваного и тревожного, Иосиф не сразу узнал благодетельницу. Лизонька, решившая привести логово друзей в порядок, нарядилась в хозяйскую одежду. Маркин долгим удивлённым взглядом рассматривал собственную рубашку, которая парила по квартире в чужом теле.

– Пить воды, – простонал он, и театрально, словно былинный герой на поле брани, приподнял руку, чтобы его заметили и отнесли к живому источнику.

– Оклемался маленько, барбос? – дружелюбно произнёс Лёсик, успевший принести в дом продуктов и помыть, по настоянию своей мучительницы, окна.

– Всё хорошо, пей, – поощрительно улыбнулась Лизонька и подала большую кружку, из которой, будучи трезвым, артист любил вечерами пить чай.

Кружка была наполнена чем-то приятно-кисленьким. Маркин пил жадно, большими глотками, вытаращив мутные глаза, в которых поселилась растерянность. Его пугало, что добрая фея исчезнет, а он опять останется наедине со скользящими по стенам тенями, которые, на самом деле, и были теми злобными человечками, таскавшими у него сигареты.

– Какое сегодня число, – облизав потрескавшиеся губы, поинтересовался Иосиф.

Ему казалось, что если он вовлечёт гостей в разговор, то ни Лёсик, ни та, что переодета была в его рубашку, не посмеют исчезнуть. Лизонька уловила в его словах хитрость. Всё с той же заботливой улыбкой она села на край дивана и положила пьяную голову Маркина себе на колени.

– Какая тебе разница – какое сегодня число? Теперь у тебя всё будет по-новому, всё будет совсем по-другому, – монотонно, убаюкивающе шептал добрый женский голос.

– Волос в супе не будет? – доверчиво поинтересовался Иосиф.

– Каких волос?

– Я не люблю, когда в супе волосы.

– Правильно. Никто не любит, – подтвердила Лизонька и вопросительно посмотрела на Грота.

– Это он Викины обеды вспоминает, – тихо пояснил Алексей. – У неё только пирожки с картошкой вкусно получались, да и то их можно было есть пока горячие.

– Не будет волос, дорогой, успокойся, – продолжал убаю-

кивать певучий голос. – Зачем нам в супе всякая гадость? ... И пирожков тоже никаких не будет, – глядя на Грота в упор, с некоторой угрозой добавила Лизонька.

VI

На традиционный конкурс синтетического эстрадного искусства, подаренный народу в разгар гласности и проходивший каждое лето в чудном приморском городке, троица прибывала поездом в обновлённом составе. Неутомимая беготня Грота и близость Лизоньки к оффшорным кушам, несказанно удачно сочетались между собой и неплохо взаимодействовали. Популярность артиста Маркина ширилась.

Иосиф слыл первопроходцем в жанре «гендерной эквилибристики», но зацепился за него не этот почетный титул, а ярлык «членистонога», запущенный недоброжелательным критиком в одной из газетных статей. Именно так и стали его именовать те, кто, либо никак, либо косо смотрел на творческие изыски удачливого артиста. Зоологическое определение показалось обидным основоположнику нового жанра, но Лизонька и Грот быстро объяснили, что всё это не более чем зависть никчемных людишек, не способных даже за год заработать столько, сколько Иосиф умудряется «поднимать» во время одного сольного выступления.

– Пусть эти умники пишут что угодно, – успокаивала Лизонька. – У тебя море поклонников, а это что-то да значит.

Жанр твой признан народом. В гробу мы видели всех этих критиканов.

В шоу-бизнесе, как ни назовись, всё будет к месту. Музыканты присвоят своей группке мудрёное название, типа «Розовощёкая спирохета», – и мотаются с ним по городам и весям. Потешаются, успешно решают финансовые запросы. Другие – те, кто тоже не желает лабать бесплатно, – стараются переплюнуть конкурентов, мастерят название поукастей, да такое, с каким власти не всякого населённого пункта решатся принять гастролёров.

Каждый, кто желает славы, должен калёным железом выжечь на своём боку тавро. Процедура эта болезненна, но, чтобы стать узнаваемым, необходима. Если повезёт, рубец превратится в лейбл, фирменный знак. Только он и даёт гарантию, что в старости продержишься на плаву, не оголодаешь.

«Действительно, какая разница: «королевич Елисей» или «членистоног»? – соглашался с доводами своей дружной команды Иосиф. – При бабках всё, что угодно можно стерпеть. Как говорится, пусть клеветают!»

Обидный ярлык упал на хорошо унавоженную почву. Маркина стали привечать в шоу-бизнесе. Узкий самопровозглашенный круг титулованных академиков от эстрады, после индивидуальных походов к ним Грота и Лизоньки, решил включить Иосифа в состав жюри большого конкурса, где ему, как родоначальнику горячо принятого зрителями

направления, доверялось судить артистическую молодёжь.

С этого времени творческая жизнь артиста вступила в ту приятную полосу, когда уже не нужно клянчить койку в гостинице, выкраивать копейки, добираясь до мест выступления на попутках, и питаться всухомятку. Иосифа теперь встречали как звезду, чтобы потом довести до дверей самых лучших отелей, где знаменитостей круглосуточно караулят толпы поклонников и праздные зеваки.

Официальный представитель дирекции конкурса ждал группу Маркина на перроне железнодорожного вокзала. По счастливому стечению обстоятельств, уполномоченный по встречам значился местным функционером реверсивной партии и ценил любой вид искусства, который признавался в официальных партийных документах полезным для народа.

– Как там наш товарищ Уссацкий? – первое, чем поинтересовался активист у Иосифа, когда троица вышла из вагона. Получив обнадеживающий ответ, он радостно выкрикнул: «Йес!» и подпрыгнул на месте, сжав в прыжке оба кулака. Стоявшие рядом люди вздрогнули и с опаской оглядывались на дёрганого мужчину, носившего на голове кепку в виде смешного разноцветного зонтика.

– Великий человек и толковый организатор наш Гарик Леонтьевич. Да, товарищ Маркин? Дай ему бог здоровья, – закрепил за собой образ верного члена партии абориген и, переведя дух, предложил двигаться:

– Ну, что, едем? Машинку я тут рядом поставил.

Город в беспамятстве бредил предстоящим конкурсом и традиционным гала-концертом. Вдоль дороги, от вокзала и до самой гостиницы, всё свободное пространство было заполнено рекламными щитами, перетяжками, афишами, на которых Иосиф с радостью узнавал себя в образе Писающего мальчика. И выступление то было давним, и лицо исполнителя скрывалось за внушительным надувным «кабачком», но всемогущая реклама превращала именно его, Иосифа Маркина, в главную фигуру наступавшего творческого буйства.

Лишь одно обстоятельство серьёзно подпортило благостную картину. Чья-то паскудная рука успела надругаться над афишами, написав худое слово на самом видном месте.

– Вот, сволочи, – не сдержался член жюри, и в раздражении выпалил тираду, от которой местный активист заёрзал на водительском сиденье и понимающе закивал головой.

Как человек, волею судьбы вовлеченный в политическую борьбу, он лучше других понимал, каково это – открыть подлинное отношение к тебе со стороны сограждан, за чьи интересы ты неустанно борешься. Он мог много рассказать артисту о том, какие слова писали на его предвыборных плакатах, как преображался на территории одномандатного округа его портрет под фломастерами недоброжелателей. Активист разделял чувства Маркина, через много лет вернувшегося на родную землю и не заслужившего от своих земляков неуважения.

– Не жалуют тут нашего брата – творца, – горько посето-

вал Иосиф.

– Виноваты. Не досмотрели малость, Иосиф Богданович. Звиняйте. В моём лице принимающая сторона, как говорится, приносит вам свои глубокие комплименты. А вообще вы не думайте, реально, вы – наш кумир. Это какие-то залётные гаврики постарались. Вы же знаете, мы за нашего земляка глотку любому перегрызём. Гадов этих найдём. Бейцы им, пардон, конечно, мадмуазель, открутим! Не сомневайтесь, товарищ Маркин.

– Да ладно, я всё понимаю, но просто диву даёшься: им тупо культуру несёшь, а они тебя же ещё и хулят. Неблагодарный, нет, неблагодарный у нас народ.

– Я прошлой весной шёл на выборы... – начал реверсист, но Лизонька мигом пресекла рассказ о тонкостях местных политических междоусобиц.

– Что ты, Ёжик! Мало ли какой дурак что напишет, – вмешалась она, – так что: сразу лапки вверх? Не распускай себя. В детстве, знаешь, как я говорила? «Я не буду зареветь». Вот и мы плакать из-за всякой ерунды не будем. Да?

– Точно! Забей, Ёся, – поддержал Грот, – глупости всё это. Помнишь, как мы, пацанами, Пугачихины афиши подписывали? Здесь, небось, тоже детвора руку приложила. Какой с них спрос?

– Дети такие слова не пишут, – с ожесточением возразил Маркин.

– Знаешь, если бы ты сам со своим прибором по сцене не

бегал, то и не писали бы. А так... чего уж... – затянул старую песню Лёсик, но тут же, под уничтожающим взглядом Лизоньки, осёкся.

Она, чтобы покончить со щекотливой темой, увела разговор в сторону, задав водителю вопрос, который волновал её больше, чем несчастные три буквы на афишах:

– Не знаете, спонсоры все заехали? Меня «Трахтенбанк» интересуется.

– Все, все здесь. От банка, что вы говорите, вчера самый главный их прибыл. Так – смех и грех. Всей командой пошли они в бар на пляже и прихватили певца этого – Лапулиса. Так этот чудик, рассказывают, там нажрался, разбил столик, кресло, а пепельницей ещё и голову охраннику. Его сегодня уже увезли в аэропорт, от греха подальше. Шкодный, чертяка, оказался. Часом, не знаете, товарищ Маркин, за какую партию он поёт?

Иосиф промолчал. Его попутчики тоже ничего конкретного не могли сказать и лишь в сомнении пожали плечами.

– Наверное, за власть, – предположил сплетник. – Они себя вообще нагло ведут. То ли дело мы, стойкие реверсисты. А, товарищ Маркин? – ища поддержки, обернулся и подмигнул Иосифу активист.

– Смотрите на дорогу, – строго посоветовала ему Лизонька, когда верный сторонник Уссацкого за разговором проскочил перекрёсток на красный свет и получил в ответ шквал гудков от слаонервных автомобилистов. – Не хвата-

ло, чтобы вы нас тут всех угробили.

– Звиняйте, мадмуазель. Всё под контролем.

– Какой-то дурачок нам попался, – шепнула Лизонька Гроту. – Смотри, чтобы он нас куда-нибудь не завёз.

– Не завезёт, Лизок. Ты лучше глянь – красота какая. Сейчас проедем по нашим с Ёсиком местам.

Машина резко свернула на узкий серпантин. Лизонька вскрикнула и вцепилась Алексею в руку.

– Что ж вы, бабы, такие пугливые. А я тут раньше, прикинь, с закрытыми глазами летал. Были времена...

За годы, что Маркин и Грот промышляли на чужой стороне, их родной город ещё глубже погрузился в буйную приморскую фауну. Только ободранные фасады новостроек и старых многоэтажных домов бестолково выглядывали из вечной зелени, выставляли себя напоказ, как не ведающие стыда блудницы.

Дамы с собачками уступили место братве с ротвейлерами, и эта неравноценная замена заставила трудовую аристократию искать места для заслуженного отдыха у других берегов. Иосиф знал о переменах и боялся, что встреча с любимым городом не будет для него приятной. Он сидел, упершись лбом в стекло, и с удивлением всматривался в родные, легко узнаваемые уголки.

Привычка разглядывать городские особняки, строившиеся когда-то для всеобщей радости, с годами не пропала в нём. Только теперь Маркин знал с чем сравнить знакомых

каменных красавцев. На лазурном берегу он вдоль и поперёк рассмотрел умопомрачительный особняк Варфоломея Плёвого и был настолько подавлен его роскошью, что заболел и несколько дней не мог проронить ни слова. В тех же благодатных краях он подсмотрел скрытую от глаз однопартийцев трёхэтажную красавицу Гарика Леонтьевича Уссацкого. И уж точно у него не повернулся бы язык сказать гадость о недвижимости, принадлежавшей авторитетному Серёже Сококу.

Маркину было с чем сопоставить и, к своему огорчению, он вынужден был признать, что архитектурный антиквариат лучше сохранился в чужих южных широтах.

Родные, давно знакомые ему особняки, как и прежде, тарасились большими окнами, но кое-где их обновлённые глазницы взирали на мир с несвойственным им равнодушием. Казалось, они перестали замечать проезжавших и шедших мимо людей. Что-то настоящее и единственно правильное навсегда исчезло из их знакомого облика. Что именно – до конца понять было трудно. Да и тяжело это становилось сделать: выросшие рядом хвойные исполины своей пышной кроной затмевали чистые линии серых фасадов.

Ничего не случилось лишь с незатейливыми городскими заборами. Казалось только, что их стало ещё больше. В одних местах они были обязаны своим существованием остовам отслуживших железных кроватей: спинкам и сеткам, в других – ошмёткам старых металлических и черепичных крыш,

а то и простой колючей проволоки, натянутой на частокол из кем-то выброшенных при ремонте половых досок. Наперекор времени, безыскусная ограда продолжала оберегать уютные дворики, не боясь за своё будущее. Для Иосифа награждение давно отслуживших предметов не казалось чем-то ужасным. Ведь не кажутся убогими птичьи гнезда, слепленные из веток, палочек и еще неизвестно чего?

VIII

На следующий день после приезда, у гостиничной стойки Иосиф заприметил своего давнего знакомца и соперника, киноактёра Виталика Серова, неизвестно какими путями тоже оказавшегося в жюри конкурса. У красавчика была пауза после моментально ставшего культовым телесериала, где он удачно сыграл роль маньяка-миллионера.

Успех окрыляет и способен с любым человеком сыграть злую шутку, делая его немного сумасшедшим. Актёр с удовольствием ловил на себе восхищённые взгляды и появлялся на людях всегда во всём черном, тем самым давая понять, что демонический образ не отпускает его, просится наружу.

Маркина подмывало окликнуть разлучника и, по-родственному, пригласить на рюмку коньяка, чтобы попытаться о совместной жизни со Снежанкой. Казалось забавным, спустя годы, высказать Витальке благодарность за оказанную услугу и, если возникнет повод, выразить сочувствие.

Однако Иосиф не стал торопиться. Он решил подождать молочного брата, который, по слухам, любил заложить за воротник, а сейчас под табличкой «Reception» живо размахивал руками и что-то с жаром втолковывал гостиничному персоналу. Подойдя поближе, чтобы было сподручней перехватить «маньяка-миллионера», Маркин услышал, как актёр узнаваемым баритоном требовал от службы портье оградить его от назойливого внимания поклонниц.

– Как они могли узнать мой номер телефона? Кроме ваших работников это сделать было некому, – видимо, не первый раз делился своими подозрениями артист, и объяснял, почему именно ему необходим был исключительный покой:

– Милые девушки, поймите: у меня были очень тяжелые съёмки. Я только-только начал отходить от них. Бесконечные перелёты совершенно выбили из колеи. А в вашей гостинице я опять, как на бочке с порохом. Кто, вообще, мог дать мой телефон? Как это возможно?

Голос его становился выше и постепенно уходил в теноровую зону.

– Убедительно вас всех прошу никому, никому не раскрывать моего местонахождения и никому не давать номер телефона, если конечно, речь не идёт об администрации президента. Я бы хотел сохранить максимальную приватность. Надеюсь, вы меня понимаете... Я имею такое право.

– Назовитесь, пожалуйста, – с обворожительной улыбкой спросила ближе других стоявшая к знаменитости портье, –

и, не задерживая внимания на просителе, приветливо помахала рукой кому-то из проходивших мимо постояльцев. Её улыбка сделалась ещё более очаровательной, когда она, глядя растерянному Виталику в глаза, вновь попросила его называть своё имя.

Иосиф был почти уверен, что гостиничная служащая лукавила. Она прекрасно понимала, с кем имеет дело, и из какого номера клиент. Но интересно было другое: дежурный вопрос, на который любой другой постоялец гостиницы отреагировал бы незамедлительным ответом, заставил кинозвезду растерянно замереть. Абсурдность происходящего была для звезды очевидна. Даже дети при появлении артиста столбенели, показывали на него пальцем и восторженно кричали родителям: «Смотрите, смотрите, Серов!», или называли именем запомнившего киногероя.

Здесь же, в гостиничном холле, при скоплении народа произошло нечто совершенно обратное, обидное и даже оскорбительное для знаменитости. Актёра с изощрённой вежливостью ударили по носу, вернув во времена, когда ни одной собаке не было до Витальки Серова ровным счётом никакого дела. Лицо звёздного постояльца вытянулось и приобрело восковую бледность. Он отошёл от стойки, забыв даже удостовериться: будет выполнена его просьба или нет.

Пройдя в задумчивости совсем немного, актёр повернулся к симпатичной обидчице. Из-за стойки на него смотрели ироничные глаза сразу нескольких гостиничных стерв.

– Черт-те что творится. Когда мы, наконец, научимся уважать художника? – ища участия, посетовал киногерой двум, проходившим мимо, аккуратным старушкам.

Случайными собеседницами оказались финские туристки. Они не видели фильмов с участием симпатичного русского, и не поняли ни единого слова, из того, что им было сказано. Бабушки вопросительно переглянулись, качнулись на бледных чухонских ножках и залились, как молодухи, нетрезвым смехом, чем, невольно, усугубили душевную боль артиста.

«Пойду-ка я, пожалуй, повторю подвиг Лапулиса», – решил актёр, получив от жизни подряд сразу несколько оплеух.

Маркин появился у стойки сразу же, как только спина Серова исчезла на лестнице, которая как раз и вела в средоточие гостиничных баров.

– Девушка, вы, серьёзно, не знаете, кто к вам сейчас подходил?

– Чего ж не знаю? Все его знают. Достал он уже своей приватностью. То ему баб в номер подавай, то он прячется от всех – целку из себя, извините, корчит. Два дня живет, а от него уже все смены воют.

– Круто вы со знаменитостью. Но вообще-то, парень он неплохой, – почему-то вдруг захотелось оправдать Иосифу звезду экрана.

– Неплохой. Только сытсы и глухой, – грубо влез в разговор, стоявший у стойки, потенциальный претендент на го-

стиничную койку, который из-за претензий Серова всё никак не мог обратить внимание портье на себя.

Девушка взяла у него формуляр, документы и внимательно, как будто что-то вспоминая, посмотрела на Маркина.

– Слушайте, а я вас вроде бы как знаю. Вы что-то хотели? – по-свойски спросила она, и глаза её, смотревшие со всем ещё недавно насмешливо и иронично, подобрели.

– Я вообще-то местный. Правда, давно уже не живу здесь. Могли раньше в городе встречаться. Вот... за последние пятнадцать лет первый раз приехал. Заседаю в жюри конкурса.

– Так это, может, вы и есть Ёсик... Иосиф Маркин?

Иосиф скромно потупил голову.

– Вот оно что! Слыхали-слыхали. Мне муж рассказал, что вы здесь. Вы с ним в одном классе учились. Жора Махмурян. Помните такого? Я, между прочим, тоже вашу школу заканчивала, но немножко позже.

– Жорик ваш муж? – чтобы хоть что-то сказать, спросил Иосиф. – Мир тесен.

Вовлечься в бесплодный разговор о бесштанном детстве не хотелось. Маркин посмотрел на часы и нахмурился:

– Жаль, но пора убегать. Мастер-класс сегодня провожу, нужно немного подготовиться. Жорику привет передавайте. Кстати, он не вспоминал, как после выпускного вечера, у меня дома унитаз разбил? Забыл, наверно, уже. Ладно, приходите с ним на гала-концерт. Приглашаю.

«Зачем я ей про унитаз ляпнул? – удивлялся Иосиф по

пути в свой номер. – Подумает ещё, что я жлоб какой. Глупо получилось. Надо сказать Лёшке, чтобы купил девчонкам пару бутылок шампанского. А засранца этого она смешно отшила. Молодец. Классная у тебя баба, Махмуряшка».

Настроение у Маркина сделалось игривым. Иосиф не ожидал, что сущая безделица зарядит бодростью и здоровьем не хуже самого навороченного тренажера.

«Вот уж Лёсик повеселится», – злорадствовал член жюри.

У Грота к Серову были свои счеты. Роль маньяка в сериале должен был получить Маркин. Друг Антон, пристроивший его однажды к печально известному сэру Го, вновь сделал доброе дело: посоветовал знакомому режиссёру взять в новый фильм институтского товарища. Сразу после кинопроб Иосифу пришлось отправиться в поездку – Варфоломей Плёвый собирал гостей. Лизонька сопровождала гастролёра; Грот оставался отслеживать ситуацию с предстоящими съёмками.

Тогда же на горизонте и появился Виталий Серов. Он закончил работать в телесериале «про серийного убийцу», и мечтал сменить амплуа. Роль маньяка-миллионера, как ему показалось, была написана специально для него.

Лёшка несколько раз видел актёра в компании продюсера, через знакомых пытался выяснить подноготную их интереса друг к другу, но полученная информация не давала серьёзных поводов для волнения. Бдительный Грот понял, что его обвили вокруг пальца, в то самое время, когда про-

дюсер фильма перестал отвечать на его звонки, а режиссёр при встрече кисло улыбался, хотя и продолжал по старинке расхваливать кинопробы.

О начале работы над сериалом Лёшка узнал от посторонних людей. Тогда же вскрылось, что обещанную Маркину роль получил Серов, второй раз, после случая со Снежанкой, перебежавший Иосифу дорогу.

Алексей не стал тянуть с вендеттой. Он отправился на съёмочную площадку с намерением устроить дебош, но охранники отвели расхрабrivшегося Грота в сторонку, повредили ему руку и посоветовали больше не мешать творческому процессу.

– Знаешь, кого я сейчас видел в холле? – спросил Иосиф, заглянув в номер к Лёсику. – Серова! Но это только так – начало истории. Девки из ресепшена...

И Иосиф в мелочах рассказал другу обо всём, что несколько минут назад сильно приподняло ему настроение.

– Вот такой ситиуасьён, Лёсик. Вроде бы, мелочь, а приятно. Приватность хотел соблюсти, инкогнито... «К нам едет ревизор!». Ты купи, пожалуйста, девчонкам шампаневича, шоколадки... коробку конфет каких-нибудь дорогих. Кстати, прикинь, там работает жена нашего Махмурашки.

– Знаю. Я ходил с ней кофе пить. Классная тёлка. Когда мы школу заканчивали, она в восьмой класс перешла. Я тогда глаз на неё налил. Если бы не нужно было из города лить, сейчас, может, я был бы на месте Жорика.

– Так это ты, злодей, настропалил её против Серова?

– Если бы... Мне говорили, что он здесь, но я ему мечь ещё не придумал.

– Забудь, Лёсик. Какая там мечь? Ему одной Снежанки за глаза хватит.

– Нет, этих гадов нужно учить. Я ему свою руку никогда не прощу. Посмотри, до конца ещё не разгибается, – и Лёсик, уже в который раз, продемонстрировал увечье, полученное за друга.

– Я тебя умоляю, – отмахнулся Иосиф. – Раны потом покажешь. Беги за шампанским. Добрые дела откладывать нельзя, а я пойду, подумаю, что молодёжи буду втирать. Слушай, если бы мне два года назад сказали, что начну делиться опытом, не поверил бы. Господи, твоя воля...

Мастер-класс Иосиф проводил в конференц-зале гостиницы, куда, чтобы посмотреть на эпатажного артиста, набилось множество любопытных. Заоблачные гонорары Маркина продолжали делать ему рекламу и будоражить воображение всех, кто искал на сцене свой короткий путь к известности, славе и деньгам. Тут же расположились работающие на конкурсе журналисты. Маркин кивнул своему старому знакомому Самсону Носику; проходя мимо фотокорреспондентов, ткнул в бок стоявшую в задумчивости блондинку. Девушка испуганно взвизгнула и выронила из рук огромный, похожий на ручную пушку, фотоаппарат. Аудитория оживи-

лась в предвкушении дальнейших неожиданностей.

– Это хорошо, что у нас складывается такая доверительная атмосфера, которая, я уверен, поможет провести нашу встречу в конструктивной, деловой атмосфере, – голосом незабвенного Михаила Горбачева начал Иосиф, чем вызвал в зале очередную волну оживления.

Маркин расположился за столом в специально подготовленном для него кожаном кресле, которое выделялось чрезмерно высокой спинкой и мощными подлокотниками. Тонкое чутьё артиста подсказало, что в непомерных объёмах подготовленного для него трона он может потеряться, оказаться вторичным. Выправлять положение можно было только искромётностью предстоящего действия, где будет царить он – остроумный, лёгкий, артистичный, всеми любимый. Ему страстно хотелось, чтобы собравшийся для встречи с ним народ запомнил главные его достоинства – доступность, открытость, щедрый талант.

Доставшийся в наследство от сэра Го багаж в виде глубокомысленных цитат, остроумных замечаний, шуток, анекдотов, был для такого случая, как нельзя, кстати. Иосиф чувствовал себя готовым к доверительному разговору, полностью экипированным, точно самолёт МЧС, вылетающий для выполнения важной задачи. Предвкушая приятность от встречи, он озорно оглядел аудиторию, подмигнул вышедшей из конфуза фотожурналистке и, продолжая заимствовать голос бывшего президента всего СССР, произнёс:

– Сколько волка ни корми, а у ишака всё равно – больше.

Иосиф сразу понял свою ошибку, пожалел, что раньше времени расслабился и ляпнул глупость. Ему хотелось начать общение совсем с другого, с чего-то более возвышенного, глубокомысленного, но проклятый язык подвёл.

Между тем, все, кто в этот момент внимательно смотрел на него, серьёзно закивали головами, а кое-кто даже поспешил слово в слово записать произнесённую фразу. Подобие ухмылки – снисходительной и брезгливой – Маркин заметил только у одного, совсем молодого артиста, запомнившегося ему по первому конкурсному дню. Выступление мальчишки не было похоже ни на какое другое. Представленный им мини-спектакль не вписывался даже в почти размытые рамки развлекательного жанра. Сложная композиция говорила о незаурядных способностях молодого артиста, требовала от него зрелого мастерства и личной отваги. Номер был неожиданно свеж, увлекал зрителя в такие дали, за которые не каждый мог заглянуть.

Иосиф с ностальгией вспомнил, что в юные годы тоже искал смыслы, экспериментировал, пытался вырваться за пределы запретов и стереотипов. Но на этом пути встречал только непонимание, равнодушие и насмешки.

Маркин нет-нет да посматривал на одарённого конкурсанта. Он видел, он почувствовал, что юноша пришёл на мастер-класс не за секретами от признанного артиста. Очевидно, он преследовал какую-то иную цель. Ироничная ухмыл-

ка, нашептывание своей соседке чего-то, что заставляло её без конца улыбаться, а иной раз и смеяться почти в голос, раздражали маэстро. Иосифу захотелось наказать болтливую пару, размазать по стенам аудитории, чтобы и другим unavoidно было ставить под сомнение его авторитет. Стараясь выглядеть предельно спокойным, Маркин остановил беседу, привлёк внимание аудитории к парочке и, сделав вид, что запомнил имя паренька, спросил:

– Вас как звать, коллега?

– Я – Коля, циркач.

– Вас, Коля-циркач, что-то не устраивает в моём рассказе?

– Меня всё не устраивает. Прежде всего, я думаю, артист не должен идти на компромиссы с низменными инстинктами и глумиться над человеческими слабостями. Другой провалился бы на месте от стыда, а вы кичитесь своей халтурой и даже не представляете, насколько пошло выглядит со стороны то, что вы делаете. Из-за таких, как вы, у молодых артистов, не способных критически оценивать действительность, возникает иллюзия, что на сцену можно тащить всё, что угодно. Вы даёте им такую уверенность, такие, как вы. Удобные себе теории разводите, обставляетесь пошленькими прибаутками: «Сколько волка ни корми...». Только когда у таких, как вы, доходит до дела, то выясняется, что, кроме глупостей и словесного поноса, вам предъявить нечего. Мастерства-то никакого нет. Есть наглость и болезненные амбиции. Вы любите только себя и никого другого рядом с со-

бой видеть не хотите.

– А ты, значит, один всё видишь и всё замечаешь. Видимо, на этом основании и решил, что можешь всех осуждать?

– Я никого не осуждаю. Вы спросили, я ответил.

Коля-циркач улыбнулся своей соседке, а затем невозмутимо посмотрел на Маркина.

«Гадёныш. Такие вот и мутят воду. Вычеркнуть, подлеца, из списков к чертовой матери, чтоб ни на одном конкурсе эту тварь больше не видели», – мысленно уничтожил возмутителя спокойствия Иосиф.

Руки его обхватили податливую кожу подлокотников и, если бы под ними в эту минуту оказалась шея наглого циркача, наставник с удовольствием сомкнул бы на ней пальцы. Вместо этого, он, стараясь казаться спокойным, медленно процедил:

– Нам очень интересно было выслушать ваше мнение. Что могу на это сказать? Как, помнится, говаривал товарищ Бендер: «Узнаю, узнаю брата Колю». Максималист, значит. Я сам таким был в молодости.

Лицо Маркина нахмурилось. Казалось, оно вобрало всю скорбь застойных времён, в которых лично для Иосифа самым противным из воспоминаний был вкус вина «Солнцедар» за рубль с небольшим. Но он заговорил о другом: о тяжелой жизни в условиях «совка», о тайных концертах, грозящих арестами и застенками КГБ, о комсомольцах, проводивших рейды в студенческом общежитии, где он мечтал о

свободе и где тайком слушал запрещённые западные радиостанции и рок-группы.

– Наше поколение готовило почву, на которой сегодня такие, как Коля-циркач, могли бы жить свободно, без страха воплощать свои самые смелые идеи, дерзкие задумки. А если говорить конкретно о моём критически настроенном молодом коллеге, то не могу не заметить, что его конкурсный номер ещё весьма сырой, над ним нужно ещё очень и очень много работать. Задумка хороша, ничего не скажу, но воплощение пока хромает на обе ноги. Вот, что мы имеем, как говорится, в сухом остатке.

Аудитория – кто с жалостью, кто с укоризной – смотрела в сторону Коли. Всё это время циркач сохранял на лице снисходительную ухмылку.

«Получи, фашист, гранату, – злорадствовал Иосиф, – нащёл с кем тягаться, молокосос».

– Bravo, маэстро! – крикнула Лизонька пронзительным голосом и, вскочив со своего места, захлопала в ладоши.

Следом за ней стали подниматься со стульев и остальные. Наконец, все, кто попал на эту, полную сумбура, творческую встречу, имевшую неплохой шанс завершиться мордобоем, принялись настойчиво отбивать ладонями ритм, словно требуя от главных действующих лиц вернуться к разговору и довести его до первой крови.

Маркин неумело и очень трогательно пытался обуздать аудиторию. Он искренне верил, что люди, устроившие ова-

цию, выражают поддержку именно ему и что в сложившейся ситуации правильной всего будет проявить заметную долю великодушия.

– Спасибо, друзья, благодарю вас, – повторял он, держа левую руку у сердца, а правой, вытянув её вперёд, прощальным жестом призывал слушателей успокоиться и сесть.

Весьма полезное изобретение – аплодисменты. При большом скоплении людей, когда нет возможности одновременно всем словами выразить отношение к происходящему, выручают натруженные ладони. Порой с их помощью можно сказать больше, чем самыми изысканными речами.

Овации на съездах и политических мероприятиях – не в счет. Они пусты и бессмысленны. Потребность в них испытывают лишь те, кто на бурном и продолжительном единодушии решил построить удачную карьеру. Правда, единодушные рукоплескания слышны и в филармониях, но эти децибелы – духовны, в них почти не уловить фальши. Другого рода – театральные аплодисменты. В них, как ни горько это признавать, присутствует элемент поспешности, которую приносят люди, оказавшиеся в зрительном зале не по доброй воле, а по необходимости: в результате семейного компромисса, под давлением обстоятельств или по иной okazji. Таких в партере и на балконах наберётся не более трети, но именно они инициируют массовый исход в гардероб, когда истинная театральная душа ещё могла бы рукоплескать, продлевая себе удовольствие видеть на сцене любимых действу-

ющих лиц и исполнителей.

На сборных концертах зрители тоже хлопают, но делают это исходя из личных предпочтений. В этом они более похожи на футбольных болельщиков, с восторгом воспринимающих лишь своих кумиров. Концертная публика пестра. Одни радуются танцору, другие с умилением наблюдают за мордашкой, под музыку открывающую рот. Он смотрит на сцену и мечтает об орешках и пиве; она – скучает при отсутствии комиков.

В день закрытия конкурса, который по традиции завершился большим гала-концертом, Иосиф Маркин выходил на сцену во втором отделении. Талантливый возмутитель спокойствия, Коля-циркач, тоже был заявлен в заключительной части программы. Как только об этом стало известно, Лизонька поспешила в дирекцию.

– Либо вы убираете этого шакалёнка в первое отделение, либо мы вообще снимаем выступление Маркина, – громко и четко доносила она до дирекции конкурса каждое слово.

Поставленное ребром условие можно было расценить только как ультиматум. Глядя организаторам в их растерянные лица, Лизонька сумела привести доводы, которые, если и не до конца объясняли причины столь жесткого выпада, то делали понятными его мотивы.

– Они не могут одновременно находиться за кулисами, это исключено. Поганца вашего вообще нужно лишить права выступать где бы то ни было, пусть он хоть трижды лау-

реат. Только из уважения к спонсору, мы не ставим вопрос более принципиально.

– Да-а. Та ещё штучка, – неопределённо высказался в адрес Елизаветы Фёдоровны директор-распорядитель, после того, как она, смерив его непреклонным взглядом, удалилась из помещения дирекции.

– Сволочная баба, – подтвердил местный реверсист, тоже решивший вовлечься в разговор. – Я её вёз с вокзала. Что характерно: сам-то Маркин почти всю дорогу молчал, а эта фифочка всё чего-то фыркала – недовольство выказывала.

Инцидент, возникший во время проведения мастер-класса, успел обрасти множеством недостоверных подробностей и слухов. Большинство из дирекции было на стороне члена жюри, но нашлись и те, кто проявлял сочувствие циркачу Коле. Сердобольное меньшинство, анализируя ситуацию, приходило к выводу, что молодой и талантливый артист безвинно пострадал от несправедливой критики высокомерной и заносчивой столичной известности.

«Зажрался Маркин, перестал отделять мух от котлет», «Если за ним Плёвый стоит со своими деньжищами, то что – он может теперь душить молодые ростки?» – говорили сторонники юного дарования.

«У Иосифа была тяжелая жизнь. К тому же он – наш земляк. А этого выскочку, Колю, мы, может, никогда больше и не увидим. Причем здесь мухи и котлеты?» – отстаивало своё мнение большинство.

Лизонькина угроза сработала. Споры в дирекции были недолгими, да и отказаться от выступления Маркина, чей экзотический образ на афишах все дни конкурса привлекал внимание публики, было немислимо. Колю-циркача – от греха подальше – решили переставить в первое отделение.

Вскоре стало ясно – кто стоял за распространением недостоверных и грязных слухов об уважаемом артисте. Грот докладывал Лизоньке, что накалял ситуацию вокруг Иосифа представитель «Трахтенбанка».

В гримёрной, перед началом гала-концерта, Лизонька была спокойна и уже ничему не возмущалась. Она щадила самолюбие Иосифа, берегла его душевное равновесие перед выходом на сцену. Чтобы легче справиться с пережитым стрессом, она откупорила стоявшую на гримёрном столике бутылку коньяка, которую Маркин приготовил для встречи с Виталькой Серовым. Прибежал и Лёшка Грот.

– Народищу перед театром – уйма. Там и наших полно. Видел в зале Жорика Махмурына, мент мой, поганый, при-тащился с молодой женой. Подонок! При такой жаре он в черном костюме, сволочь. Но ему теперь меня не достать. Ха-ха-ха. Слушай, Ёся, всё так и получилось, как ты хотел. Помнишь: грудь в крестах или голова в кустах? Синтетическое эстрадное искусство рулит, братишка! – и он, по примеру Лизоньки, опрокинул в себя рюмку коньяка.

Первый помидор упал на сцену совсем рядом с Иосифом,

но второй угодил в плечо, оставив мокрые подтёки на концертном костюме. Почти сразу в зале раздались неразборчивые выкрики. Несколько бузотёров на последних рядах развернули транспарант, уточнявший текст звучавших речёвок: «Членистонога – в зоопарк».

На помощь охранникам из-за кулис выбежала Лизонька. Она не кричала, как накануне в дирекции, а молча набросилась на пикетчиков, желая вырвать из их рук широкую бумажную ленту с обидными для Ёжика словами.

Когда порядок восстановился и праздник искусства опять пошёл по предначертанному пути, она вновь появилась за кулисами. Необходимо было проверить состояние Иосифа, успокоить его и начать разбираться со всеми, кто допустил провокаторов в зал.

Лизонька нашла Маркина стоящим в дальнем углу кулис. Как только она приблизилась, он улыбнулся, но улыбка эта была усталой, вымученной.

– Всё пучком, Лизок. Помидоры оказались свежими.

– Тебе хоть ссы в глаза – всё божья роса. Нельзя, нельзя, Иосиф, позволять так с собой обращаться. Эти мерзавцы должны ответить за случившееся. Я знаю, откуда ноги растут. С «Трахтенбанком» будем потом разбираться, через Лондон. Пошли в дирекцию. Я от их поганой канторы, от охраны их долбаной камня на камне не оставлю. Сволочи лопухие. Через них овощебазу в театр можно пронести.

– Займись сама, лапушка. Я что-то устал.

Оставив Иосифа, она метнулась искать человека, отвечавшего за безопасность. Поиски вывели её к двери с табличкой «Тарас Бульба».

«Что-то знакомое, – подумала Лизонька. – Ничего! Тем хуже для него», – и решительно распахнула дверь.

Глава пятая

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЕ

I

«Врача! Врача! Убили!» – пронеслось над площадью.

За мгновение до катастрофы Брунет видел, как тело Маркина странно изогнулось и рухнуло на подмости. Он слышал, как следом над площадью пронёсся глухой тревожный возглас: «у-ух!», заставивший людей в оцепенении замереть.

Всеобщее замешательство не захватило лишь законных обладателей спецсредств. Экипированное воинство дружно выдохнуло и вклинилось в протестный монолит. Сделано это было разом, так быстро, что тревожное «у-ух!» не успело до конца прокатиться от одного края площади до другого. Медперсонал, до начала тревожных событий беспечно дремавший в машинах скорой помощи, тоже засуетился, хотя ещё толком не понимал – готовить носилки или шприцы для срочных инъекций.

И вот зашевелилось, задвигалось на площади всё, что могло считаться живым. Мистическим образом возбудилась и сама природа. Усилился ветер и закрутил дорожную пыль, поднял её дыбом. В черное перекрасились серые облака. Их свинцовая тяжесть нагоняла на людей жуть и заставляла в спешке покидать гиблое место.

Те, кто всё же решил стоять за правое дело до конца, озирались вокруг себя, искали поддержки извне и не находили её. По выражению лиц читалось, что сути происходящего, первопричины начавшегося движения большинство участников митинга не понимает.

«Что? Что это было?», – передавался от одной группы людей к другой один и тот же вопрос.

И если бы в толпе нашёлся человек, который – с целью восстановить цепь событий – взялся за то, чтобы суммировать все прозвучавшие ответы, он, наверняка, утонул бы в массе взаимоисключающих, не имевших ничего общего с действительностью свидетельств.

Уссацкий хоть и находился на сцене, но следить за передвижениями Маркина не имел возможности. Гарик Леонтьевич постоянно чем-то занимался: шептался с модной писательницей и телеведущей Грушей Прутецки, отправлял с мобильного телефона краткие распоряжения, а в те минуты, когда назревало непоправимое, отвечал на вопросы агентства Рейтер и к месту происшествия стоял спиной. В подробностях он запомнил лишь момент погрузки тела артиста на

носилки и то, как машина скорой помощи под звуки сирены увозила несостоявшееся лицо партии в неизвестность. Партайгеноссе отчетливо видел, как бригада скорой помощи грузила Маркина в машину ногами вперед. Попытки получить достоверную информацию о состоянии пострадавшего ни к чему не привели. Ни по-русски, ни по-английски медики не понимали.

«Промедление – смерти подобно», – всплыла в голове Уссацкого историческая фраза.

«Да, да, да. Смерти подобно. Смерти... Мы потеряли Иосифа Богдановича. Потеряли нашего товарища», – как мантру повторял про себя Гарик Леонтьевич и постепенно до него доходило, что для оппозиционной партии это была большая удача.

За недолгую историю политической борьбы, реверсисты не несли потерь в живой силе. Лидер партии почувствовал, что ни его ближайшие соратники, ни, тем более, потомки не простят ему, Гарику Леонтьевичу Уссацкому, того, что в разгар революционной ситуации он смалодушничал и не подхватил флаг борьбы, который его боевой товарищ выронил, получив смертельный удар.

За последующие действия Уссацкий уже не мог себя корить. Как только карета скорой помощи покинула пределы митинга, главный реверсист сорвал с головы бейсболку, зажал её в руке и поспешил на сцену – к микрофону.

– Братья! Сестрички дорогие! Только что мы потеряли на-

шего товарища, страстного борца за свободу Иосифа Маркина. Его подвиг станет для всех нас примером беззаветного служения народу. В этот скорбный час мы, представители оппозиционных движений, должны забыть разногласия и тесней сплотить наши ряды. Трепещите, гонители свободы. Мы идём! Вы ответите за смерть невинных жертв, заплатите за свои подлые дела. Мы полны решимости и, если надо, умрём за наши идеалы! – чеканил каждое слово политик, словно выливал их в граните.

Вопрос «О самопожертвовании» никогда не стоял в повестке дня рабочих заседаний реверсивной партии. Жизнь сама в полный рост поставила его перед Уссацким и теми, кто хмурым днём пришёл на городскую площадь.

Бессменному лидеру реверсистов страстно, до ломоты в костях хотелось услышать громогласное «Да!» на брошенный в многотысячную толпу клич. Он с восторгом, с дрожью в теле предвосхищал момент, когда оставшийся на площади народ в ревушем экстазе откликнется на призыв, принесёт ему одному самую страшную клятву – идти за ним до конца. И партайгеноссе, разрывая голосовые связки, прокричал:

– Мы умрём за наши идеалы?! Не слышу! Мы умрём?!

Таким неистовым, горячим сподвижники ещё не видели Уссацкого. Он был прекрасен. Единственное, что могло бы в тот момент испортить картину происходящего, поколебать боевитость лидера, так это, наверное, сообщение, что Иосиф Маркин – жив. В сложившихся условиях подобную новость

Гарик Леонтьевич воспринял бы как святотатство. На сцене он уже пообещал себе, что в ближайшей статье предельно точно сформулирует цели, за которые реверсисты идут на смерть. Стоя перед микрофоном, политик всем сердцем желал, чтобы в случае с любимым им артистом медицина оказалась бессильной.

Когда почти опустошенный лидер сошёл с подиума, первой к нему подбежала и бросилась на шею секретарша Оксана.

– Как же так, Гарик Леонтьевич?

– Вот так.

Голос Уссацкого, совсем недавно звучавший мощно, сделался тихим и слабым, как у испуганного ребёнка. Эту резкую перемену девушка почувствовала моментально и зарыдала ещё безутешней.

– Га-а-рик Лео-о-нтич, ро-одненький, – всхлипывала она, – кто ж нам теперь «Бо-олт» покажет и «Пи-исающего ма-альчика»?

– Ничего, дружок, ничего. Воспитаем в своих рядах новые таланты, – заверил Уссацкий. Он потихоньку начинал приходить в себя.

Одной рукой трибун приглаживал любимице партии её растрёпанные на ветру волосы, а другой – жестами просил хоть кого-нибудь запечатлеть этот одновременно трогательный и драматичный эпизод. Однако никого подходящего рядом не нашлось. Корреспонденты с фотоаппаратами и ви-

деокамерами, окружавшие главного оппозиционера с самого утра, ловившие каждый его взгляд, каждое слово, побежали снимать сюжеты, где полиция уже грузила самых буйных митингующих в автозаки. Гарик Леонтьевич беспомощно озирался и всё никак не мог поверить, что предан свободной прессой, что простой человеческий порыв в переломный момент истории останется незамеченным. В отчаянье партигеноссе вознёс взор к небу и увидел высоко над головой юркий, небольшой, похожий на детскую игрушку аппарат. Механическая штукавина стрекотала лопастями, кружилась волчком, а иногда, на какую-то долю мгновения, зависала в воздухе.

«Квадрокоптер. Шпионят, сволочи. Фиксируют», – догадался Уссацкий. Это был шанс! Мысль вождя вновь переключилась на позитив: «Хороший ракурс, черт возьми. Оригинальный снимок может получиться. Жаль, далековато он, гад».

На всякий случай, политик крепче обнял Оксану и решительно вскинул к небу подбородок. В полиции у Гарика Леонтьевича имелись люди, которые могли помочь организовать распечатку с камер наблюдения.

II

У следователя Сергея Сергеевича Белякова за годы службы в органах скопилась большая стопка грамот и других

почетных наград. Всё это богатство жена его, Муся, лелеяла в нижнем ящике комода, занимавшего угол их небольшой спальни. Там же, в коробке из-под югославских зимних сапог, были сложены фотографии, многие из которых уже успели скрючиться и пожелтеть.

Муся иногда перебирала снимки, с умилением всматривалась в лица запечатлённых на них людей и всё больше и больше удивлялась тому, какими молодыми они были с мужем не так уж и давно.

Фотоархив тяжелел и, наконец, потребовал большего простора в те годы, когда райотделом милиции руководил подполковник Матросов. Его Беляков знал ещё капитаном, бегавшим вместе с другими «ментами» на и задержания, и в магазин за водкой. Правильный был мужик, только из жизни ушёл рановато, да к тому же ещё и при невыясненных обстоятельствах.

Тело Матросова нашли ранним утром на его загородной даче. В официальных бумагах всё списывалось на несчастный случай, но те, кто знал подполковника лично, были уверены, что не наградной «макаров» был виной. Верный служака предпочел дырку в голове, а не для третьей звёздочки на погонах, которую он должен был получить по итогам реформ, придуманных кем-то для внутренних органов.

После печального инцидента с Матросовым, следом за всё более пугающими слухами о масштабах грядущих перемен, в небольшой квартирке милиционера зазвучали мудрёные

слова: «контент», «реструктуризация», «оргштатные мероприятия» и что-то ещё. Смысла их Муся даже не пыталась понять, но была в курсе, что на работе у Серёженьки начальники менялись с той регулярностью, с какой это больше свойственно для времён года. Никого из них женщина в глаза не видала. К слову, и сам Беляков мог назвать полковников Кузовкова, Любоимцева, Висяка и Затрамову только по фамилиям, но, в отличие от жены, в том хронологическом порядке, в каком они занимали большой кабинет на втором этаже райотдела, а в последствии – околотка.

Первые двое оставили сослуживцам ворохи невыполнимых должностных инструкций, разбросанных по кабинетам; ну а после Висяка все удивились обилию слонявшихся по коридорам милovidных сотрудниц, которые, при последующем общении, оказывались не такими уж и стервами, а вполне нормальными бабами, только по-своему несчастными.

С повышением в должности из околотка ушла только Затрамова. При ней завершилось переименование райотдела, а ещё – кому-то в центральном аппарате понравилась её идея с полосатыми, черно-белыми, караульными будками для заступающих на дежурство в людных местах околоточных.

Пришедший всем им на смену новый начальник, полковник Георгий Георгиевич Ереснев, сразу решил подкупить коллектив тем, что поклялся мамой докопаться до истины в деле Матросова. Всю остальную вступительную речь новичка Беляков слушал в состоянии растерянности и тоски. За

три минуты Ересънев ухитрился использовать весь словарь реформатора, а ещё добавил, что каждый из сидящих в зале «должен начать изменения с себя». Касалось это требование, естественно и Сергея Сергеевича.

– Те, кто не понимает важности стоящих задач, может уже прямо сейчас подавать рапорт об увольнении, играть-кололотить, – расставил точки над «Ё» полковник, – Я подпишу.

«Попрут со службы, – горестно подытожил Беляков. – Как пить дать, попрут».

Уверенности в этом старому следователю придавали многочисленные слухи, что кадровики уже приступили к оформлению на работу трёх весьма юных особ. Поэтому, когда, спустя несколько недель, Сергея Сергеевича вызвали в главную приёмную, он почти не сомневался, что его опять хотят перевести на низшую должность. Ознакомительные беседы с прежним начальством заканчивались именно так. Но на этот раз он не угадал.

– Так ты и есть, что ли, наш лучший следак? – с недоверием спросил Ересънев.

Беляков не успел ответить: «Никак нет!», а начальник уже засыпал его другими вопросами:

– Слыхал, что вчера на митинге произошло?.. Нет? Пинкертоны хреновы, играть-кололотить. Хоть у кого-то здесь можно что-то спросить, чтобы получить утвердительный ответ? ...Ты думаешь, я за вас тут буду голову свою подставлять, рисковать задницей?.. А? Не слышу!

Сергей Сергеевич знал об инциденте, но раньше времени вникать в громкое дело не собирался. В новостях о судьбе пострадавшего бунтаря сообщалось туманно: «предположительно», «по всей видимости», «не исключено».

– Слушай внимательно, Беляков. Убийство артиста Маркина на митинге оппозиции требуется расследовать в максимально сжатый срок.

– А уже известно, что артиста именно грохнули?

– Ты, умник, слушай сюда. Раз тебе говорят – убийство, значит – убийство. Его и нужно расследовать. Это понятно?

Когда следователь направился из кабинета к выходу, Ересьнев закатил глаза, досадливо покачал головой, якобы сожалея, что важное дело приходится поручать кому попало.

«Играть-колотить!», – произнёс громко полковник, когда дверь за спиной подчинённого, не вызвавшего его доверия, захлопнулась.

III

Об артисте по фамилии Маркин Сергей Сергеевич никогда ничего не слышал.

– Не артист он. Срамник, – дала свою оценку Муся, когда Беляков ближе к ночи появился дома и об интересующем его персонаже решил узнать ещё и у домочадцев.

– Это которого вчера на митинге завалили? – подхватила разговор дочь Наташка. – Прикольный чувак! На его кон-

целты вообще не пробиться. Чесал только по заграницам и в клубах. За городом дворец себе отгрохал. У него самый улётный номер – «Писающий мальчик». Только по телику это не показывали.

– Откуда ты всё это знаешь?

В ответ дочка всплеснула руками и с радостным волнением задала свой вопрос:

– А что, па, ты этим делом занимаешься?

– Да вот приходится.

– Клёво!

«Клёвого» как раз в этом деле для Белякова ничего и не было. Из разговора с начальником Сергей Сергеевич понял, что, в случае задержки сроков расследования, или, того хуже, – неудачи, всю вину спихнут на него.

На следующий день в офисе реверсивной партии появился седовласый, статный мужчина с аккуратно подстриженными усиками. Он сунул под нос секретарше удостоверение, на котором ей удалось разглядеть три буквы: «М», «В», «Д» и фамилию предьявителя – Беляков.

– Начальство на месте? – вкрадчивым голосом спросил мужчина и кивнул в сторону кабинета Уссацкого.

– Гарика Леонтьевича не будет. Он улетел на однодневную стажировку в... как он там называется, господи, прости меня, – в Бундесрат, а заместитель, Митрофан Дадашевич, покинул наши ряды.

– Что так? Не выдержал накала политической борьбы? –

поинтересовался гость.

– Ренегатом оказался, перебежчиком. К Погорельцу подался. Вот какие люди, вообще, бывают. Я валяюсь...

И секретарша Оксана рассказала седовласому мужчине и про митинг, и про забытые списки выступающих, и про то, как она боялась Брунета, когда тот начинал сердиться на неё за ошибки в еженедельных отчетах.

– Он всегда был невоздержанным, – ясными глазами глядя на следователя, добавила девушка.

– Вы хотите сказать, что этот ваш Брунет может быть причастным к тому, что произошло на митинге? – ровным, и как будто бы даже безразличным тоном спросил гость.

Любимица партии задумалась, личико её скривилось и по щекам секретарши потекли обильные слёзы. Всклипывая, она несколько раз повторила одну и ту же фразу:

– Иосиф Богданович был очень весёлый и добрый. Всегда шутил.

За время, проведённое у реверсистов, Сергей Сергеевич смог выделить для следствия единственную, но вполне перспективную версию. Связана она была с бывшим идеологом партии Митрофаном Дадашевичем Брунетом.

По словам Оксаны, за несколько дней до трагедии он вёл себя чрезвычайно нервозно: возбуждался по пустякам, кричал и даже позволял себе материться в помещении.

– Носитель передовых идей не имеет права себя так вести. Ведь правда, товарищ полицейский? Например, Иосиф Бог-

данович никогда так не поступал. Он был весёлый.

«Так-так-так. Интересный получается у нас бульон», – наматывал информацию на ус Беляков. Лицо его сделалось совсем серьёзным, когда Оксана начала раскрывать внутрипартийные тайны:

– Брунет не хотел видеть Маркина лицом реверсистов.

– Что так? – как можно равнодушной, спросил следователь.

– Как вы не понимаете? – воскликнула секретарша. – На носу свободные выборы, а это... это – самое основное... Ну, главное достижение демократии.

– Да. Я уже успел прочитать, – кивнул Сергей Сергеевич в сторону плаката, висевшего у Оксаны за спиной. На нём под словами «Свободное волеизъявление народа – главное достижение демократии» красовался Уссацкий в бейсболке с эмблемой партии.

– Так вот я и говорю: бюджет предвыборной кампании всегда находился у товарища Брунета. На лицо Маркина деньги хотели взять оттуда. Теперь понятно? Да что я объясняю?! Я вела протокол того заседания, где стоял этот вопрос. Хотите почитать?

Протокол Оксане пришлось извлекать из огромного скоросшивателя. Сам же документ оказался смехотворно тонким, но в нём скрывалась тайная драматургия острого внутрипартийного конфликта, до предела накалившего атмосферу современного синклита.

Как следовало из документа, вопрос «О лице партии» Брунет внес в повестку дня отдельным пунктом.

«Человек, торгующий своей плотью, пусть даже и на сцене, как бы в завуалированной форме, не может являться лицом всей партии. Нас неправильно поймёт избиратель», – читал Беляков выступление Митрофана.

«Да, но это ты назвал его отечественным Энди Уорхолом, – возражали ему партийцы. – Ты уверял нас в революционной основе его творчества. Ты всё это время сознательно дурачил нас?»

На этом месте Беляков отвлёкся. Ему захотелось ещё раз взглянуть на список членов бюро высшего политсовета, присутствовавших на заседании. Фамилию Маркина он не нашёл.

– Маркин не входил в состав политсовета партии, – объяснила Оксана, – и на закрытом заседании присутствовать лично не мог. Бедный, если бы он всё это слышал, это убило бы его раньше. Я вам говорю – Брунет страшный человек.

С подобной характеристикой готов был согласиться и Сергей Сергеевич, когда в разделе «Прения» наткнулся на слово «кричит», заключенное в протоколе в скобки.

«Вы слепцы! – обличал соратников Митрофан. – Уорхол уже в могиле. Пройдет время, там же окажется и ваш Маркин. Он устарел! Нам надо искать новые образы, новые лица, а не тащить за собой старый хлам».

Беляков вспомнил про «старый хлам», когда увидел ре-

зультаты открытого голосования по вопросу «О лице». Из тринадцати членов политсовета лишь двое, включая самого идеолога, подняли руку «за». Мелькнула догадка, которую следователь захотел сразу же проверить:

– А что, народ в этом вашем совете – всё молодой?

– Да что вы! Больше половины – пенсионеры да отставники, – первый раз за время разговора улыбнулась Оксана.

– Я так и думал.

Сергей Сергеевич смекнул, что последняя фраза Брунета сыграла с ним злую шутку. Возрастные члены политсовета отомстили идеологу за обидные речи. Они не стали голосовать за внесённый им вопрос, хотя, судя по обсуждению, не разделяли восторгов Уссацкого от творческого почерка артиста.

Беляков дочитал протокол от первой буквы до последней точки, для верности пробежался глазами ещё раз, и попросил Оксану сделать копию той его части, где Митрофан заявлял, что Маркину не долго оставалось радовать зрителя на этом свете.

Первоначальная версия получала документальное подтверждение. Следователя смущало лишь её очевидность и чрезвычайная прямолинейность.

С этими мыслями Беляков и появился в околотке, где у дверей кабинета его ожидал сюрприз.

– Это вы ведёте дело Маркина?

Вопрос задавала высокая полная женщина. Получив

утвердительный кивок, она последовала за Беляковым.

– Я вам с утра названиваю, а вы где-то ходите. У меня есть важные сведения о Маркине и членах его банды.

Следователь внимательно посмотрел на даму. Он пытался определить – сумасшедшая она или, действительно, имеет что-то сообщить.

– Вы кто?

– Я – Женька, извините, Евгения Труфанова. Меня в районе каждая собака знает.

– Не имел чести.

– Вы только не подумайте, гражданин начальник. Мне все эти его миллионы – до лампочки, – сразу оградила себя от оскорбительных подозрений женщина, едва заняв указанное Беляковым напротив него место. – Я хочу, я требую, чтобы была восстановлена справедливость.

– Вы о чьих миллионах говорите?

– Грота, конечно!

– Пардон, мадам, а кто такой этот Грот?

– Как кто? Он же продюсер Маркина, а на самом деле – сутенёр и большая сволочь.

Следователь почувствовал, что в посетительнице говорила застарелая обида. В своей практике он с подобным сталкивался. А ещё он знал, что люди имеют обыкновение судить о себе подобных, исходя из собственных представлений о добре и зле.

Тяжелый свой груз гражданка торопилась скинуть на сле-

дователя одним махом. Говорила она сбивчиво, путано, но тема «миллионов» ненавистного ей Грота в том или ином виде всплывала в её рассказе постоянно.

– Конечно, дура я, что согласилась нарисовать птицу. Вон там, – доводила до сведения следователя факты дама и слегка привстала, чтобы рукой указать на место ниже спины, где под одеждами скрывалось тату. – Но что я тогда могла понимать? Глупой девчонкой была. А он мне сказал, что Маркин заплатит сто долларов. Кто бы отказался? Вы бы отказались? Это же какие деньжищи в те времена... Поди, сами они со своими миллионами не обеднели бы...

Беляков в какой-то момент перестал слушать и кивать головой. Карандаш в его руке завис над листом бумаги, на котором написаны были только два слова «Грот – прадюсор». Любые попытки прояснить цель визита свидетельницы тонули в обилии малозначащих деталей и нескончаемых проклятых в адрес одного и того же персонажа – Грота.

– В то время я копила деньги на Турцию, но Грот меня обманул. У этого Маркина, он сам говорил, не было денег. На птицу деньги он, сволочь, нашёл. Но я, по-моему, уже об этом... На птицу деньги нашлись, а я осталась с хреном. Грота надо немедленно, срочно арестовать, товарищ полицейский.

– Мы объявим его в международный розыск, – пообещал Беляков, – О результатах дадим вам знать.

– У меня сохранился эскиз татуировки. Вам это может

пригодиться? – перед уходом, стоя в дверях, вспомнила свидетельница.

– Пока в этом нет надобности, – успокоил её следователь, а сам подумал, что эта сумасшедшая баба, конечно же, не последняя, кто вот так, неожиданно, возникнет на пути начавшегося следствия, чтобы либо увести его в сторону и запутать, либо дать ключ для быстрой разгадки.

«Грот=сутенёр», прибавилась на листе ещё одна короткая строка.

А между тем, визит неожиданной свидетельницы вносил в дело криминальный подтекст. При определённом раскладе он мог перевесить даже политическую версию, отягощенную «золотым запасом» реверсивной партии. Смущал следователя и тот факт, что грань, о которую творческим началом тёрся Маркин, была настолько экстравагантной, что, наверняка, подразумевала некую скрытность и самой жертвы, и почитателей избранного им амплуа.

«Вопросы, вопросы», – вздыхал и в задумчивости стучал по столу карандашом утомлённый разговором старый следователь.

IV

Ежедневные убийства, взрывы, самоповешения казались следователю Белякову куда более естественными проявлениями жизни, чем выкрутасы, о которых с упоением рассказы-

вали люди, знакомые с творчеством Иосифа Маркина.

Сергей Сергеевич испытал неприятное чувство, когда узнал, что и его женщины – жена и дочь – хоть и с разной степенью восторга, но всё же отмечали в артисте талант. Когда любимая Муся и Наташка впервые поведали ему о персонажах, придуманных и сыгранных Маркиным на сцене, глава семейства решил, что его жестоко разыгрывают. Разум отказывался принимать на веру услышанное.

– Чушь, такого не может быть! – отмахивался от неправдоподобной истории следователь.

– Да я тебе журналы принесу, раз ты нам с мамой не веришь, – повышала голос на отца Наташка и в один из дней притащила в дом несколько номеров красочного издания. Это был журнал «Розовый эппл».

Покрутив глянец в руках, пролистав несколько страниц, Сергей Сергеевич, словно испугавшись, что может подцепить заразу, швырнул журнал на пол. Одного абзаца из статьи некоего Самсона Носика ему хватило, чтобы понять насколько приятней иметь дело с трупами.

Очень скоро он осознал, что полученная в семье прививка помогла при дальнейшем расследовании необычного дела. Однако было и то, чего он, как мужчина, не понимал, а спросить у дочери не позволяли приличия, – кто дал Маркину разрешение так корыстно, бессовестно поступать с мужским достоинством?

Помочь разобраться могла только Муся.

– Погоди, – пытался мыслить логически Беляков, когда перед сном снова завёл с женой разговор об артисте, – выходит, и я мог бы закосить под «Писающего мальчика» или прикинуться «Болтом», а?

– А кто ж тебе мешает? – хохотнула Муся и рука её потянулась под одеялом к мужу.

– Подожди. Я не об этом.

– А я об этом.

– Отстань, нашла время, – потушил шалый блеск Мусиных глаз супруг, и, наперекор её романтическим ожиданиям, устался в потолок. Себе он был вынужден признаться, что по трезвой ни за что бы не смог повторить художеств Маркина, что, возможно, даже и после пол-литры не рискнул.

Засыпая, следователь решил, что с утра начнёт отрабатывать версию, подсказанную неожиданным визитом обманутой гражданки Труфановой. То, что творчество Маркина подпитывалось за счет вполне конкретного причиндала, делало женский след более чем объяснимым.

«Где есть хоть один мужчина, – по старинке рассуждал Беляков, – нужно искать женщину: шерше ля фам⁶, где черт с копытом – там и свинья с чем-то там».⁷

В «Артистическом агентстве Маркина» следователя встретили вежливо и настороженно. Продюсер, как только увидел незнакомца, определил, что это именно тот человек,

---

⁶ От французского *Cherchez la femme* – Ищите женщину.

⁷ Искаженное от «Куда черт (конь) с копытом, туда и рак с клешней».

который просил его утром о встрече. Отношение к представителям карающих органов у Грота навсегда сложилось в период общения с капитаном милиции Петровым, усталое лицо которого нет-нет да всплывало в тревожных снах бывшего коммерсанта. Алексей первым протянул руку гостю и назвал себя.

– Вот видите, как приходится вас встречать, – чтобы придать разговору определённую тональность начал он. – Поверьте, нам всем сейчас очень и очень тяжело.

Сергей Сергеевич не почувствовал фальши в словах Грота. В агентстве всё безмолвно кричало о неожиданной и безвозвратной утрате. Вселенская тоска начиналась уже со входа, где посетителей встречал траурный портрет жизнерадостного Иосифа Маркина, и заканчивалась согбенными фигурами клерков, как тени проплывавших по офису. Рабочие столы были завалены свежими цветами; даже на полу не хватало свободного места для венков от организаций и частных лиц. Беляков лишний раз вынужден был убедиться, что имя Маркина – не пустой звук.

– Я всё понимаю, – кивнул следователь. – Мои соболезнования, как говорится, родным и близким. Вы были с Маркиным друзьями?

– Да, со школы.

– О-о! Похвально. Редко, когда школьные товарищи надолго уживаются в совместном бизнесе. Помню, у меня дело было одно. Там три институтских друга... Мы могли бы

с вами где-то поговорить?

Грот повёл следователя в бывший кабинет Маркина, который по убранству больше походил на большую сувенирную, или даже антикварную, лавку с афишами и фотографиями на стенах. Пока гость с нескрываемым уважением рассматривал симпатичные безделушки, Алексей достал из шкафчика бутылку виски.

– Давайте, инспектор, для начала помянем нашего Ёсика.

– Что ж, дело святое. Только почему инспектор? Я – не из отдела кадров и не из Скотленд Ярда.

– Извините, черт дёрнул за язык. А как правильно?

– Сам пока не знаю. У нас реформа. Называйте по имени-отчеству. Так всегда надёжней.

Выпив по первой за помин души Маркина, Алексей спросил:

– Так что там с этими тремя институтскими друзьями, вы говорили?

– Да-да, говорил. Ничего особенного: вначале забрали бизнес у четвёртого, а потом самый шустрый из них заказал двух остальных. Таких историй про старых друзей у меня много.

– Мы с Ёсиком, вообще-то, были, как братья.

– Понимаю... За друга – и в огонь, и в воду. Как говорят, вместе прошли и Крым, и Рим? По девчонкам, небось, тоже вместе хаживали. Ну, так, между нами, – ударяли, а?

Грот не без смущения улыбнулся и даже слегка покраснел

– то ли от начавшего действовать алкоголя, то ли от давних воспоминаний.

– Бывало, конечно. Как без этого?

– Ну, вот и я говорю: «Как без этого?» Кстати, не знакома вам некая Евгения Луиновна Труфанова?

– Нет, не припомню. Разве ж их всех этих женечек упомнишь, Сергей Сергеевич?

– Да так оно, конечно. Только эта персонально на вас обиду держит, обвиняет, между прочим, в сутенёрстве. Про птицу какую-то мне вчера толковала. Вообще, решительно настроена дамочка. Даже не знаю, что делать. Двести сорок первой статьёй попахивает, – как бы рассуждая с самим с собой, заговорил следователь и нахмурил брови, усугубив своим видом сложность ситуации.

– Сумасшедших баб много, а уж когда начнут говорить, то хоть святых выноси.

– Ну, может, оно и так. Отставим пока это.

– Вот и славно. Так, чем я могу быть вам полезен? Извините, у меня мало времени.

«Не хочет, змей, говорить, – заметил Беляков. – Есть, есть грешки за ним».

Алексей по новой наполнил стаканы и приготовился оказывать следствию посильную помощь.

– Это правда, что у Маркина были общие дела с криминальным авторитетом Серёжей Соскоком? – резче, чем сам того хотел, спросил Беляков.

– Откуда? – совершенно искренне удивился вопросу Грот, – Иосиф, как огня, боялся всяких бандитов. Особенно после истории с этим англичанином, сэром Го...

– Вы про Тофика Дундуридзе, которого в машине взорвали на Пасху? Да, было такое дело. К этому случаю мы, возможно, тоже вернёмся. Но я вас прошу не спешить с ответом и хорошо подумать. Следствию известно, что Соскок и Маркин неоднократно встречались на яхте Варфоломея Плёво-го, артист бывал у него на вилле.

– Сергей Викторович приглашался на все премьеры Иосифа. Естественно, они пересекались, в том числе и на яхте. Между прочим, Прачкин очень милый человек, хорошо играет на гитаре, с прекрасным, хотя и своеобразным, чувством юмора. Среди гостей были и другие интересные персонажи. Почему вы не спрашиваете про депутата Троелобова, прокурора, о других уважаемых людях? Известный народ, между прочим. Только вот никакой госпожи Труфановой, или как там её, – ехидно заметил Алексей, – там точно не было.

– Да бог с ней: несчастная и глупая женщина. А вы, Алексей Андреевич, не обижайтесь. Я обязан отрабатывать все версии. В том числе, уж извините, и связь с криминалом. У меня, вообще, много вопросов, которые хотелось бы вам задать. Например, сами-то вы, вроде бы, – в печали, а музыка-то у вас, – Беляков сделал ударение на «Ы», – играет весёлая. Странно как-то.

Беляков обратил внимание на то, что за всё время разговора Грот не попытался выключить или хотя бы пригасить звук, исходящий из невидимых динамиков, и вносящий диссонанс в строгую атмосферу траура.

– Вы правы, Сергей Сергеевич. Но всё дело в том, что среди этих звуков Иосиф жил. Они сопровождали его. Пока душа Ёсика остаётся с нами, пусть порадуется.

– Красиво сказали, – отметил Беляков. – Мне просто показалось, что такая музыка не к месту, что ли.

– А у Иосифа всё было не к месту. В этом и заключался глубинный смысл его творчества. Оно многих шокировало. Если хотите, – колело глаза. Всё – вопреки, всё – наперекор правилам и канонам. А жизнь, сама по себе, разве всегда понятна, разве не такова, какова... – Алексей на минуту потерял ход мысли, и Беляков по-своему завершил её.

– Да-да. Я знаю: жизнь такова, какова она есть и больше – ни какова.

– А я говорю о том, что в ней полно несоответствий. Но разве мы её за это меньше любим, разве не цепляемся за неё ежеминутно?

Грот, успевший за разговором опустошить свой стакан, был настроен меланхолично. Его потянуло на философию. Голос продюсера стал звучать тихо и чуть глуше, а в речи появилась та особая, плавная, задушевность, когда русский человек, перед тем как пуститься в разнос, готов вывернуть себя наизнанку и, не преследуя для себя никакой корысти,

наврать случайному собутыльнику с три короба.

Сергей Сергеевич подумал, что, возможно, именно Гроту он сейчас и должен задать вопрос, на который вот уже какой день самостоятельно не мог найти ответа.

– Вы меня, Алексей Андреевич, извините, не для протокола, как говорится, а для моего собственного понимания. Скажите, ваш друг Маркин, действительно, считал себя артистом, верил в то, что делает? Простите меня, ради бога, но то, чем он занимался, лично я искусством, при всём моём желании и уважении к его памяти, назвать не могу. Он ничем таким, – Беляков сделал неопределённый жест рукой – не страдал? Каким, вообще, человеком он был?

Вместо ответа продюсер встал с кресла и вернулся с двумя увесистыми папками в руках.

– Здесь ответы на многие вопросы, – важно сообщил Грот. – В прошлом году к нам приезжали немецкие кинематографисты – заинтересовались Иосифом. Снимали для одного частного телеканала. Фильм, как оказалось, был обычной немецкой порнухой. Им вставки нужны были из выступлений Маркина. Но! Факт остаётся фактом: запад клюнул на Ёсика. Почитайте вот это, если интересуетесь, – и продюсер протянул гостю два бумажных кирпича, на которых фломастером было написано «Маркин: наследие».

– А нельзя ещё и своими словами, коротенько? В чем его феномен? —попросил следователь и положил папки рядом с собой.

– Кратко? Вы правильно сказали – феномен. Современное воплощение рафаэлевского Давида. Таких называют пионерами, первопроходцами, основоположниками. Вы знаете, что Маркина сравнивали с Энди Уорхолом? Но Иосиф, поверьте мне, был глубже в своём безыскусном примитивизме, выпуклей. Как-то так, если коротко.

По дороге в околоток Беляков ругал себя, что дал слабину и взял папки. Наследие оказалось тяжелым и неудобным в носке. Да и надобность в психологическом портрете артиста отпала. Необходимое представление о нём у следователя уже более-менее сложилось, а последние слова Грота о мировой славе, ожидавшей его школьного товарища, доказывали, что и окружение Маркина было не в себе.

«Да и я, идиот старый. Зачем мне эта макулатура? – ворчал Сергей Сергеевич. – Мало мне своих бумаг?».

Успокаивал он себя тем, что из полученного мусора, возможно, удастся выловить что-то важное, а, может быть, и ключевое.

V

Молодой сотрудник из оперативной группы Белякова, занятый поиском неизвестно куда подевавшегося тела Маркина, безрезультатно бился над поставленной задачей уже больше трёх суток. Всякий раз, когда наступало время сообщать об итогах поиска, он лишь недоумённо пожимал плеча-

ми и обещал результат на следующий день. Возвратившись из агентства, Сергей Сергеевич заглянул к нему в кабинет и по наглым глазам подчинённого понял, что на этот раз у него хорошие новости.

– Труп Маркина найден, – радостно отрапортовал помощник.

– Вижу, вижу, что добил ты это дело. Молодец. Докладывай.

– Я уже думал – что за черт, может, его инопланетяне с собой уволокли? Честное слово! – бойко начал младший чин, и рассказал всё, с чем ему пришлось столкнуться при выяснении мистического исчезновения тела Иосифа Маркина.

Беляков слушал подчинённого без особого интереса, но длилось это ровно до тех пор, пока в докладе не прозвучала фамилия бывшего идеолога реверсивной партии.

– Ага! Вот и опять всплыл наш Митрофанушка, – воскликнул он, будто давно ждал этого сообщения.

У Сергея Сергеевича вызревала параллельная версия – политические амбиции оппозиционного артиста. На этом скользком направлении ключевой фигурой он считал бывшего идеолога реверсивной партии Митрофана Брунета.

– Пора с этим деятелем познакомиться поближе. Как считаешь? – с возбуждением, будто в нём разом проснулись все инстинкты ищeyки, воскликнул следователь. – Пригласи-ка ты мне этого субчика в околоток. Здесь с ним потолкуем.

Новоявленный державник-почвенник из клана Геннадия

Погорельца явился на допрос в точно назначенное время. Внешних признаков волнения или беспокойства свидетель не проявлял.

«Неплохо держится, шельмец, – отметил про себя Беляков. – Ни по одному политику не определишь, когда он врёт. Вот ведь сучье племя! Ладно, мы тебя, дружок, всё равно найдём как прищучить. Повертишься ты у меня. Как уж на сковородке повертишься.»

И следовательно, с уверенностью человека уже знающего правду, но желающего, чтобы её озвучил сам подозреваемый, задал Брунету первый вопрос:

– С какой целью вы пытались скрыть труп Маркина?

– Извините, – улыбнулся Митрофан, – что я пытался сделать с трупом?

– Следствию известно, что это вы договаривались с медициной о дежурстве во время митинга, а, значит, могли быть заинтересованы в том, чтобы тело Маркина не сразу могли найти, – принялся плести сети Беляков. – Как вы объясните, Митрофан Дадашевич, что бригада оказалась полностью состоящей из незаконных мигрантов, да ещё и не владевших русским языком? Можете сказать?

– Откуда вы всё это взяли? Чушь какая-то, дикий поклёп.

– У нас есть документальные свидетельства. Кроме того, вы давали устные поручения секретарю Уссацкого Оксане. Так, почему же гастарбайтеры, господин Брунет? Так легче концы спрятать?

– Какие концы? Причем здесь концы? Всем известно, что россияне не хотят работать на скорой помощи. В этом главная проблема.

– Россияне, насколько известно, не хотят работать дворниками, но, чтобы они отказывались ещё и лечить себя, – я пока этого не слышал, —попытался поймать политика на лжи Беляков.

– Правильно, отказы начались с дворников, а теперь, по последним опросам, перечень непрестижных профессий значительно пополнился. В него уже вошли: гардеробщицы, официанты, повара, преподаватели русского языка, истории, – Брунет сделал паузу и добавил: – Ну и врачи скорой помощи, конечно. Лентяи наши соотечественники, любезный Сергей Сергеевич, поверьте мне. Скоро и на выборы вместо них придётся специальных людей нанимать. Дожили, уже и волеизъявляться не хотят. Это я вам, как политик с большим опытом, говорю.

– Но вы хоть знаете, что эти гаврики завезли тело Маркина на свой сабантуй? Если бы не система ГЛОНАСС, то машину скорой помощи, может быть, искали до японской пасхи. Но время-то потеряно. Не проведена своевременно судебно-медицинская экспертиза. До сих пор нет результатов вскрытия. Нонсенс, но мы пользуемся сведениями, которые сообщаются в СМИ. Такого ещё никогда не было. Это – бред!

– Вы хотите сказать, что я организовал этот бред, а заодно оплатил упомянутый вами сабантуй? У вас есть доказатель-

ства?

– Судя по протоколу последнего заседания политсовета реверсивной партии, – продолжил Беляков, пропустив мимо ушей язвительные слова Брунета, – вы не были заинтересованы в том, чтобы Маркин представлял лицо партии. А самый надёжный способ решить проблему с человеком – убрать его физически.

Чтобы припереть политика к стенке ещё крепче, следователь зачитал фрагмент из протокола, где Брунет предрекал артисту недолгий век:

– «Уорхол уже в могиле. Пройдет время, там же окажется и ваш Маркин». Это же ваши слова, Митрофан Дадашевич?

– Гражданин начальник, вам каждый скажет, что к моменту трагедии меня не было у сцены, и повлиять на действия медиков я, при всём своём желании, не мог. Как, вообще, можно было предвидеть то, что произошло с несчастным Иосифом? Я чист перед ним и перед законом. Кроме того, я никогда, ни за кого не плачу. Это мой жизненный принцип. С какой стати мне оплачивать чужие удовольствия? Мои бывшие товарищи направили вас по ложному следу. «Я тебя породил, я тебя и убью» – это не про меня.

И Брунет поведал историю своего знакомства с Маркиным, начиная с того самого дня, когда он впервые увидел молодого артиста на даче своего лечащего врача Кирилла Даниловича Стопудова и его замечательной супруги, по тем временам называвшей себя Таисией фон Лемпке.

– Я всегда морально поддерживал Иосифа, а он, соответственно, иногда финансово поддерживал нашу партию.

– Вы хотите сказать – вас лично, – сурово перебил Митрофана Беляков. – Следствие располагает сведениями, что часть денег за свои выступления он отдавал вам.

– Я никогда не отделял себя от партии. Все эти ваши намёки для меня оскорбительны. Могу только ещё раз повторить: вы идёте по ложному следу. Запомните: на всё – воля божья. Это я теперь знаю, как «Отче наш».

Глаза Брунета всё так же были честны, но это не могло ввести в заблуждение опытного служаку. За годы своей работы Беляков сотни раз видел застенчивых очкариков, на деле оказывавшихся семейными тиранами и насильниками, солидных начальников, пускавших по миру родные предприятия, храбрых генералов, продающих за медный грош и своих подчинённых, военные тайны и амуницию. Сергей Сергеевич знал жизнь во всех её проявлениях, и в ней не оставалось уже ничего такого, чего старый следователь не мог бы допустить. Случай с Маркиным слегка выбивался из общего ряда дел, да и то только лишь за счет божественного статуса жертвы.

За то непродолжительное время, что Беляков беседовал с ренегатом-перебежчиком, в кабинет несколько раз заглядывал заместитель Ересьнева, подполковник Токарев. Провывая голову в дверь, он громко предупреждал о необходимости срочно прибыть в приёмную начальника околотка

и ознакомиться с приказом.

– Каждый день новый приказ. Напасть какая-то. Как мы раньше работали без них? – недовольно пробубнил Беляков, исподлобья посмотрел на Брунета и понял, что сболтнул лишнее.

– Ладно, Митрофан Дадашевич, свободны. Думаю, что у нас с вами это не последняя встреча, – подписывая Брунету пропуск на выход, завершил разговор Беляков.

Собственные промашки старый служака чувствовал моментально, так же, как редкие осечки своего табельного «макарова». В этот раз он понял, что впервые за годы службы искал сочувствия не на груди у жены, а у совсем постороннего человека, который к тому был, без пяти минут, подозреваемым. Белякову стало стыдно и гадко за своё малодушие. Чтобы скорей избавиться от угрызений совести, Сергей Сергеевич резко встал из-за стола и быстрым шагом направился в приёмную начальника.

В спешке, Беляков чуть было не проскочил мимо доски объявлений, которая ежедневно помогала сотрудникам находиться в курсе повседневных дел и забот околотка. Бокковое зрение заставило вернуться, чтобы внимательно ознакомиться с содержанием рекламного листка, пристроенного чуть ниже вечного, почти уже вросшего в стену, «Их разыскивает милиция».

«ЛУЧШЕ СВИСТЕТЬ, ЧЕМ НЕ СВИСТЕТЬ», – прочитал Беляков. Далее, мелким шрифтом сообщалось о но-

вейшей разработке в области нанотехнологий, облегчающей службу полицейского. Глаза следователя скользнули ниже – к фотографии. На ней человек, вооруженный лупой, с недоверчивой улыбкой изучал указательный палец, подсунутый кем-то ему под нос.

Нижнюю часть фотографии закрывало прикрепленное к ней объявление:

**ВЫДАЧА ОДНОРАЗОВЫХ НАНАСВИСТКОВ
СОТРУДНИКАМ ОКОЛОТКА БУДЕТ
ПРОИЗВОДИТЬСЯ КАЖДУЮ СРЕДУ
И В ПЯТНИЦУ с 11:00 до 14:30.**

«Страшное дело – модернизация», – заметил про себя Беляков и поспешил в приёмную.

Там уже образовалась очередь, в которой собравшиеся мужчины обсуждали новость о присвоении новому начальнику звания генерала. Приказ сухо подтверждал этот факт и предписывал всем прибыть в актовЫй зал околотка в определённый день и час.

VI

– Правильный, видать, мужик твой новый начальник, – сделала вывод Муся.

Она гладила мужу к торжественному собранию парадную

форму и была настроена на философский лад. – Прежним-то было на всех вас наплевать. Поэтому и ходили вы, как охладомоны. Посмотришь на улице – идёт: ширинка расстегнута, неопрятный. Тьфу! Может, и действительно что-то будет у вас меняться. Молодёжь сейчас совсем по-другому видит жизнь.

– А у меня вот неважные предчувствия. И сон какой-то нехороший ночью снился.

– Расскажи.

– Да что рассказывать? Ерунда сплошная.

– Ерунда-не ерунда – рассказывай. Я ж с тебя теперь не слезу.

И – не потому, что отвертеться шансов у него почти не было, а из-за желания услышать разгадку сна, в чем Муся всегда была большим спецом – Беляков начал рассказ:

– Короче, снится мне Токарев, наш новый зам. Я, вроде, на улице нахожусь. Иду, здороваюсь с ним, а он мне: «Стоп! – говорит и начинает дрючить, как салагу какого-то. – Почему ты, разгильдяй, не по форме приветствуешь? Ты знаешь, – говорит, – что вышел приказ отдавать честь левой рукой?». Глаза у него начинают наливаться кровью, лицо грозное такое. Напустился на меня. Нагнал страху. Гнёт матом, как наш дядя Лёва. Кричит, что мы всю жизнь неправильно честь отдаём, что левая рука у полицейского для того и существует, чтобы приветствовать начальство от чистого сердца. А я, вроде, понимаю свою оплошность, но стою – дурак дураком.

Хочу козырнуть ему по-новому, чтобы он перестал злиться, а вместо левой руки всё равно поднимается правая. Токарев бесится, думает, что я специально издеваюсь над ним, типа, сознательно нарушаю дисциплину. В руке у него трость длинная и я почему-то знаю, что она с золотым набалдашником. Замахнулся на меня, гад, но ударить не успел – я проснулся. Вот что это такое? К чему вся эта белиберда?

Сергей Сергеевич замолчал и посмотрел на жену. Муся стояла посреди комнаты серьёзная, лоб её был нахмурен.

– Многовато у тебя намешено, – наконец произнесла она. – Что сказать? Когда твои любимые менты сняты – ничего хорошего не жди. В лучшем случае, это к разочарованию или к предательству. А тут ещё, видишь, ругань, да с матом. Обычно это – к неприятностям... всевозможным. Плохой сон, Серёженька.

Неутешительный прогноз бросил тени под глаза Белякова. Внутренние ощущения совпадали с тем, что открыла ему жена.

– Но, с другой-то стороны, мы же и так знаем, что в вашем грёбаном околотке – реформа, реструктуризация – продолжила Муся. – Никогда это и нигде спокойно не проходило. Я думаю вот что: давай-ка мы с тобой, Серёжка, на всякий случай, оденем все наши ордена. Чего им лежать без дела? Пусть послужат.

– Не-не-не. Не надену. Не перед кем там хвастаться.

– Одень, говорю. Причем здесь хвастаться? Пускай все ви-

дят, какой ты у меня бравый защитник. У кого поднимется рука на героя?

Следователь никогда не шёл на хитрости ради собственной выгоды, но в этот раз поддался на уговоры. Из дома выходил при полном параде. Он даже пшикнул на себя французскую туалетную воду, ради чего жена позволила в ботинках зайти в ванную комнату.

– Ну, вот видишь, как хорошо, – напутствовала Муся и лёгкими движениями пальцев не переставала сбивать несуществующие пылинки с мужниного кителя, – Нечего тут стесняться, дорогой. Ты их не своровал.

В холле, перед актовым залом, сослуживцы окружили Сергея Сергеевича, похлопывали по плечу, шутили про Шарпова и Кибрит⁸, которые, наверняка, померли бы от зависти, увидев увешенного наградами Белякова. Несколько раз на грудь ветерана, казавшуюся широкой от сияющей золотом россыпи, среди которой мерцал ещё и один боевой орден, глянул и новоявленный генерал.

– Что там за цацка у нашего супер следака? – недовольно спросил Ересьнев у Токарева, когда тандем плечом к плечу засел в президиум.

– Хрен его знает.

– А я вот знаю. У меня такой нет, – пожаловался генерал. – Решай вопрос.

---

⁸ Зиночка Кибрит – одна из трёх персонажей в советском телесериале о милиции «Следствие ведут ЗнаТоКи».

Через неделю после торжественного собрания, заместитель начальника по кадрам, майор Щербак, сообщил Сергею Сергеевичу, что оптимизация работы околотка в дальнейшем будет происходить без его участия.

– Принято решение о твоём увольнении. Жаль тебя терять, уж больно мужик ты толковый. Но в интересах дела взят курс на принудительное омоложение. ...И черт же тебя дёрнул, Серёжа, прийти в наградах! – не сдержался кадровик. – Чего ты этим хотел доказать? Себя подвёл и мне свиным подсунул.

– А ты-то здесь, Вячеслав Александрович, каким боком?

– Токарев поручил любым путём сделать для Георгия Георгиевича такой же орден, как у тебя. Вот такая канитель.

Единственное, что мудрый Щербак утаил от Белякова, – слова, которые генерал с обидой и в крайнем раздражении почти прокричал:

– Пусть этот ваш «майор Пронин» свой богатый опыт, играть-колотить, в задницу себе засунет.

О пожелании Ересьева Сергей Сергеевич узнал чуть позже из других источников и пересказал услышанное жене.

– Это же надо – какой оказался говнюк этот твой новый начальник, – сокрушалась Муся и долго не могла успокоиться от несправедливых слов про Серёжу, больно ранивших и её саму.

Опального следователя начальство к себе больше не подпускало. При случайных встречах с Беляковым – в коридо-

рах или у главного входа в околоток – Ересънев доставал из карманов мобильные телефоны и начинал выковыривать из них кнопки. Генерал категорически не мог простить подчинённому заслуженного ордена и люто его возненавидел.

Беляков, как и полагалось по уставу, продолжал ходить на службу, отработывал версии по делу Маркина и первым отдавал честь старшим по званию, когда они, вечно куда-то опаздывая, стремительно пробежали мимо, не поворачивая своих голов в его сторону.

Конечно, в глубине души Сергей Сергеевич надеялся, что судьба будет к нему благосклонна, что всё образуется и лихие дни минуют, не затронув его. Грядущая пенсия ни столько пугала Белякова, сколько представлялась чем-то противным и неестественным, вроде поросшей мхом старухи, требующей интима, шанс избежать которого равнялся нулю. При таких оказиях люди, кто в панике, кто с упрямым взором в глазах, ищут удачного для себя исхода. Везёт единицам: в ковчеге, по крайней мере, в том, который взял курс на омоложение, не бывает слишком много свободного места. Сергей Сергеевич пытался зацепиться за трап уплывающей посуды, но делал это единственно известным ему способом: служебным рвением. Ему хотелось изловчиться и сделать так, чтобы все ахнули от изящности и быстроты, с какой он завершил громкое дело.

В новых условиях интуиция подсказывала ему обратить внимание на «наследие» Маркина, которое ему передал

Грот. В архиве могли таиться отгадки, их и пытался найти настырный следователь. Он перелистывал страницу за страницей и обратил внимание, что главным и самым последовательным «летописцем» сценической жизни Маркина был колумнист из «Розового эппла» Самсон Носик.

Если журналисты, претендующие на серьёзное к себе отношение, в своих статьях сопоставляют, анализируют факты, в результате чего и приходят к тем или иным выводам, то Носик преподносил читателю события только в превосходной степени. «Круто», «суперски», «талантище»: эти слова мелькали почти в каждой строчке его путаных статей.

Апогеем творчества Маркина Самсон считал номер, носивший название «Болт». О нём Носик упоминал чаще всего, только с ним сравнивал другие сценические находки артиста.

Сергей Сергеевич мало что понимал из прочитанного. Некоторые, и, к счастью, не такие уж частые умозаключения автора, вызывали в Белякове негодование и протест. «Даже мнимые шахтёры в своих забоях не потеют от нагрузок так, – уверял читателей в одной из статей журналист, – как умудряется исчерпать свои недюжинные силы эта мега-звезда нашей эпохи».

Из прочитанных материалов Беляков знал, что не все собратья по перу разделяли щенячьи восторги Самсона. За это колумнист в своих статьях обзывал коллег обидными словами, обкладывал экзотическими выражениями, самым лите-

ратурным – а в каком-то смысле даже и поэтичным – было про «гнид, лающих на слона».

В отличие от тех, других, авторов, фанат «Болта» не искал синонимов к атрибуту, ставшему главным коньком выступлений Маркина. Его отличительной чертой было виртуозное применение суффиксов – от уменьшительно-ласкательных до тех, что создают самую превосходнейшую степень. С помощью богатого русского языка он так искусно преображал краткое имя мужского достоинства, в написании состоящего на две трети из латинского алфавита, что ничего другого не оставалось как восхищаться изумительной изобретательностью автора.

Завершил Беляков знакомство с сочинениями Носика только на второй день неустанной читки. Ближе к ночи он отложил последний журнал, не без усилий разогнул затёкшую спину и долго потом тёр уставшие глаза. Отношение к прочитанному выразилось у него очень кратко и в стилистике самого Носика: следовательно грязно выругался.

– Господи, за что мне всё это на склоне лет? – захныкал без пяти минут пенсионер и поймал себя на мысли, что ни сама фраза, ни то, как он её произнёс, не являются частью его самого.

Неожиданное открытие оставило неприятный осадок. Получалось, что первое, и достаточно поверхностное, погружение в иллюзорный мир шоу-бизнеса самым постыдным образом отразилось на его закалённом временем характере. Сто-

ило только чуть-чуть пригубить чуждой его желудку пищи, как последствия не замедлили сказаться.

«Всё, что угодно, твою мать, но – бабское нытьё?», – изумлялся Беляков, не веря, что такое произошло именно с ним.

Любая профессия накладывает на человека свой отпечаток, шлифует характер, перековывает. Служба, которой Сергей Сергеевич посвятил свою жизнь, перелицевала его. Он это знал. Прекрасные качества, спрятанные в нём от рождения, со временем видоизменились, грубели, отфильтровывались за ненадобностью. На их месте появлялись другие, с которыми было сподручней утверждаться в профессиональной среде, но не очень легко ладить с остальным миром.

«Кто вращается среди мусора, тот, рано или поздно, сам становится им», – сами собой всплыли в памяти слова преподавателя милицейской школы, Станислава Ивановича Пронько, сказанные им давным-давно на лекции по административному праву.

Старый законник, как сеятель, щедро разбрасывал вокруг себя мудрые мысли, но только теперь, с большим опозданием, что-то стало прорастать от тех брошенных зёрен в самом Белякове. Видимо, он достиг той поры, когда чужие жизненные наблюдения перестают быть пустым звуком и воспринимаются уже как свои собственные. Об этом парадоксе Сергей Сергеевич размышлял, спускаясь по лестнице, когда его, усталого и расстроенного, на выходе из околотка окликнул дежурный:

– Беляков, иди сюда!

Он нехотя подошёл к зарешеченному окну.

– Генерал приказал тебе передать, что дело по Маркину прекращается.

– Это ещё почему? – возмутился следователь. – У меня уже есть конкретные результаты: подозреваемые, версии.

– И у нас есть результаты, – вяло перебил его дежурный. – Экспертиза пришла. У твоего артиста тромб оторвался. Нет состава преступления. Так что, можешь курить бамбук.

Непродолжительное следствие закончилось почти на взлёте и поставило точку в карьере Сергея Белякова. Вынужденное безделье заставляло опального героя слоняться по кабинетам сослуживцев; но там он уже больше не находил прежнего радушия и товарищеского участия. Разнообразя скучные, похожие друг на друга будни, без пяти минут пенсионер повадился нелицеприятно высказываться о новом руководстве околотка, чем окончательно отвратил от себя большинство коллег.

Когда общение на работе сошло на нет, на глаза вновь попался маркинский архив, который когда-то было обещано вернуть Гроту. К опусам Носика решено было больше не возвращаться. Просто так, от нечего делать, Беляков пробежал глазами статью одного автора, прочитал рецензию о «родимых пятнах» шоу-бизнеса другого, и понял, что есть пытливые люди, которые, в отличие от колумниста «Розового эппла», так же, как и он, Сергей Сергеевич, старались уга-

дать: куда ещё может завести шальная идея о безраздельной свободе творчества.

Постепенно погружаясь в неизвестную для себя сферу, ветеран познавал суть того мира, который Самсон Носик называл не иначе, как «благоуханное лоно». Короткий остаток зимы, в привычной для себя казённой обстановке, Беляков заполнял пробелы в знаниях, где его дочь и Муся, ориентировались как в их собственной квартире. Когда почти всё уже было прочитано, когда на все вопросы были даны ответы, Сергей Сергеевич честно признался, что ничего не понял.

Он допускал, что в тех людях, о которых он впервые узнал, возможно, и была божья искра, но предназначалась она, по его убеждению, совсем для другой деятельности, которой эстрадные глаши, стасики, «изделия № 1» принципиально не хотели заниматься.

– Ты не врубаешься! Это же класс! От них все балдеют, – спорила дочка, и, как последний аргумент, пыталась надеть на отца наушники, чтобы любимый папка самостоятельно мог ощутить творческую силу и мощь её кумиров.

В таких случаях глава семьи на время замирал, пробовал настроиться на серьёзное восприятие, но уже в первые секунды его лицо выражало почти библейскую муку. Наташка злилась на глухоту отцовской души, резким движением прекращала прослушивание и, чтобы насолить отцу, громко жаловалась матери:

– Ма-а, он «Когда солнце догорает» плохим словом называл.

Конфликт на почве эстетических разногласий в семье Бе-
лякова усугублялся ещё и тем, что даже у любимой жены
Мусеньки, его верной подруги и ангела-хранителя, глаза ста-
новились влажными, как у стельной коровы, при упомина-
нии имени певца, чьё творчество Сергей Сергеевич ненави-
дел особенно и кого, в отместку за своих заблудших коллег,
называл оборотнем.

Он ничего не мог с собой поделаться. Его чуткая к фальши
душа протестовала, а ощущение непрекращающегося бала-
гана, спрятанного под натужным весельем и самодовольны-
ми ухмылками набивших оскомину персонажей, преследо-
вало его. Острым чутьём сыщика он безошибочно определял
суть обмана, примитивность наживки, на которую его хоте-
ли поддеть.

И всё же добровольный искусствовед продолжал упрямо
искать ту ничтожную малость, ту пустяшную детальку, кото-
рая могла бы ему помочь подняться над неприятием нового
искусства, чтобы, сделав шаг, встать вровень с теми, кто вз-
хлёб, как тот же Самсон Носик, расхваливал Маркина, всех
похожих и не похожих на него.

VII

Приказ об увольнении следователя Белякова из органов

внутренних дел пришёл к апрелю, на Благовещение. День тот запомнился короткими, скомканными поздравлениями сослуживцев, вынужденных с самого утра выяснять обстоятельства появления изображения огромного фаллоса на фасаде здания, строившегося напротив околотка уже больше двадцати лет. В непосредственной близости рисунок не обладал реалистичностью, но с крыльца и из окон силового ведомства очертания гиганта ни с чем другим спутать было нельзя.

На небольшой пяточок перед стройкой в считанные часы слетелись журналисты, неизвестно как пронюхавшие о появлении «монстра», высотой в девятиэтажный дом. Медийщики металась в поиске очевидцев события, спешили запечатлеть общие и крупные планы. Заметив статного, с букетом цветов полицейского, репортёры принялись подбивать его на комментарии, но потенциальный носитель информации сдержанно улыбался и вежливо посылал их всех к начальству:

– К Ересьеву, ступайте, милые. Я нынче не при делах.

Но, если бы старый служака решился переступить через вошедшую в него с кровью и потом субординацию, то знал бы, что сказать народу. Своим чистым сердцем он один видел в безыскусном творении неизвестных художников послание Иосифа Богдановича Маркина. Недаром Сергей Сергеевич ночами изучал «суперское», как определял Самсон Носик, наследие артиста. При желании, отставник мог поведать журналистам многое из того, к чему дошёл своим умом в ча-

сы долгих раздумий. Если бы он захотел, то мог встать перед всеми этими людьми, снующими с микрофонами, камерами, и крикнуть, надрывая глотку и показывая пальцем на распи- санный фасад:

«Вот! Вот чего мы все с вами заслужили! Это мы по сво- ей глупости не фильтровали базар и гоготали над всем, что было когда-то дорого нам и нашим родителям. Дождались? Теперь сами становимся посмешищем. А, чтобы скрыть своё убожество, ржём ещё громче, лишь бы заглушить чувство оставшегося ещё стыда, которое тоже, рано или поздно, по- кинет нас, если не одумаемся...»

Он мог разложить по полочкам всё, чего стоит ждать в будущем, ибо был почти уверен, что следующий этап несёт лишь увеличение масштабов и цветовой гаммы скандально- го изображения, что оно будет тиражироваться в разных ви- дах, и займёт под собой плоскости на мостах, космических кораблях, реакторах атомных электростанций...

– Прикинь, какая мандула приплыла утром к ментам, – послышался рядом язвительный голос зеваки, пришедшего поглазеть на бесплатное зрелище.

– Какие же кисточки нужно было иметь? – удивлялся кто- то из любознательных.

– Такой объём кистью не возьмёшь. Валиком сделано или из баллончиков распыляли, – предполагали понимающие в молярном деле люди.

– Спешили, черти. Кривой он у них какой-то получился.

«Это – конец», – подумал Беляков.

Наспех врученный бывшими коллегами букет алых гвоздик замер в руке ветерана, а затем стал медленно опускаться к земле, пока кучерявые головки цветов ни коснулись асфальта.

К середине дня девятиэтажку, в одночасье ставшую самым знаменитым в мире недостроем, полицейские обнесли заградительными ленточками. Как муравьи у разорённого муравейника, засуетились вокруг здания представители местной власти и коммунальщики. Гроздьями черного винограда повисли на фасаде городские альпинисты: их в спешном порядке придали боевым расчетам двух пескоструйных установок.

Однако удалить со стены мощный контур не удалось. Не спас положение и гигантский баннер с изображением завидных наручных часов, привезённый к месту событий ближе к ночи. Гильошированный циферблат, на котором хорошо читалась надпись «Swiss made», надёжно прикрыл только верхнюю часть срамоты. Правда, утром служители околотка смогли, наконец, удовлетворить своё любопытство относительно марки часов, отсчитывающих время на руке их молодого генерала.

В последующие дни бывший следователь приходил к знакомому пятакчу, как на службу, и возвращался домой только ближе к вечеру, чтобы на кухне, за ужином, обстоятельно изложить жене хронику прошедших событий.

Муся сидела за столом, подперев щеку рукой, и терпеливо слушала про бригады гастарбайтеров, которых привозили на борьбу с граффити, но те, завидев отсутствие «халяля» моментально разбегались; про свадебные картежи, которые по дороге в ЗАГС стали заворачивать к зданию, чтобы молодые могли возложить цветы к новой городской достопримечательности. Пересказывал жене Беляков и разговоры, услышанные от бывших сослуживцев, которые те вели под большим секретом. Несколько человек шепнули, что некие экстремисты предложили властям радикально решить проблему, только вот применять тротильный эквивалент категорически запретили в чрезвычайной комиссии.

– Никак они дом хотели подзарвать? – заволновалась Муся и от страшной догадки её серые глаза стали круглыми, как у рыбы.

Через неделю муж принёс ей новость о поимке первого подозреваемого.

– Взяли одного художника. Теперь по цепочке найдут и других. Дело времени, – обнадёжил жену Беляков, не опасаясь, что тем самым нарушил тайну следствия.

Всё оказалось очень просто. Камеры видеонаблюдения выхватили молодого человека в бейсболке, одетого в тёмную куртку, который ежедневно приходил к месту преступления и собирал вокруг себя небольшую толпу. На записях было видно, как неизвестный что-то говорил, размахивал руками и лицо его в это время обращалось в сторону злосчастно-

го дома. Создавалось впечатление, что на пяточке изо дня в день происходит некая деятельность, отдалённо напоминающая экскурсионную. Полицейским оставалось только переодеться, чтобы изобразить из себя группу туристов, и задержать подозрительную личность. В околотке выяснилось, что соответствующей лицензии у парня не было, а сам он под давлением улик признался, что является одним из авторов широко обсуждаемого художественного произведения. Считать себя нарушителем закона юноша отказывался. Он с жаром объяснял, что совершенно бесплатно рассказывал зевакам как под покровом ночи он вместе с единомышленниками создавал новое искусство и с особым удовольствием показывал всем желающим этаж, на котором повезло трудиться лично ему.

Задержанным оказался безработный маляр. Через него полиции стало известно число художников, участвовавших в создании «волнующего образа». Назвать соавторов поимённо юноша затруднился.

Парню грозило восемь лет лишения свободы за вандализм с отягчающими вину обстоятельствами. Сторонники жестких действий и те, кому было наплевать на судьбу вольного художника, ратовали за самую строгую меру наказания. Те же, кто видел в выходке лоботрясов только неудачную шутку, считали, что достаточно обойтись розгами и денежным штрафом за осквернение муниципальной собственности.

Взгляды приверженцев полярных мер воздействия приня-

ли непримиримый характер после того, как девятиэтажный исполин был объявлен новым шедевром и включен независимыми экспертами в перечень объектов, охраняемых международными некоммерческими ответвлениями.

Политики, более чутко реагирующие на всевозможные брожения в обществе, чем простой люд, на всякий случай тоже активизировались. Парламентское большинство объявило устремлённое ввысь изображение неуважением к вертикали власти; оппозиция увидела в нём символическую поддержку своему несгибаемому курсу. На городских улицах часто можно было встретить и одиночных пикетчиков. Одни из них держали в руках плакаты с надписью: «Руки прочь!», другие – «Позор!»

Начатое уголовное дело дало сбой, а затем и вовсе развалилось, когда официальные международные организации и некоторые зарубежные правительства предостерегли власти от подавления инакомыслия.

Парня пришлось выпускать из заточения, а заодно и открыть доступ для всех желающих полюбоваться последним словом в изобразительном искусстве. Сняв полицейское оцепление, генерал Ереснев целую неделю на разных телевизионных каналах то извинялся за своих «искусствоведов», не сумевших правильно оценить символическое изображение народного достояния, то грозился найти и примерно наказать виновных.

Беляков по привычке продолжал ходить к околотку. И хо-

тя без удостоверения его вовнутрь уже не пускали, он довольствовался редким общением с товарищами у строительного пятачка, где владельцы появившихся там сувенирных лавок всю торговали гендерным отличием, воплощенном в стекле, металле и дереве. Перенесённый китайскими производителями на майки, «магнитики», шариковые ручки и зажигалки, интимный орган поражал обилием форм, сюжетов, в которых он использовался благодаря живой фантазии производителей сувенирной продукции.

Несанкционированная торговля рядом с околотком Сергею Сергеевичу не нравилась. Он много раз порывался пресечь безобразие. На требования старика покинуть незаконно используемую территорию торговцы поначалу отмахивались, а когда настырный дядька им окончательно надоел, появились коллеги бывшего следователя.

– Чего шумишь, Серёжа? – спросил подполковник Токарев, которого генерал отправил выяснить причины недовольства китайских товарищей.

– Да вот, понимаешь, нарушают. Принимаю меры воздействия.

После последовавшего за этим очень короткого разговора, пенсионер решил больше не показываться вблизи родного околотка и вообще забыть дорогу туда.

«Эх, Маркин, членистоног ты поганый. Лучше бы тебя, действительно, убили, – костерил покойного артиста Беляков, – а ещё лучше, чтобы ты вовсе не родился, злыдень. От

тебя – сплошные беды. Ведь нигде уже никакого порядка нет. Откуда ты только взялся на нашу голову?».

Ничто не могло переубедить бывшего следователя во вредной сущности творчества Маркина. Даже популярное сравнение Иосифа с Уорхолом не только не вселяло в Белякова гордость за соотечественника, но, наоборот, ещё больше выводило из себя. В каждодневных несчастьях, бедах и катастрофах, даже в обычном разгильдяйстве ему виделись отголоски неубиенного духа Иосифа Маркина, витавшего над страной.

Когда девятиэтажку у околотка, прозванную в народе «концом», воспела знаменитая на весь мир рок-группа, Сергей Сергеевич слёг с сердечным приступом. Песня «The KGB's Balls», о которой ему с радостью сообщила дочка, была исполнена вне конкурса на знаменитом фестивале и имела бешеный успех.

– Она сейчас во всех хит-парадах. Я девчонкам рассказываю, что «конец» был как раз напротив твоих окон в околотке. Все завидуют. Папка, я такая счастливая!

Вскоре песня зазвучала и на русском языке. На родине КГБ, где толерантность закрепились и развилась до масштабов, когда её уже можно было смело экспортировать в страны с более развитой демократией, песню перевели максимально близко к оригиналу и даже усилили в сторону самобичевания. Единственное, что отличало её от первоисточника, было название. Кто-то настоял на том, чтобы песня называлась

«Толстый Гудвин», а припев звучал, как «шабада-бада». В таком виде композиция плыла на радиоволнах, исполнялась в караоке и на заказ в фешенебельных пунктах общественного питания, где посетителей, кроме всего прочего, потчевали ещё и живой музыкой.

VIII

Проходили дни и месяцы, но о настенной росписи нет-нет да вспоминали то в прессе, то в других разносчиках информации. Появлялись дополнения к ранее известным фактам, давались обширные интервью с экспертами и искусствоведами по вновь открытым обстоятельствам появления культового знака. Изредка вспыхивали научные споры, но они уже не носили того ожесточенного, острого характера. Изображение воспринималось общественностью, как данность, как пигментное пятно, с которым что ни делай, а оно всё равно возвратится на прежнее место – ибо извести его человек не в силах.

Мудрые противники и защитники монументального живописного произведения решили оставить всё так, как есть. Одним оно нужно было для того, чтобы показать, как низко пал в современном обществе дух творчества, а другим – доказать возможность создания шедевра при минимальных душевных затратах.

По обе стороны баррикад появилась озабоченность кли-

матическими условиями и политической атмосферой, в которых вынужден был сохраняться рисунок. Постепенно дошло и до того, что любое громкое событие в области культуры, призванное оказать эмоциональное воздействие на зрителя, стало сравниваться исключительно с первоначальным шоком, произведённым многоэтажным пеннисом в день, когда он предстал перед изумлённым взором горожан.

Новичкам и думать было нельзя, чтобы преодолеть заданную планку. Их творчеству заведомо не хватало исконной простоты. А именно первозданную простоту, как считали многие критики, удалось зафиксировать авторам в своей лаконичной работе.

Белякову не хотелось, но против собственной воли всё же приходилось быть в курсе всего, что так или иначе касалось нашумевшей «девятиэтажки». И, неизменно, он лишь растерянно разводил руками, когда события, по его разумению, выходили за рамки здравого смысла. Бывший следователь злился, когда не мог логически объяснить себе суть происходящего.

– Вот ты, вроде, и не дурачок, Серёжка, а как дитё малое, честное слово, – начинала объяснять мужу политическую ситуацию Муся. – Тебе каждый день о чем по телевизору говорят: про кризис, что имеются недоработки... ля-ля три рубля... Честное слово, мне жалко наше начальство. Чем они могут похвастаться? Ты вот шрамами своими можешь гордиться, я – тобой. А им-то что остаётся?

Посидят, посидят, подумают, да и позвонят на телевидение этому... Герцу, что ли? Мол, давай, заводи опять шарманку про хрен моржовый. Отвлекающий манёвр. Вот так, милый мой, дела делаются. А ты думал по-другому?

Серёжку Мусины объяснения не успокаивали. Он только больше распалялся и на далёких исторических примерах пытался доказать ошибочность выбранного курса.

– Куда же это годится? – напирал он. – Ты хоть слышала, что они удумали? Теперь по эскизам этих художников предлагают оформлять интерьеры во всех инноградах. Мыслимое ли дело? Как ученые смогут вообще что-то создавать на таком фоне?

Муся фыркнула и, не проявляя никакого сочувствия к грядущим проблемам ученых, посмотрела на мужа.

– Нашёл, из-за чего переживать.

– А то, что они на народные деньги хотят реставрировать эту похабщину?! Я был там недавно и видел, как к дому охранную табличку пришпандорили. Как тебе такой поворот?

Беляков не сочинял. Он нарушил данное себе слово и сходил к родному околотку. Это совпало как раз с тем днём, когда при стечении народа лучшие люди города решили увековечить исторический комплекс.

– Да по мне пусть там хоть трёхчлен намалюют и десять табличек прибьют. Лишь бы цена на нефть держалась в рамках расчетных величин, – отмахнулась от проблемы, как от-

резала, жена.

– При Сталине бы за такое... – начал потомок репрессированного прадеда и замолк.

IX

Известие о присуждении группе неизвестных художников премии за создание на фасаде недостроя произведения, «олицетворяющего собой стойкость и несгибаемость в достижении цели», застала Сергея Белякова за поздним ужином. Услышанное заставило обомлеть.

Ведущая теленовостей, видимо, тоже не видевшая реальной связи неистребимого изображения на фасаде дома с искусством, удивлённо сообщала, что каждому из художников компетентное жюри решило выплатить крупное денежное вознаграждение.

– Клёво! Бабло-то какое людям подвалило! – в восторге выпалила Наташка. – Пап, это же про граффити, что рядом с твоей бывшей работой?

– Про него, доча. Черт бы его побрал.

– Но ты же говорил, что это дерьмо собачье. Ругался.

– Так я и сейчас это говорю.

– А как же тогда премии, песни?

– Это – не ко мне вопросы, моя милая. Не знаю! Не могу этого объяснить. Повезло ребятам.

– А вот нам уже так никогда не повезёт, – высказала пред-

положение Муся, не пропуская итоговых новостей, и, до того, тихонько сидевшая рядышком за пяльцами.

«Везенье лучше, чем невезенье», – прозвучало вдруг из телевизора, будто кто-то, сидевший в нём, подслушивал семейный разговор и только того и ждал, чтобы удачно в него вклиниться.

Беляков с недоверием уставился на экран. Там пучеглазый умник пытался хмурить брови и важничать. Утверждение, которое мало кого из телезрителей могло серьёзно заинтересовать, устами говорившего обрастало мелкими и ненужными подробностями.

«Лучше свистеть, чем не свистеть», – вспомнил Сергей Сергеевич заголовок на стенде в околотке.

– Я же говорил! Я же говорил! – закричал он и пальцем указывал в телевизор. – Кругом маркины. Они обложили нас. Смеются, каждый день издеваются над нами. Считают, что нам можно говорить, показывать любую хрень. Маркин, сволочь, убирайся вон! Изыди!

Муся удивлённо смотрела на экран и не видела в телевизоре никого, кроме молодого мужчины в белой рубашке и черном галстуке, который что-то объяснял, и чьё лицо, с каждым произносимым им словом, становилось ненужно многозначительным и строгим.

– О чём ты, Серёженька? Какой Маркин? Он же умер.

– Нет, не верь. Такие не умирают. Они – везде. Как вы не понимаете? Как вы не видите этого?

В охватившем его беспокойстве Беляков вскочил с дивана, снова сел и закрыл лицо руками.

– Они везде, – шептал Сергей Сергеевич. – Срочно нужно идти... что-то делать.

– На, попей водички, Серёженька. Успокойся.

Муся вложила в руку мужа стакан с водой, подобрала валявшийся на полу телевизионный пульт и нажала на красную кнопку. Экран погас.

– Вот всё и кончилось, дорогой. Забудь. А хочешь, завтра к дяде Лёве поедем? Посидим, тяпните с ним по маленькой, как раньше...

2013-2018 гг.